784п/71

Т. 1

Сочин. Державина

Пав. Тончич

Грав. Ѳ. Гордонъ 1861.

Гавріилъ Державинъ.

MC PG3312
.A1
1815
t.1

СОЧИНЕНІЯ.

ДЕРЖАВИНА

съ объяснительными примѣчаніями.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

А.В. Кокорева

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Н. Ѳ. Мертца.
1895.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 18 ноября 1895 г.

Типографія Е. А. Евдокимова, Троицкая ул, д. 18.

Предисловіе.

Редакція «Сѣвера» обѣщала дать своимъ подписчикамъ собраніе сочиненій самаго выдающагося изъ нашихъ классиковъ—Державина, придерживаясь академическаго текста, изданнаго подъ редакціей, съ объясненіями и примѣчаніями, Я. К. Грота. Академія наукъ въ своемъ изданіи имѣла въ виду однихъ спеціалистовъ ученыхъ, вслѣдствіе чего оно было напечатано въ весьма ограниченномъ количествѣ экземпляровъ и съ такой полнотой текста, а также и съ такими тщательными и подробными научными и библіографическими примѣчаніями, что для нашей задачи, для цѣлей болѣе литературныхъ и педагогическихъ, мы сочли необходимымъ только руководствоваться редакціей академическаго текста и дать все то, что характеризуетъ музу Державина и его вѣкъ. Мы старались отмѣтить всѣ его, болѣе или менѣе имѣющія значеніе, произведенія, начиная съ перваго года ихъ появленія въ свѣтъ и до самаго послѣдняго изъ нихъ. Въ примѣчаніяхъ и объясненіяхъ мы держались не библіографическихъ изслѣдованій и чисто ученыхъ указаній, а фактовъ историческихъ и указаній общелитературныхъ, имѣющихъ педагогическое значеніе. Полагаемъ, что такого рода изданіе можетъ быть полезно какъ для пополненія библіотекъ нашихъ знаменитыхъ классиковъ, такъ равно и какъ педагогическое пособіе для всѣхъ учебныхъ заведеній.

1770 г.

ВСЕМИЛѢ [1].

Какая непонятна сила
Изъ устъ твоихъ и изъ очей
Плѣняетъ, юная Всемила!
Царица ты души моей.

Такъ, красота владѣетъ міромъ;
Сердца ей тронъ и алтари;
Ее чтутъ мудрые кумиромъ,
И поклоняются цари.

Прочти дѣянія великихъ:
Всѣ къ нѣжности склоняли слухъ;
Причина подвиговъ толикихъ —
Ихъ вкусъ къ добру, ихъ пылкій духъ.

Почто жъ, о милое творенье!
Грустишь и тонешь такъ въ слезахъ,
Когда царей и царствъ правленье
Въ твоихъ содержится рукахъ?

Увы! прекрасна грудь вздыхаетъ;
Въ слезахъ твердишь ты: „все мечта!“
Такъ! добродѣтелью бываетъ
Сильна лишь женщинъ красота.

1772 г.

II. НА ПОБѢДЫ ЕКАТЕРИНЫ II

НАДЪ ТУРКАМИ [2].

Со ужасомъ дѣла вселенная внимаетъ,
Какъ падшу Грецію Минерва поднимаетъ.
Не можетъ скрыться врагъ въ пустыняхъ и горахъ—
Побѣда на земли, побѣда на моряхъ!
Дрожитъ дунайскій брегъ, трепещутъ Дарданеллы,
Колеблется Востокъ и южные предѣлы.
Вездѣ твои орлы, монархиня, парятъ;
Вездѣ твой громъ гремитъ и молніи горятъ;
Отвсюду Божій внукъ, бичъ царствъ земныхъ, темнѣетъ [a],
Отвсюду Мустафа въ сералѣ цѣпенѣетъ:
Въ началѣ счастливыхъ, торжественныхъ судьбинъ,
Голицынъ [b], утѣснивъ, повергъ тебѣ Хотинъ;
Съ стремленьемъ сильный вихрь во слѣдъ его пустился;
Румянцовъ, какъ перунъ, по Туркамъ разразился;
Какъ древле Юпитеръ гигантовъ поразилъ,
Такъ подъ Кагуломъ онъ визиря разгромилъ.
Упадши гордыя предъ Панинымъ Бендеры
Сомнительны вѣкамъ оставили примѣры [c]:
Быть долженъ Геркулесъ, чтобъ стрясть толь твердый градъ,
Который защищалъ всей злобой злобный адъ.
Что сдѣлать грозные возмогутъ элементы?
Россійскимъ флотомъ вмигъ флотъ Агаряновъ стертый
Исчезнулъ при Чесмѣ и свѣту показалъ,
Что влагой и огнемъ Орловъ повелѣвалъ!
Вступилъ лишь въ Херсонесъ, пошелъ лишь Долгоруковъ [d],
Единой славою его гремящихъ звуковъ
Отверзлась Перекопь, пришелъ въ подданство Крымъ,
И вѣки что творятъ, то лѣтомъ онъ однимъ.
Екатеринѣ, знать, положено судьбами,
Чтобъ не стеналъ Босфоръ Магмета предъ рабами!
Гряди, гряди, о рокъ!—и Орлею рукой [e]
Возстань, Палеологъ, поверженный Луной!

1774 г.

III. НА СМЕРТЬ БИБИКОВА [3].

Тебя ль оплакивать я долженъ,
О Бибиковъ! какой ударъ!
Тебѣ ли кипарисны лозы
И мyро я на гробъ несу?
Едва успѣлъ тобой быть знаемъ,
Лишенъ тебя я рокомъ лютымъ,
Погибъ съ печали разумъ мой!
Твои достоинства лишь вспомню,
Сердечны разверзаю раны
И вновь терплю твою я смерть.

Твои заслуги и почтенье
Отъ всей къ тебѣ твоей страны
Уже столь громки и велики,
Что время ихъ не можетъ скрыть.
У всѣхъ, кто любитъ добродѣтель,
Въ сердцахъ твой образъ будетъ вѣченъ.
Внемли! —Тамъ Музъ несется стонъ [a];
На щитъ облегшися Беллона [b],
На лаврахъ Россъ, Минерва плачутъ [c],
На блеклыхъ миртахъ Гименей [d].

Не показать мое искусство,
Я здѣсь тебѣ стихи пою,
И риемъ здѣсь нѣтъ въ печальномъ слогѣ [e],
Но благодарности лишь знакъ.
Усердное мое почтенье
И воздыханій чувство нѣжно
Я здѣсь изобразить хочу:
Пускай о томъ и всѣ узнаютъ,
Что, вмѣсто мавзолея вѣчна,
Я пролилъ слезы надъ тобой.

Иные чтутъ одну фортуну,

Смотря на выгоды свои,
И даръ поэзіи священной
Приносятъ только ей одной:
Но я предъ сей царицей міра
Моихъ цвѣтовъ не разсыпаю.
А сыплю ихъ на пепелъ твой;
Желаю только, чтобъ сказали;
„Онъ вѣрно любитъ добродѣтель,
Что пишетъ ей свои стихи“.

Но чтобъ мнѣ смерть твою похвальну,
Герой! печальнѣе воспѣть,
Оттоль я собралъ черны тѣни,
Гдѣ въ подвигѣ погасъ твой вѣкъ.
Не лавръ исторгши у Пруссаковъ [f],
Не побѣждаючи Сарматъ;
Но ставъ отечества щитомъ,
Крамолу ты разя, скончался.
О, коль такой конецъ прекрасенъ!
Онъ всѣхъ другихъ славнѣй побѣдъ.

Ты, зря на предстоящихъ слезныхъ,
Рекъ: „Жаль отца, жену и чадъ,
Но награждающа заслуги
Екатерина призритъ ихъ;
Отечество жалѣю больше [g]!“
И съ словомъ симъ сомкнулъ вздыханье;
Но твой и мертвый вскрытый взоръ
Еще показывалъ героя,
И молніей грозилъ ехиднѣ—
И тутъ раздался страшный гулъ!

Пустыни вретищемъ покрылись,
Весна уныла на цвѣтахъ [h];
Казань вострепетала въ сердцѣ;
Потухъ горящій воевъ духъ;
Спѣшатъ писать увѣщеванья:
„Мужайтесь, бодрствуйте!“ вѣщаютъ,

Но тщетно!... Нѣтъ уже тебя!
Разстроилось побѣдъ начало [j];
Сильнѣе разлилася язва;
Скрѣпился въ злобѣ лютый тигръ.

Тогда цѣна твоя позналась
Рыданьемъ сограждан твоихъ,
Успѣхомъ бунта и крамолы,
Паденьемъ скорымъ многихъ странъ.
„Блаженъ!“ рекли россійски вожди:
„Онъ въ лучши дни животъ оставилъ,
Когда о немъ жалѣютъ всѣ.“—
Славнѣйшій странъ опустошитель
Ведетъ проклятье за собою;
Защитникъ—славу и любовь.

О ты, отечества ревнитель,
Ему до гроба вѣрный сынъ!
Прости, прости, что оставляю
Воспѣть тебѣ я Россамъ гимнъ.
Они, проливъ потоки слезны,
Поставятъ въ честь того трофей,
Кого желали зрѣть цари.— [k]
Ихъ нѣкогда потомокъ поздній
Прочтетъ на мраморной гробницѣ
Сіи нелестныя слова:

„Онъ былъ искусный вождь во браняхъ,
Совѣта мужъ, любитель музъ,
Отечества подпора тверда,
Блюститель вѣры, правдѣ другъ;
Екатериной чтимъ за службу,
За здравый умъ, за добродѣтель,
За искренность души его.
Онъ умеръ, тронъ обороняя:
Стой, путникъ [l]! стой благоговѣйно!
Здѣсь Бибикова прахъ сокрытъ [m]!

1776 г.

IV. ПЕТРУ ВЕЛИКОМУ[1].

Россія, въ славу облеченна,
Куда свой взоръ ни обратитъ,
Вездѣ, веселіемъ восхищенна,
Вездѣ труды Петровы зритъ.
Неси на небо гласы, вѣтръ:
Безсмертенъ ты, великій Петръ!

Онъ, древній мракъ нашъ побѣждая,
Науки въ полночь водворилъ;
Во тьмѣ свѣтильникъ возжигая,
И въ насъ благіе нравы влилъ.
Неси на небо гласы, вѣтръ:
Безсмертенъ ты, великій Петръ!

Какъ Богъ, великимъ провидѣніемъ,
Онъ все собою озиралъ;
Какъ рабъ, неслыханнымъ раченіемъ,
Онъ все собою исполнялъ.
Неси на небо гласы, вѣтръ:
Безсмертенъ ты, великій Петръ!

Прошелъ землями и морями,
Учился самъ, чтобъ насъ учить;
Искалъ бесѣдовать съ царями,
Чтобъ послѣ всѣхъ ихъ удивить.
Неси на небо гласы, вѣтръ:
Безсмертенъ ты, великій Петръ!

Ко скипетру рожденны руки
На трудъ несродный простиралъ;
Звучатъ доднесь по свѣту звуки,
Какъ онъ сѣкирой ударялъ.
Неси на небо гласы, вѣтръ:
Безсмертенъ ты, великій Петръ!

Его младенчески забавы
Родили громы наконецъ;
А посреди военной славы
Онъ былъ отечества отецъ.
Неси на небо гласы, вѣтръ:
Безсмертенъ ты, великій Петръ!

Лучи величества скрывая,
Простымъ онъ воиномъ служилъ;
Вождей искусству научая,
Онъ самъ полки на брань водилъ.
Неси на небо гласы, вѣтръ:
Безсмертенъ ты, великій Петръ!

Вселенну храбрость устрашала,
Какъ онъ противныхъ поражалъ;
Вселенну милость утѣшала,
Какъ онъ плѣненныхъ угощалъ.
Неси на небо гласы, вѣтръ:
Безсмертенъ ты, великій Петръ!

Владыка будучи полсвѣта,
Герой въ поляхъ и на моряхъ,
Не призиралъ давать отчета
Своимъ рабамъ въ своихъ дѣлахъ.
Неси на небо гласы, вѣтръ:
Безсмертенъ ты, великій Петръ!

Вѣнцы, тріумфы, колесницы
Не для себя онъ учреждалъ:
Отличность, блески багряницы
Заслугъ въ наградѣ полагалъ.
Неси на небо гласы, вѣтръ:
Безсмертенъ ты, великій Петръ!

Былъ въ вѣрѣ твердъ и ей послушенъ;
Пѣвецъ онъ самъ былъ алтарей;
Средь золъ, средь благъ великодушенъ,
Нелестный другъ своихъ друзей.

Неси на небо гласы, вѣтръ:
Безсмертенъ ты, великій Петръ!

Монархамъ возвращалъ короны,
Законы подданнымъ писалъ;
Что должны дѣлать милліоны,
Собой всѣмъ образъ подавалъ.
Неси на небо гласы, вѣтръ:
Безсмертенъ ты, великій Петръ!

Чрезъ горы проточилъ онъ воды,
На блатахъ грады насадилъ;
Довольство ввелъ въ свои народы,
Съ Востокомъ Западъ съединилъ.
Неси на небо гласы, вѣтръ:
Безсмертенъ ты, великій Петръ!

Онъ, истины любя уставы,
Хранилъ нелицемѣрный судъ;
Поднесь его полезны правы [a]
Ко благоденствію ведутъ.
Неси на небо гласы, вѣтръ:
Безсмертенъ ты, великій Петръ!

Поднесь вселенну изумляетъ
Величіе его чудесъ;
Премудрыхъ умъ не постигаетъ,
Не Богъ ли въ немъ сходилъ съ небесъ?
Неси на небо гласы, вѣтръ:
Безсмертенъ ты, великій Петръ!

О Россы, славой лучезарны!
О родъ героевъ и соборъ!
Петру вы будьте благодарны,
Да ввѣкъ Петру гремитъ вашъ хоръ!
Неси на небо гласы, вѣтръ:
Безсмертенъ ты, великій Петръ!

1776 г.

V. МОНУМЕНТЪ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

Хотя смерть косу поднимаетъ
Равно и на владыкъ земныхъ;
Но вѣчно память пребываетъ
Въ сердцахъ людскихъ царей благихъ.
Твоя пребудетъ добродѣтель,
О Петръ! любезна всѣмъ вѣкамъ;
Храни, храни всегда, Содѣтель,
Его въ преемникахъ Ты намъ!

Неронъ, Калигула, Коммоды,
Когда на тронахъ гдѣ сидятъ,
Хоть позднiе ихъ помнятъ роды,
Но помнятъ такъ, какъ моръ и гладъ.
Твоя пребудетъ добродѣтель,
О Петръ! любезна всѣмъ вѣкамъ;
Храни, храни всегда, Содѣтель,
Его въ преемникахъ Ты намъ!

Пускай въ подсолнечную трубитъ
Тиранъ своимъ богатствомъ страхъ;
Когда кого народъ не любитъ,
Полки его и деньги — прахъ.
Твоя пребудетъ добродѣтель,
О Петръ! любезна всѣмъ вѣкамъ;
Храни, храни всегда, Содѣтель,
Его въ преемникахъ Ты намъ!

Когда царя народъ прославитъ,
Вселенна подтверждаетъ то жъ;
Когда царя ласкатель хвалитъ,
Потомство презираетъ ложь.
Твоя пребудетъ добродѣтель,
О Петръ! любезна всѣмъ вѣкамъ;
Храни, храни всегда, Содѣтель,
Его въ преемникахъ Ты намъ!

Вовѣкъ, вовѣкъ вы незабвенны,
Петра Великаго дѣла!
Петромъ бесѣды украшенны;
Петру дѣла его — хвала.
Твоя пребудетъ добродѣтель,
О Петръ! любезна всѣмъ вѣкамъ;
Храни, храни всегда, Содѣтель,
Его въ преемникахъ Ты намъ!

Кто былъ въ трудахъ неутомленный,
Прямой отечества отецъ?
Великіе цари вселенны!
Въ Петрѣ вашъ зрите образецъ.
Твоя пребудетъ добродѣтель,
О Петръ! любезна всѣмъ вѣкамъ;
Храни, храни всегда, Содѣтель,
Его въ преемникахъ Ты намъ!

VI. ПИКНИКИ [5].

Оставя безпокойство въ градѣ
И все, смущаетъ что умы,
Въ простой, пріятельской прохладѣ
Свое проводимъ время мы.

Невинны красоты природы
По холмамъ, рощамъ, островамъ,
Кустарники, луга и воды—
Пріятная забава намъ.

Мы положили межъ друзьями
Законы равенства хранить;
Богатствомъ, властью и чинами
Себя отнюдь не возносить.

Но если веселъ кто, забавенъ,
Любезнѣе другихъ тотъ намъ;

А если скроменъ, благонравенъ,
Мы чтимъ того не по чинамъ.

Насъ не касаются раздоры,
Обидамъ мѣста не даемъ;
Но души всѣхъ, сердца и взоры
Совокупя, веселье пьемъ.

У насъ не стыдно и герою
Повиноваться красотамъ;
Всегда одной дышать войною
Прилично варварамъ, не намъ.

У насъ лишь для того собранье,
Чтобъ въ жизни сладость почерпать;
Любви и дружества желанье—
Между собой цвѣты срывать.

Кто ищетъ общества, согласья,
Приди, повеселись у насъ;
И то для человѣка счастье,
Когда одинъ пріятенъ часъ.

VII. МОДНОЕ ОСТРОУМІЕ [c].

Не мыслить ни о чемъ и презирать сомнѣнье,
На все давать тотчасъ свободное рѣшенье,
Не много разумѣть, о многомъ говорить;
Быть дерзку, но умѣть продерзостями льстить;
Красивой пустотью плодиться въ разговорахъ,
И другу, и врагу являть пріятство въ взорахъ;
Блистать учтивостью, но чтя пренебрегать,
Смѣяться дуракамъ, и имъ же потакать,
Любить по прибыли, по случаю дружиться [a],
Душою подличать, а внѣшностью гордиться,
Казаться богачемъ, а жить на счетъ другихъ;
Съ осанкой важничать въ бездѣлицахъ самихъ;

Для остраго словца шутить и надъ закономъ,
Не уважать отцомъ, ни матерью, ни трономъ;
И словомъ, лишь умомъ въ поверхности блистать,
Въ познаніяхъ одни цвѣты только срывать,
Тотъ узелъ разсѣкать, что развязать не знаемъ:
Вотъ остроуміемъ что часто мы считаемъ!

1777 г.

VIII. КРУЖКА [7].

Краса пирующихъ друзей,
Забавъ и радостей подружка,
Предстань предъ насъ, предстань скорѣй,
Большая сребряная кружка!
Давно ужъ намъ въ тебя пора
Пивца налить
И пить...
Ура! ура! ура!

Ты дщерь великаго ковша,
Которымъ предки наши пили;
Веселье ихъ была душа;
Въ пирахъ они счастливо жили.
И намъ, какъ имъ, давно пора
Счастливымъ быть
И пить...
Ура! ура! ура!

Бывало, старики въ винѣ
Свое все потопляли горѣ;
Дралися храбро на войнѣ:
Вѣдь пьянымъ по колѣни море!
Забыть и намъ всю грусть пора,
Отважнымъ быть
И пить...
Ура! ура! ура!

Бывало, дольше длился вѣкъ,
Когда діэтъ не наблюдали;
Былъ здравъ и счастливъ человѣкъ,
Какъ только пили да гуляли.
Давно гулять и намъ пора,
Здоровымъ быть
И пить...
Ура! ура! ура!

Бывало, пляска, рѣзвость, смѣхъ
Въ хмѣлю другъ друга обнимаютъ;
Теперь, намѣсто сихъ утѣхъ,
Жеманствомъ, лаской угощаютъ.
Жеманство намъ прогнать пора,
Но просто жить
И пить...
Ура! ура! ура!

Въ садахъ, бывало, средь прохладъ
И жены съ нами куликаютъ;
А нынѣ клубъ да маскерадъ
И женъ ужъ съ нами разлучаютъ.
Французить намъ престать пора,
Но Русь любить
И пить...
Ура! ура! ура!

Бывало, друга своего,
Теперь карманы посѣщаютъ;
Гдѣ вистъ, да банкъ, да макао [а],
На деньги дружбу тамъ мѣняютъ.
На карты намъ плевать пора,
А скромно жить
И пить...
Ура! ура! ура!

О сладкій дружества союзъ,
Съ гренками пивомъ пѣнна кружка [ь]!

Гдѣ ты нашъ услаждаешь вкусъ,
Мила тамъ, весела пирушка.
Пребудь ты къ намъ всегда добра:
Мы станемъ жить
И пить...
Ура! ура! ура!

1778 г.

IX. НЕВѢСТѢ [8].

Хотѣлъ бы похвалить, но чѣмъ начать, не знаю:
Какъ роза; ты нѣжна; какъ ангелъ, хороша;
Пріятна, какъ любовь; любезна, какъ душа;
Ты лучше всѣхъ похвалъ: тебя я обожаю!

Нарядомъ мнятъ придать красавицѣ пріятство;
Но льзя ль алмазами милѣй быть дурнотѣ?
Прелестнѣе ты всѣхъ въ невинной простотѣ:
Теряетъ на тебѣ сіяніе богатство.

Лилеи на холмахъ груди твоей блистаютъ;
Зефиры кроткіе во нравъ тебѣ даны,
Долинки на щекахъ, улыбки зарь, весны;
На розахъ устъ твоихъ соты благоухаютъ.

Какъ по челу власы ты разсыпаешь черны,
Румяная заря глядитъ изъ темныхъ тучъ,
И понтъ какъ голубой пронзаетъ звѣздный лучъ,
Такъ сердца глубину провидитъ взглядъ твой скромны

Но я ль, описывать красы твои дерзая,
Всѣ прелести твои изобразить хочу?
Чѣмъ больше я прельщенъ, тѣмъ больше я молчу:
Соборъ въ тебѣ утѣхъ, блаженство вижу рая!

Какъ счастливъ смертный, кто съ тобой проводитъ время!
Счастливѣе того—кто нравится тебѣ:

Въ благополучіи кого сравню себѣ,
Когда златыхъ оковъ твоихъ несть буду бремя?

X. УСПОКОЕННОЕ НЕВѢРІЕ [9].

Когда то̀ правда, человѣкъ,
Что цѣпь печалей весь твой вѣкъ:
Почто жъ намъ вѣкомъ долгимъ льститься?
На то ль, чтобъ плакать и крушиться
И, мѣря жизнь свою тоской,
Не знать отрады никакой?

Кончать день золъ днемъ золъ другихъ,
Страшиться радостей своихъ,
На счастья блескъ не полагаться,
И каждый мигъ того бояться:
Вотъ грусть, вотъ скорбь, вотъ смерть придетъ!
Начала всѣ конецъ сѣчетъ.

Младенецъ лишь родится въ свѣтъ,
Увы! увы! онъ вопіетъ,
Ужъ чувствуетъ свое онъ горе,
Низверженъ въ треволненно море;
Волной несется чрезъ волну,
Песчинка, въ вѣчну глубину.

Се нашей жизни образецъ!
Се нашихъ всѣхъ суетъ вѣнецъ!
Что жизнь? — Жизня смерти тлѣнно сѣмя.
Что жить? — Жить — мигъ летяща время
Едва почувствовать, познать,
Познать ничтожество — страдать,

Страдать — и скорбно чувство мукъ
Умѣть еще сносить безъ скукъ.
На то ли создалъ Ты отъ вѣка,
О Боже! бренна человѣка?

Творецъ!... но на Тебя ль роптать?
Такъ что жъ осталося?— страдать.

Такая жизнь — не жизнь, но ядъ:
Змѣя въ груди, геенна, адъ
Живаго жретъ меня до гроба.
Ахъ! если самая та жъ злоба
По смерти мститъ намъ и въ гробахъ,
Кого жъ Творцомъ назвать? кто благъ?

Лишь Парки жизни нить прервутъ,
Ужъ встрѣчу Фуріи бѣгутъ;
Отсель изъемлетъ скоротечность;
А тамъ?... а тамъ разверзта вѣчность!
Дрожу! — лѣется въ жилахъ хладъ.
О вѣчность, вѣчна мука, адъ!

Но что? зрю молніи кругомъ!
Въ свирѣпой бурѣ слышу громъ!
Перунъ перуны прерываетъ,
Звучнѣй всѣхъ громовъ гласъ взываетъ:
„Богъ благъ, отецъ Онъ твари всей;
„Ты золъ — и адъ въ душѣ твоей!“

Божественный сей крѣпкій гласъ
Кичливый духъ во мнѣ потрясъ;
Вострепетала совѣсть черна,
Исчезла мысль неимовѣрна,
Прошли отчаянья мечты:
Всесильный! помоги мнѣ Ты.

Уйми страстей моихъ Ты шумъ
И бурный обуздай мой умъ:
Чего понять онъ не возможетъ,
Да благость въ томъ Твоя поможетъ,
Чтобъ я средь золъ покоенъ былъ;
Терпя бѣды, Тебя любилъ!

Поборствуй руку лобызать,

Котора поднята карать.
Средь юности моей неспѣлой [a],
Средь зрѣлой жизни, престарѣлой,
Средь ярыхъ волнъ мірскихъ суетъ
Дай силъ сносить мнѣ иго бѣдъ!

Чтобъ меньше скорби ощущать,
Собою больше обладать,
Пошли, пошли, Творецъ вселенной,
Своей Ты твари бѣдной, бренной
Небесну помощь съ высоты:
Ты щедръ, щедротъ источникъ Ты!

Надъ безднами горящихъ тѣлъ,
Которыхъ лучъ не долетѣлъ
До насъ еще съ начала міра,
Отколь, среди зыбей эѳира,
Всѣхъ звѣздъ, всѣхъ лунъ, всѣхъ солнцевъ видъ,
Какъ злачный червь, во тьмѣ блеститъ,—

Тамъ внемлетъ насѣкомымъ Богъ.
Достигъ мой вопль въ Его чертогъ,
Я зрю: Избранна прежде вѣка
Грядетъ покоить человѣка;
Надежды вѣтвь въ рукѣ у ней :—
Ты, Вѣра? — миръ душѣ моей!

Ты мысли дерзкія плѣнишь,
Сердцамъ незлобіе даришь,
Терпѣньемъ души укрѣпляешь,
На подвигъ немощь ободряешь;
Ты кроткимъ свѣтъ и красота,
Ты гордымъ мракъ и суета!

Пристойно цѣль имѣть уму,
Куда паря летѣть ему.
Пусть все подвержено сомнѣнью;
Но безъ Творца какъ быть творенью?

Его ты, Вѣра, учишь знать,
Любить, молить — не постигать.

Непостижимый сей Творецъ
Да будетъ мой покровъ, отецъ!
Онъ взоромъ волны укрощаетъ,
Онъ всей природой мнѣ вѣщаетъ:
„Испытывать судьбы забудь,
„Надѣйся, вѣрь — и счастливъ будь?“

О вы, что мысли остротой,
Разврата славитесь мечтой!
Послѣдуя сему примѣру,
Прійдите, обымите Вѣру:
Она одна спокоитъ васъ,
Утѣшитъ въ самый смертный часъ.

XI. КЛЮЧЪ [10].

Сѣдящъ, увѣнчанъ осокою,
Въ тѣни развѣсистыхъ древесъ,
На урну облегшись рукою,
Являющій лицо небесъ
Прекрасный вижу я источникъ.

Источникъ шумный и прозрачный,
Текущій съ горной высоты,
Луга поящій, долы злачны,
Кропящій перлами цвѣты,
О, коль ты мнѣ пріятенъ зришься!

Ты чистъ — и восхищаешь взоры,
Ты быстръ — и утѣшаешь слухъ;
Какъ серна, скачуща на горы,
Такъ мой къ тебѣ стремится духъ,
Желаньемъ пѣть тебя горящій.

Когда въ дуги твои сребристы

Глядится красная заря,
Какіе пурпуры огнисты
И розы пламенны, горя,
Съ паденьемъ водъ твоихъ катятся!

Гора въ день стадомъ покровенну
Себя въ тебѣ, любуясь, зритъ;
Въ твоихъ водахъ изображенну
Дуброву вѣтерокъ струитъ,
Волнуетъ жатву золотую.

Багрянымъ брегъ твой становится,
Какъ солнце катится съ небесъ;
Лучемъ кристаллъ твой загорится,
Вдали начнетъ синѣться лѣсъ,
Тумановъ море разольется.

О! коль ночною темнотою
Пріятенъ видъ твой при лунѣ,
Какъ блѣдны холмы надъ тобою
И рощи дремлютъ въ тишинѣ,
А ты одинъ, шумя, сверкаешь!

Сгорая стихотворства страстью,
Къ тебѣ я прихожу, ручей:
Завидую піита счастью,
Вкусившаго воды твоей,
Парнасскимъ лавромъ увѣнчанна.

Напой меня, напой тобою,
Да воспою подобно я,
И съ чистою твоей струею
Сравнится въ пѣсняхъ мысль моя,
А лирный гласъ съ твоимъ стремленьемъ!

Да честь твоя пройдетъ всѣ грады,
Какъ эхо съ горъ сквозь лѣсъ дремучъ:
Творца безсмертной Россіяды,
Священный Гребеневскій ключъ,
Поилъ водой ты стихотворства *.

XII. НА РОЖДЕНІЕ ВЪ СѢВЕРѢ ПОРФИРОРОДНАГО ОТРОКА [11].

Съ бѣлыми Борей власами
И съ сѣдою бородой,
Потрясая небесами,
Облака сжималъ рукой;
Сыпалъ инеи пушисты
И метели воздымалъ;
Налагая цѣпи льдисты,
Быстры воды оковалъ.
Вся природа содрогала
Отъ лихаго старика;
Землю въ камень претворяла
Хладная его рука;
Убѣгали звѣри въ норы,
Рыбы крылись въ глубинахъ,
Пѣть не смѣли птичекъ хоры,
Пчелы прятались въ дуплахъ;
Засыпали Нимфы съ скуки
Средь пещеръ и камышей;
Согрѣвать Сатиры руки
Собирались вкругъ огней.
Въ это время столь холодно,
Какъ Борей былъ разъяренъ,
Отроча порфирородно
Въ царствѣ сѣверномъ рожденъ.
Родился—и въ ту минуту
Пересталъ ревѣть Борей;
Онъ дохнулъ—и зиму люту
Удалилъ Зефиръ съ полей;
Онъ воззрѣлъ—и солнце красно
Обратилося къ веснѣ;
Онъ вскричалъ—и лиръ согласно
Звукъ разнесся въ сей странѣ;
Онъ простеръ лишь дѣтски руки—

Ужъ порфиру въ руки бралъ;
Раздались громовы звуки—
И весь Сѣверъ возсіялъ.
Я увидѣлъ въ восхищеньи:
Растворенъ судебъ чертогъ;
И подумалъ въ изумленіи:
Знать, родился нѣкій богъ.
Геніи къ нему слетѣли
Въ свѣтломъ облакѣ съ небесъ;
Каждый Геній къ колыбели
Даръ рожденному принесъ:
Тотъ принесъ ему громъ въ руки
Для предбудущихъ побѣдъ;
Тотъ—художества, науки,
Украшающія свѣтъ;
Тотъ—обиліе, богатство,
Тотъ—сіяніе порфиръ;
Тотъ—утѣхи и пріятство,
Тотъ—спокойствіе и миръ;
Тотъ принесъ ему тѣлесну,
Тотъ—душевну красоту;
Прозорливость тотъ небесну,
Разумъ, духа высоту.
Словомъ: всѣ ему блаженства
И таланты подаря,
Всѣ слiяли совершенства,
Составляющи царя;
Но послѣдній, добродѣтель
Зараждаючи въ немъ, рекъ:
„Будь страстей твоихъ владѣтель,
Будь на тронѣ человѣкъ!“
Всѣ крылами восплескали;
Каждый Геній восклицалъ:
„Се божественный“, вѣщали,
„Даръ младенцу онъ избралъ!
Даръ, всему полезный міру!
Даръ, добротамъ всѣмъ вѣнецъ!

Кто пріемлетъ съ нимъ порфиру,
Будетъ подданнымъ отецъ!“ —[a]
„Будетъ“ — и Судьбы гласили:
„Онъ монархамъ образецъ!“
Лѣсъ и горы повторили:
„Утѣшеніемъ сердецъ!“ —
Симъ Россія восхищенна
Токи слезны пролила,
На колѣни преклоненна
Въ руки отрока взяла;
Воспріявъ его, лобзаетъ
Въ перси, очи и уста.
Въ немъ геройство возрастаетъ,
Возрастаетъ красота.
Всѣ его ужъ любятъ страстно,
Всѣхъ сердца ужъ онъ возжегъ:
Возрастай, дитя прекрасно!
Возрастай, нашъ полубогъ!
Возрастай, уподобляясь
Ты родителямъ во всемъ;
Съ ихъ ты матерью равняясь,
Соравняйся съ Божествомъ!...

XIII. НА СМЕРТЬ КНЯЗЯ МЕЩЕРСКАГО [12].

Глаголъ временъ, металла звонъ!
Твой страшный гласъ меня смущаетъ;
Зоветъ меня, зоветъ твой стонъ,
Зоветъ — и къгробу приближаетъ [a].
Едва увидѣлъ я сей свѣтъ,
Уже зубами Смерть скрежещетъ [b];
Какъ молніей, косою блещетъ
И дни мои, какъ злакъ, сѣчетъ [c].

Ничто отъ роковыхъ когтей,
Никая тварь не убѣгаетъ:

Монархъ и узникъ—снѣдь червей;
Гробницы злость стихій снѣдаетъ;
Зіяетъ Время славу стерть:
Какъ въ море льются быстры воды,
Такъ въ вѣчность льются дни и годы;
Глотаетъ царства алчна Смерть.

Скользимъ мы бездны на краю,
Въ которую стремглавъ свалимся;
Пріемлемъ съ жизнью смерть свою;
На то, чтобъ умереть, родимся [d];
Безъ жалости все Смерть разитъ:
И звѣзды ею сокрушатся,
И солнцы ею потушатся [e],
И всѣмъ мірамъ она грозитъ.

Не мнитъ лишь смертный умирать
И быть себя онъ вѣчнымъ чаетъ;
Приходитъ Смерть къ нему, какъ тать,
И жизнь внезапу похищаетъ.
Увы! гдѣ меньше страха намъ,
Тамъ можетъ смерть постичь скорѣе;
Ея и громы не быстрѣе
Слетаютъ къ гордымъ вышинамъ [f].

Сынъ роскоши, прохладъ и нѣгъ,
Куда, Мещерскій, ты сокрылся?
Оставилъ ты сей жизни брегъ,
Къ брегамъ, ты мертвыхъ удалился:
Здѣсь персть твоя, а духа нѣтъ.
Гдѣ жъ онъ? — Онъ тамъ.—Гдѣ тамъ? —Не знаемъ.
Мы только плачемъ и взываемъ:
„О горе намъ, рожденнымъ въ свѣтъ!“

Утѣхи, радость и любовь
Гдѣ купно съ здравіемъ блистали,
У всѣхъ тамъ цѣпенѣетъ кровь,
И духъ мятется отъ печали.

Гдѣ столъ былъ яствъ, тамъ гробъ стоитъ,
Гдѣ пиршествъ раздавались лики,
Надгробные тамъ воютъ клики,
И блѣдна Смерть на всѣхъ глядитъ....

Глядитъ на всѣхъ — и на царей,
Кому въ державу тѣсны міры;
Глядитъ на пышныхъ богачей,
Что въ златѣ и сребрѣ кумиры;
Глядитъ на прелесть и красы,
Глядитъ на разумъ возвышенный,
Глядитъ на силы дерзновенны —
И точитъ лезвее косы.

Смерть, трепетъ естества и страхъ!
Мы — гордость, съ бѣдностью совмѣстна:
Сегодня богъ, а завтра прахъ;
Сегодня льститъ надежда лестна,
А завтра — гдѣ ты человѣкъ?
Едва часы протечь успѣли,
Хаоса въ бездну улетѣли,
И весь, какъ сонъ, прошелъ твой вѣкъ.

Какъ сонъ, какъ сладкая мечта,
Исчезла и моя ужъ младость [g]
Не сильно нѣжитъ красота,
Но столько восхищастъ радость,
Не столько легкомысленъ умъ,
Не столько я благополученъ.
Желаніемъ честей размученъ;
Зоветъ, я слышу, славы шумъ [h].

Но такъ и мужество пройдетъ,
И вмѣстѣ къ славѣ съ нимъ стремленье;
Богатствъ стяжаніе минетъ,
И въ сердцѣ всѣхъ страстей волненье
Прейдетъ, прейдетъ въ чреду свою.
Подите, счастья, прочь, возможны!

Вы все премѣнны здѣсь и ложны:
Я въ дверяхъ вѣчности стою.

Сей день иль завтра умереть,
Перфильевъ! должно намъ конечно:
Почто жъ терзаться и скорбѣть,
Что смертный другъ твой жилъ не вѣчно?
Жизнь есть небесъ мгновенный даръ;
Устрой ее себѣ къ покою,
И съ чистою твоей душою
Благословляй судебъ ударъ.

XIV. НА ОТСУТСТВІЕ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА ВЪ БѢЛОРУССІЮ [13].

Не бряцай, печальна лира,
Громкой пѣсни ты въ сей часъ:
Благодѣтельница міра
Удалилася отъ насъ.
Музъ богиня удалилась;
Изъ Петрополя сокрылась
Матерь отъ своихъ дѣтей:
Солнцу красному подобно,
Счастье, кажется, народно
Укатилося за ней.

Пусты домы, пусты рощи,
Пустота у насъ въ сердцахъ.
Какъ среди глубокой нощи,
Дремлетъ тишина въ лѣсахъ;
Вся природа унываетъ;
Мракъ—боязни разсѣваетъ;
Ужасъ ходитъ по слѣдамъ.
Если бъ вѣтры не дышали
И потоки не журчали,
Образъ смерти зрѣлся бъ намъ.

Такъ съ тобою въ разлучен
Скорбью мы помрачены;
Лишь о насъ твои раченья—
Оживленье сей страны.
Мы уставы получаемъ,
Вновь блаженство почерпаемъ
Отъ премудрости твоей;
Но оно съ тобой намъ краше:
Возвратись, свѣтило наше!
Возвратися къ намъ скорѣй!

Человѣчество тобою [a],
Истина и совѣсть въ судъ
Сей начальствовать страною
Въ велелѣпіи грядутъ;
Благодать на нихъ сіетъ,
Памятникъ изображаетъ
Твой изъ радужныхъ лучей;
Злость поверженна скрежещетъ;
Въ узахъ Ябеда трепещетъ,
Гласъ зоветъ твоихъ людей [b]:

„Будь усердія свидѣтель!
Благодарность нашу зри!
Ежели за добродѣтель
Обожаемы цари:
Зри ты жертвы непорочны!
Алтари тебѣ заочны
Въ сердцѣ тщимся созидать,
Въ души твой законъ влагаемъ
И въ восторгѣ восклицаемъ:
„Возвратися, наша мать!“

Возвратися—и уставы
Ты собою освяти [c],
Къ храму счастія и славы
Намъ являючи пути.
Возвратися!—Если жъ должно,

Продолжай путь неотложно,
Къ утѣшенью странъ другихъ,
Пусть страны узрятъ иныя
Всѣ величества земныя
Въ добродѣтеляхъ твоихъ.

Пусть и дальны зрятъ народы
Кротость твоего лица,
Власть, пріятнѣйшу свободы,
Привлекающу сердца!
Пусть цари тебѣ дивятся,
Мирно царствовать учатся,
Мирный твой храня завѣтъ,
И, простря Европа длани,
Пусть тебѣ, на мѣсто дани,
Благодарность принесетъ.

Намъ заря предвозвѣщаетъ
Съ утромъ солнца красоты:
Насъ надежда услаждаетъ,
Возвратишься скоро ты;
Возвратишься — и отраду
Принесешь Петрову граду,
И твоимъ чертогамъ свѣтъ.
Простирая дѣтски руки,
Ждутъ тебя младые внуки,
Сынъ тебя съ супругой ждетъ [a].

Вспомни ихъ любезны взоры
И къ тебѣ всѣ ласки ихъ,
Ихъ улыбку, разговоры
Во объятіяхъ твоихъ.
По тебѣ они скучаютъ;
„Гдѣ она? гдѣ?“ вопрошаютъ:
„Возвратите намъ ее!“
Ждутъ тебя святые храмы,
И курятся ѳиміамы
Ужъ во срѣтенье твое.

О пріятный вѣтръ полдневный!
Водъ прозрачныя струи!
Нивы злачны, лѣсъ зеленый!
Сладкопѣвны соловьи!
Дни веселы! воздухъ чистый!
Сельски нимфы голосисты
И пріятная весна!—
Долгъ богинѣ отдавайте,
И мѣста тѣ украшайте,
Гдѣ грядетъ теперь она.

XV. КЪ ПЕРВОМУ СОСѢДУ [14].

Кого роскошными пирами
На влажныхъ невскихъ островахъ,
Между тѣнистыми древами,
На муравѣ и на цвѣтахъ,
Въ шатрахъ персидскихъ, златошвейныхъ,
Изъ глинъ китайскихъ драгоцѣнныхъ,
Изъ вѣнскихъ чистыхъ хрусталей,
Кого толь славно угощаешь
И для кого ты расточаешь
Сокровища казны твоей?

Гремитъ музыка; слышны хоры
Вкругъ лакомыхъ твоихъ столовъ;
Сластей и ананасовъ горы
И множество другихъ плодовъ
Прельщаютъ чувства и питаютъ;
Младыя дѣвы угощаютъ,
Подносятъ вина чередой:
И аліатико [a] съ шампанскимъ,
И пиво русское съ британскимъ,
И мозель съ зельцерской водой.

Въ вертепѣ мраморномъ, прохладномъ,

Въ которомъ льется водоскатъ,
На ложѣ розъ благоуханномъ,
Средь лѣни, нѣги и отрадъ,
Любовью распаленный страстной,
Съ младой, веселою, прекрасной
И нѣжной нимфой ты сидишь [b].
Она поетъ—ты страстью таешь:
То съ ней въ весельи утопаешь,
То, утомленъ, весельемъ спишь.

Ты спишь—и сонъ тебѣ мечтаетъ,
Что ввѣкъ благополученъ ты,
Что само небо разсыпаетъ
Блаженства вкругъ тебя цвѣты,
Что Парка дней твоихъ не коситъ,
Что откупъ вновь тебѣ приноситъ
Сибирски горы серебро [c]
И дождь златый къ тебѣ лiется.
Блаженъ, кто поутру проснется
Такъ счастливымъ, какъ былъ вчера!

Блаженъ, кто можетъ веселиться
Безперерывно въ жизни сей!
Но рѣдкому пловцу случится
Безбѣдно плавать средь морей:
Тамъ бурны дышатъ непогоды,
Горамъ подобно гонятъ воды
И съ пѣною песокъ мутятъ.
Петрополь сосны осѣняли [d];
Но, вихремъ пораженны, пали:
Теперь корнями вверхъ лежатъ.

Непостоянство—доля смертныхъ;
Въ премѣнахъ вкуса счастье ихъ;
Среди утѣхъ своихъ несмѣтныхъ
Желаемъ мы утѣхъ иныхъ.
Придутъ, придутъ часы тѣ скучны.
Когда твои ланиты тучны

Престанутъ Граціи трепать;
И, можетъ быть, съ тобой въ разлукѣ [e],
Твоя ужъ Пенелопа въ скукѣ
Коверъ не будетъ распускать.

Не будетъ, можетъ быть, лелѣять
Судьба ужъ болѣе тебя,
И вѣтръ благопріятный вѣять
Въ твой парусъ: береги себя [f]!
Доколь текутъ часы златые
И не приспѣли скорби злыя,
Пей, ѣшь и веселись, сосѣдъ!
На свѣтѣ жить намъ время срочно:
Веселье то лишь непорочно,
Раскаянья за коимъ нѣтъ.

XVI. СЧАСТЛИВОЕ СЕМЕЙСТВО [15].

Блаженъ, кто Господа боится
И по путямъ Его идетъ!
Своимъ достаткомъ насладится
И въ благоденствѣ поживетъ.

Въ дому его нѣтъ ссоръ, разврата,
Но миръ, покой и тишина:
Какъ маслина плодомъ богата,
Красой и нравами — жена.

Какъ розы, кисти винограда
Румянцемъ веселятъ своимъ,
Его благословенны чада
Такъ милы вкругъ трапезы съ нимъ.

Такъ счастливъ, такъ благополученъ
И такъ блаженъ тотъ человѣкъ,
Кто съ честью, правдой неразлученъ
И въ Божьемъ страхѣ волъ свой вѣкъ.

Благословится отъ Сіона,
Благая снидутъ вся тому,
Кто слезъ виновникомъ и стона
Въ сей жизни не былъ никому:

Кто не вредитъ и не обидитъ.
И зломъ не воздастъ за зло:
Сыны сыновъ своихъ увидитъ
И въ жизни всякое добро.

Миръ въ жизни сей и миръ въ дни сны.
Въ обители избранныхъ душъ,
Тебѣ, чувствительный, незлобный,
Благочестивый, добрый мужъ!

XVII. ВЛАСТИТЕЛЯМЪ И СУДІЯМЪ[16].

Возсталъ Всевышній Богъ, да судитъ
Земныхъ боговъ во сонмѣ ихъ.
„Доколѣ“, рекъ: „доколь вамъ будетъ
Щадить неправедныхъ и злыхъ?

Вашъ долгъ есть: сохранять законы,
На лица сильныхъ не взирать,
Безъ помощи, безъ обороны
Сиротъ и вдовъ не оставлять.

Вашъ долгъ — спасать отъ бѣдъ невинныхъ,
Несчастливымъ подать покровъ;
Отъ сильныхъ защищать безсильныхъ,
Исторгнуть бѣдныхъ изъ оковъ“.

Не внемлютъ!—видятъ и не знаютъ!
Покрыты мздою очеса:
Злодѣйства землю потрясаютъ,
Неправда зыблетъ небеса.

Цари! — я мнилъ: вы боги властны,

Никто надъ вами не судья;
Но вы, какъ я, подобно страстны
И такъ же смертны, какъ и я.

И вы подобно такъ падете,
Какъ съ древъ увядшій листъ падетъ!
И вы подобно такъ умрете,
Какъ вашъ послѣдній рабъ умретъ!

Воскресни, Боже! Боже правыхъ!
И ихъ моленію внемли:
Приди, суди, карай лукавыхъ
И будь единъ царемъ земли!

1781.

XVIII. НА НОВЫЙ ГОДЪ.

Разсѣкши огненной стезею
Небесный синеватый сводъ,
Багряной облеченъ зарею,
Сошелъ на землю Новый Годъ;
Сошелъ—и гласы раздалися,
Мечты, надежды понеслися
На встрѣчу божеству сему.

„Гряди, сынъ вѣчности прекрасный!
Гряди, часовъ и дней отецъ!“
Зоветъ счастливый и несчастный:
„Подай желаніямъ вѣнецъ!“
И самаго среди блаженства
Желаемъ блага совершенства
И недовольны мы судьбой.

Еще вельможа возвышаться,
Еще сильнѣе хочетъ быть;
Богачъ—богатствомъ осыпаться
И горы злата накопить;

Герой безсмертной жаждетъ славы,
Корысти—льстецъ, Лукуллъ—забавы,
И счастія—игрокъ въ игрѣ.

Мое желаніе: предаться
Всевышняго во всемъ судьбѣ,
За счастьемъ въ свѣтѣ не гоняться,
Искать его въ самомъ себѣ.
Меня здоровье, совѣсть права,
Достатокъ нужный, добра слава
Творятъ счастливѣе царей.

А если милой и пріятной
Любимъ Плѣнирой я моей
И въ свѣтской жизни коловратной
Имѣю искреннихъ друзей,
Живу съ моимъ сосѣдомъ въ мирѣ,
Умѣю пѣть, играть на лирѣ:
То кто счастливѣе меня?

Отъ должностей въ часы свободны
Пою моихъ я радость дней;
Пою Творцу хвалы духовны,
И добрыхъ я пою царей.
Пріятнѣй гласы становятся
И слезы нѣжности катятся,
Какъ Россовъ матерь я пою.

Петры и Генрихи и Титы
Въ народныхъ вѣкъ живутъ сердцахъ;
Екатерины не забыты
Пребудутъ въ тысящѣ вѣкахъ.
Уже я вижу монументы,
Которыхъ свергнуть элементы
И время не имѣютъ силъ,

XIX. ФЕЛИЦА [17].

Богоподобная царевна
Киргизъ-кайсацкія орды,
Которой мудрость несравненна
Открыла вѣрные слѣды
Царевичу младому Хлору
Взойти на ту высоку гору,
Гдѣ роза безъ шиповъ растетъ,
Гдѣ добродѣтель обитаетъ!
Она мой духъ и умъ плѣняетъ;
Подай найти ее совѣтъ.

Подай, Фелица, наставленье,
Какъ пышно и правдиво жить,
Какъ укрощать страстей волненье
И счастливымъ на свѣтѣ быть.
Меня твой голосъ возбуждаетъ,
Меня твой сынъ препровождаетъ;
Но имъ послѣдовать я слабъ:
Мятясь житейской суетою,
Сегодня властвую собою,
А завтра прихотямъ я рабъ.

Мурзамъ твоимъ не подражая,
Почасту ходишь ты пѣшкомъ,
И пища самая простая
Бываетъ за твоимъ столомъ;
Не дорожа твоимъ покоемъ,
Читаешь, пишешь предъ налоемъ
И всѣмъ изъ твоего пера
Блаженство смертнымъ проливаешь [a];
Подобно въ карты ни играешь,
Какъ я, отъ утра до утра [b].

Не слишкомъ любишь маскарады,
А въ клобъ не ступишь и ногой;

Храня обычаи, обряды,
Не донкишотствуешь собой;
Коня парнасска не сѣдлаешь [c].
Къ духамъ въ собранье не въѣзжаешь [d],
Не ходишь съ трона на Востокъ;
Но, кротости ходя стезею,
Благотворящею душою
Полезныхъ дней проводишь токъ.

А я, проспавши до полудни,
Курю табакъ и кофе пью;
Преобращая въ праздникъ будни,
Кружу въ химерахъ мысль мою:
То плѣнъ отъ Персовъ похищаю,
То стрѣлы къ Туркамъ обращаю;
То, возмечтавъ, что я султанъ,
Вселенну устрашаю взглядомъ;
То вдругъ, прельщаяся нарядомъ,
Скачу къ портному по кафтанъ.

Или въ пиру я пребогатомъ,
Гдѣ праздникъ для меня даютъ,
Гдѣ блещетъ столъ сребромъ и златомъ,
Гдѣ тысячи различныхъ блюдъ,—
Тамъ славный окорокъ вестфальской,
Тамъ звенья рыбы астраханской,
Тамъ пловъ и пироги стоятъ:
Шампанскимъ вафли запиваю
И все на свѣтѣ забываю
Средь винъ, сластей и ароматъ.

Или средь рощицы прекрасной,
Въ бесѣдкѣ, гдѣ фонтанъ шумитъ,
При звонѣ арфы сладкогласной,
Гдѣ вѣтерокъ едва дышитъ,
Гдѣ все мнѣ роскошь представляетъ,
Къ утѣхамъ мысли уловляетъ,
Томитъ и оживляетъ кровь, —

На бархотномъ диванѣ лежа,
Младой дѣвицы чувства нѣжа [e],
Вливаю въ сердце ей любовь.

Или великолѣпнымъ цугомъ [f],
Въ каретѣ англійской, златой,
Съ собакой, шутомъ, или другомъ [g],
Или съ красавицей какой
Я подъ качелями гуляю,
Въ шинки пить меду заѣзжаю;
Или, какъ то наскучитъ мнѣ,
По склонности моей къ премѣнѣ,
Имѣя шапку на бекренѣ,
Лечу на рѣзвомъ бѣгунѣ [h].

Или музыкой и пѣвцами,
Органомъ и волынкой вдругъ,
Или кулачными бойцами
И пляской веселю мой духъ;
Или, о всѣхъ дѣлахъ заботу
Оставя, ѣзжу на охоту
И забавляюсь лаемъ псовъ [j];
Или надъ невскими брегами
Я тѣшусь по ночамъ рогами
И греблей удалыхъ гребцовъ [k].

Иль, сидя дома, я прокажу,
Играя въ дураки съ женой;
То съ ней на голубятню лажу,
То въ жмурки рѣзвимся порой,
То въ свайку съ нею веселюся,
То ею въ головѣ ищуся;
То въ книгахъ рыться я люблю,
Мой умъ и сердце просвѣщаю:
Полкана и Бову читаю,
За Библіей, зѣвая, сплю.

Таковъ, Фелица, я развратенъ!

Но на меня весь свѣтъ похожъ.
Кто сколько мудростью ни знатенъ,
Но всякій человѣкъ есть ложь.
Не ходимъ свѣта мы путями,
Бѣжимъ разврата за мечтами.
Между лѣнтяемъ и брюзгой [l],
Между тщеславья и порокомъ
Нашелъ кто развѣ ненарокомъ
Путь добродѣтели прямой.

Нашелъ; но льзя ль не заблуждаться
Намъ, слабымъ смертнымъ, въ семъ пути,
Гдѣ самъ разсудокъ спотыкаться
И долженъ вслѣдъ страстямъ идти;
Гдѣ намъ ученые невѣжды [m],
Какъ мгла у путниковъ, тмятъ вѣжды?
Вездѣ соблазнъ и лесть живетъ;
Пашей всѣхъ роскошь угнетаетъ.
Гдѣ жъ добродѣтель обитаетъ?
Гдѣ роза безъ шиповъ растетъ?

Тебѣ единой лишь пристойно,
Царевна, свѣтъ изъ тмы творить;
Дѣля хаосъ на сферы стройно,
Союзомъ цѣлость ихъ крѣпить;
Изъ разногласія согласье
И изъ страстей свирѣпыхъ счастье
Ты можешь только созидать.
Такъ кормщикъ, черезъ понтъ плывущій,
Ловя подъ парусъ вѣтръ ревущій,
Умѣетъ судномъ управлять.

Едина ты лишь не обидишь,
Не оскорбляешь никого,
Дурачества сквозь пальцы видишь,
Лишь зла не терпишь одного;
Проступки снисхожденьемъ правишь;
Какъ волкъ овецъ, людей не давишь,—

Ты знаешь прямо цѣну ихъ:
Царей они подвластны волѣ,
Но Богу правосудну болѣ,
Живущему въ законахъ ихъ.

Ты здраво о заслугахъ мыслишь,
Достойнымъ воздаешь ты честь;
Пророкомъ ты того не числишь,
Кто только риѳмы можетъ плесть.
А что сія ума забава—
Калифовъ добрыхъ честь и слава,
Снисходишь ты на лирный ладъ:
Поэзія тебѣ любезна,
Пріятна, сладостна, полезна,
Какъ лѣтомъ вкусный лимонадъ.

Слухъ идетъ о твоихъ поступкахъ,
Что ты нимало не горда,
Любезна и въ дѣлахъ, и въ шуткахъ,
Пріятна въ дружбѣ и тверда;
Что ты въ напастяхъ равнодушна,
А въ славѣ такъ великодушна,
Что отреклась и мудрой слыть [n].
Еще же говорятъ не ложно,
Что будто завсегда возможно
Тебѣ и правду говорить.

Неслыханное также дѣло,
Достойное тебя одной,
Что будто ты народу смѣло
О всемъ, и въявь, и подъ рукой,
И знать и мыслить позволяешь
И о себѣ не запрещаешь
И быль и не быль говорить [o];
Что будто самымъ крокодиламъ,
Твоихъ всѣхъ милостей зоиламъ,
Всегда склоняешься простить.

Стремятся слезъ пріятныхъ рѣки
Изъ глубины души моей.
О, коль счастливы человѣки
Тамъ должны быть судьбой своей,
Гдѣ ангелъ кроткій, ангелъ мирный,
Сокрытый въ свѣтлости порфирной,
Съ небесъ ниспосланъ скиптръ носить!
Тамъ можно пошептать въ бесѣдахъ
И, казни не боясь, въ обѣдахъ
За здравіе царей не пить [p].

Тамъ съ именемъ Фелицы можно
Въ строкѣ описку поскоблить [r]
Или портретъ неосторожно
Ея на землю уронить [s].
Тамъ свадебъ шутовскихъ не парятъ,
Въ ледовыхъ баняхъ ихъ не жарятъ [t],
Не щелкаютъ въ усы вельможъ;
Князья насѣдками не клохчутъ [u],
Любимцы въявь имъ не хохочутъ
И сажей не марающъ рожъ.

Ты вѣдаешь, Фелица, правы
И человѣковъ и царей:
Когда ты просвѣщаешь нравы,
Ты не дурачишь такъ людей;
Въ твои отъ дѣлъ отдохновенья
Ты пишешь въ сказкахъ поученья
И Хлору въ азбукѣ твердишь:
„Не дѣлай ничего худаго —
И самаго сатира злаго
Лжецомъ презрѣннымъ сотворишь“ [q].

Стыдишься слыть ты тѣмъ великой,
Чтобъ страшной, нелюбимой быть;
Медвѣдицей прилично дикой
Животныхъ рвать и кровь ихъ пить.
Безъ крайняго въ горячкѣ бѣдства

Тому ланцетовъ нужны ль средства,
Безъ нихъ кто обойтися могъ?
И славно ль быть тому тираномъ,
Великимъ въ звѣрствѣ Тамерланомъ,
Кто благостью великъ, какъ Богъ?

Фелицы слава — слава бога,
Который брани усмирилъ,
Который сира и убога
Покрылъ, одѣлъ и накормилъ;
Который окомъ лучезарнымъ
Шутамъ, трусамъ, неблагодарнымъ
И праведнымъ свой свѣтъ даритъ,
Равно всѣхъ смертныхъ просвѣщаетъ,
Больныхъ побоитъ, исцѣляетъ,
Добро лишь для добра творитъ;

Который даровалъ свободу
Въ чужія области скакать,
Позволилъ своему народу
Сребра и золота искать;
Который воду разрѣшаетъ
И лѣсъ рубить не запрещаетъ;
Велитъ и ткать, и прясть, и шить;
Развязывая умъ и руки,
Велитъ любить торги, науки,
И счастье дома находить;

Котораго законъ, десница
Даютъ и милости, и судъ.
Вѣщай, премудрая Фелица:
Гдѣ отличенъ отъ честныхъ плутъ?
Гдѣ старость по міру не бродитъ?
Заслуга хлѣбъ себѣ находитъ?
Гдѣ месть не гонитъ никого?
Гдѣ совѣсть съ правдой обитаютъ?
Гдѣ добродѣтели сіяютъ?
У трона развѣ твоего!

Но гдѣ твой тронъ сіяетъ въ мірѣ?
Гдѣ, вѣтвь небесная, цвѣтешь?
Въ Багдадѣ—Смирнѣ—Кашемирѣ?
Послушай: гдѣ ты ни живешь,—
Хвалы мои тебѣ примѣтя,
Не мни, чтобъ шапки иль бешметя
За нихъ я отъ тебя желалъ.
Почувствовать добра пріятство
Такое есть души богатство,
Какого Крезъ не собиралъ.

Прошу великаго пророка,
Да праха ногъ твоихъ коснусь;
Да словъ твоихъ сладчайша тока
И лицезрѣнья наслаждусь.
Небесныя прошу я силы,
Да, ихъ простря сапфирны крылы,
Невидимо тебя хранятъ
Отъ всѣхъ болѣзней, золъ и скуки:
Да дѣлъ твоихъ въ потомствѣ звуки,
Какъ въ небѣ звѣзды, возблестятъ [x]!

XX. БЛАГОДАРНОСТЬ ФЕЛИЦѢ [19].

Предшественница дня златаго,
Весенняя утренняя заря,
Когда изъ понта голубаго
Ведетъ къ намъ звѣзднаго царя,—
Румяный взоръ свой осклабляетъ
На чела горъ, на лоно водъ,
Багрянымъ златомъ покрываетъ
Поля, лѣса и неба сводъ.

Крылаты кони по эѳиру
Летятъ и разсѣкаютъ мракъ;
Любезное свѣтило міру
Пресвѣтлый свой возноситъ зракъ;

Бѣгутъ толпами тѣни черны.
Какое зрѣлище очамъ!
Тамъ блещетъ брегъ въ рѣкѣ зеленый,
Тамъ свѣтятъ перлы по лугамъ;

Тамъ степи, какъ моря, струятся,
Сѣдымъ волнуясь ковылемъ;
Тамъ тучи журавлей стадятся,
Валторнъ съ высотъ пуская громъ;
Тамъ небо всюду лучезарно
Янтарнымъ пламенемъ блеститъ:
Мое такъ сердце благодарно
Къ тебѣ усердіемъ горитъ—

Къ тебѣ усердіемъ, Фелица,
О кроткій ангелъ во плоти,
Которой разумъ и десница
Намъ кажутъ къ счастію пути!
Когда тебѣ въ нелицемѣрномъ
Угодна слогѣ простота,
Внемли... Но въ чувствіи безмѣрномъ
Мои безмолствуютъ уста.

Когда поверхъ струистой влаги
Благопріятный дунетъ вѣтръ,
Попутны вострепещутъ флаги
И ляжетъ между водныхъ нѣдръ
За кораблемъ сребро грядою:
Тогда испустятъ гласъ пловцы
И съ восхищенною душою
Вселенной полетятъ въ концы.

Когда небесный возгорится
Въ пінте огнь, онъ будетъ пѣть;
Когда отъ бремя дѣлъ случится
И мнѣ свободный часъ имѣть[а],—
Я праздности оставлю узы,

Игры, бесѣды, суеты;
Тогда ко мнѣ пріидутъ Музы,
И лирой возгласишься ты.

XXI. ВИДѢНІЕ МУРЗЫ [20].

На темноголубомъ эѳирѣ
Златая плавала луна:
Въ серебряной своей порфирѣ
Блистаючи съ высотъ, она
Сквозь окна домъ мой освѣщала
И палевымъ своимъ лучемъ
Златыя стекла рисовала
На лаковомъ полу моемъ.
Сонъ томною своей рукою
Мечты различны разсыпалъ;
Кропя забвенія росою,
Моихъ домашнихъ усыплялъ.
Вокругъ вся область почивала,
Петрополь съ башнями дремалъ,
Нева изъ урны чуть мелькала,
Чуть Бельтъ въ брегахъ своихъ сверкалъ.
Природа, въ тишину глубоку
И въ крѣпкомъ погруженна снѣ,
Мертва казалась слуху, оку
На высотѣ и въ глубинѣ:
Лишь вѣяли одни зефиры,
Прохладу чувствамъ принося.
Я не спалъ и, со звономъ лиры
Мой тихій голосъ соглася,
„Блаженъ“, воспѣлъ я, „кто доволенъ
Въ семъ свѣтѣ жребіемъ своимъ,
Обиленъ, здравъ, покоснъ, воленъ
И счастливъ лишь собой самимъ;
Кто сердце чисто, совѣсть праву
И твердый нравъ хранитъ въ свой вѣкъ

И всю свою въ томъ ставитъ славу,
Что онъ лишь добрый человѣкъ,
Что кардой онъ и великаномъ
И дивомъ свѣта не рожденъ,
И что не созданъ истуканомъ
И оныхъ чтить не принужденъ;
Что всѣ сего блаженства міра
Находитъ онъ въ семьѣ своей;
Что нѣжная его Плѣнира
И вѣрныхъ нѣсколько друзей
Съ нимъ могутъ въ часъ уединенный
Дѣлить и скуку, и труды!
Блаженъ и тотъ, кому царевны
Какой бы ни было орды
Изъ теремовъ своихъ янтарныхъ [a]
И сребророзовыхъ свѣтлицъ,
Какъ будто изъ улусовъ дальныхъ,
Украдкой отъ придворныхъ лицъ
За росказни, за растабары,
За вирши иль за что-нибудь
Исподтишка драгіе дары
И въ доскапцахъ червонцы шлютъ [b]!
Блаженъ"!... Но съ рѣчью сей незапно
Мое все зданье потряслось:
Раздвиглись стѣны, и стократно
Ярчѣе молній пролилось
Сіянье вкругъ меня небесно;
Сокрылась, поблѣднѣвъ, лупа.
Видѣнье я узрѣлъ чудесно:
Сошла со облаковъ жена,
Сошла—и жрицей очутилась
Или богиней предо мной.
Одежда бѣлая струилась [c]
На ней серебряной волной,
Градская на главѣ корона,
Сіялъ при персяхъ поясъ златъ;
Изъ черноогненна виссона [d],

Подобный радугѣ, нарядъ
Съ плеча деснаго полосою
Висѣлъ на лѣвую бедру [e];
Простертой на алтарь рукою
На жертвенномъ она жару
Сжигая маки благовонны,
Служила вышню Божеству.
Орелъ полунощный, огромный,
Сопутникъ молній торжеству,
Геройской провозвѣстникъ славы,
Сидя предъ ней на грудѣ книгъ,
Священны блюлъ ея уставы;
Потухшій громъ въ когтяхъ своихъ
И лавръ съ оливными вѣтвями
Держалъ, какъ будто бы уснувъ.
Сафиросвѣтлыми очами,
Какъ въ гнѣвѣ иль въ жару, блеснувъ,
Богиня на меня воззрѣла [f].
Пребудетъ образъ ввѣкъ во мнѣ,
Она который впечатлѣла! —
„Мурза“! она вѣщала мнѣ:
„Ты быть себя счастливымъ чаешь,
Когда по днямъ и по ночамъ
На лирѣ ты своей играешь
И пѣсни лишь поешь царямъ.
Вострепещи, мурза несчастный,
И страшны истины внемли,
Которымъ стихотворцы страстны
Едва ли вѣрятъ на земли;
Одно къ тебѣ лишь доброхотство
Мнѣ ихъ открыть велитъ. Когда
Поэзія не сумасбродство,
Но вышній даръ боговъ, тогда
Сей даръ боговъ лишь къ чести
И къ поученью ихъ путей
Быть долженъ обращенъ, не къ лести
И тлѣнной похвалѣ людей.

Владыки свѣта—люди тѣ же;
Въ нихъ страсти, хоть на нихъ вѣнцы;
Ядъ лести имъ вредитъ не рѣже,
А гдѣ поэты не льстецы?
И ты Сиренъ поющихъ грому
Въ вредъ добродѣтели не строй ѕ;
Благотворителю прямому
Въ хвалѣ нѣтъ нужды никакой.
Хранящій мужъ честные нравы,
Творяй свой долгъ, свои дѣла,
Царю приноситъ больше славы,
Чѣмъ всѣхъ піитовъ похвала.
Оставь нектаромъ наполненну
Опасну чашу, гдѣ скрытъ ядъ".
„Кого я зрю, столь дерзновенну,
И чьи уста меня разятъ?
Кто ты! богиня или жрица"?
Мечту стоящу я спросилъ.
Она рекла мнѣ: „Я—Фелица"!
Рекла—и свѣтлый облакъ скрылъ
Отъ глазъ моихъ ненасыщенныхъ
Божественны ея черты;
Куреніе мастикъ безцѣнныхъ
Мой домъ, и мѣсто то цвѣты
Покрыли, гдѣ она явилась,
Мой богъ, мой ангелъ во плоти!..
Душа моя за ней стремилась,
Но я за ней не могъ идти.
Подобно громомъ оглушенный,
Безчувственъ я, безгласенъ былъ;
Но, токомъ слезнымъ орошенный,
Прищелъ въ себя и возгласилъ:
„Возможно ль, кроткая царевна,
И ты къ мурзѣ чтобъ своему
Была сурова столь и гнѣвна,
И стрѣлы къ сердцу моему
И ты, и ты чтобы бросала.

И пламени души моей
Къ себѣ и ты не одобряла?
Довольно безъ тебя людей,
Довольно безъ тебя поэту
За кажду мысль, за каждый стихъ
Отвѣтствовать лихому свѣту
И отъ сатиръ щититься злыхъ!
Довольно золотыхъ кумировъ,
Безъ чувствъ мои что пѣсни чли:
Довольно Кадіевъ, Факировъ,
Которы въ зависти сочли
Тебѣ ихъ неприличной лестью;
Довольно нажилъ я враговъ!
Иной отнесъ себѣ къ безчестью,
Что не дерутъ его усовъ;
Иному показалось больно,
Что онъ насѣдкой не сидитъ;
Иному—очень своевольно
Съ тобой мурза твой говоритъ—
Иной вмѣнялъ мнѣ въ преступленье,
Что я посланницей съ небесъ
Тебя быть мыслилъ въ восхищеньѣ
И лилъ въ восторгѣ токи слезъ,
И словомъ, тотъ хотѣлъ арбуза,
А тотъ соленыхъ огурцовъ [h].
Но пусть имъ здѣсь докажетъ Муза,
Что я не изъ числа льстецовъ;
Что сердца моего товаровъ
За деньги я не продаю
И что не изъ чужихъ анбаровъ
Тебѣ наряды я крою.
Но, вѣнценосна добродѣтель!
Не лесть я пѣлъ и не мечты,
А то, чему весь міръ свидѣтель:
Твои дѣла суть красоты.
Я пѣлъ, пою и пѣть ихъ буду,
И въ шуткахъ правду возвѣщу:

Татарски пѣсни изъ-подъ спуду,
Какъ лучъ, потомству сообщу;
Какъ солнце, какъ луну, поставлю [j]
Твой образъ будущимъ вѣкамъ;
Превознесу тебя, прославлю,
Тобой безсмертенъ буду самъ"!

XXII. РѢШЕМЫСЛУ [21].

Веселонравная, младая,
Нелицемѣрная, простая,
Подруга Флаккова [a] и дщерь
Природой даннаго мнѣ смысла!
Приди ко мнѣ, приди теперь,
О Муза! славить Рѣшемысла.

Приди, иль въ облакѣ спустися,
Или хоть въ санкахъ прикатися
На легкихъ, рѣзвыхъ, шестерней,
Оленяхъ бѣлыхъ, златорогихъ,
Какъ ѣздятъ барыни зимой
Въ странахъ сибирскихъ, хладомъ строгихъ [b].

Приди, и на своей свирѣли
Не онаго пой мужа, древле
Служившаго царицѣ той,
Которая въ здоровьи маломъ
Блистала славой и красой
Подъ соболинымъ одѣломъ;

Но пой ты, пой здѣсь Рѣшемысла,
Великаго вельможу смысла,
Наперсника царицы сей,
Которая сама трудится [c]
Для блага области своей
И спать въ полудни не ложится.

Которая законы пишетъ,
Любовію къ народу дышитъ,
Плѣнитъ сосѣдей безъ оковъ;
Военны отвращая звуки,
Даритъ и счастье, и покровъ
И не сидитъ, поджавши руки.

Сея царицы всепочтенной,
Великой, дивной, несравненной
Сотрудниковъ достойно чтить;
Достойно честью и хвалами
Ея вельможъ превозносить
И осыпать ихъ вкругъ цвѣтами.

Ты, муза, съ самыхъ древнихъ вѣковъ,
Великихъ, сильныхъ человѣковъ
Всегда умѣла поласкать;
Ты можешь въ быляхъ, небылицахъ
И въ басняхъ правду представлять:
Представь мнѣ Рѣшемысла въ лицахъ.

Скажи, скажи о семъ героѣ,
Каковъ въ войнѣ, каковъ въ покоѣ,
Каковъ умомъ, каковъ душой,
Каковъ и всякими дѣлами;
Скажи, и ничего не скрой:
Не хочешь прозой, такъ стихами.

Бывали прежде дни такіе,
Что люди самые честные
Страшилися близъ трона быть,
Любимцевъ царскихъ убѣгали
И не могли тѣхъ змѣй любить,
Которыя ихъ кровь сосали.

А онъ хоть выше всѣхъ главою,
Какъ лавръ цвѣтетъ надъ муравою;
Но всюду всѣмъ бросаетъ тѣнь:

Однимъ онъ милъ, другимъ любезенъ·
Едва прохаживалъ ли день,
Кому бы не былъ онъ полезенъ.

Иной ползетъ, какъ черепаха,
Другому милъ топоръ да плаха;
А онъ паритъ, какъ бы орелъ,
И все съ высотъ далече видитъ;
Онъ въ сердцѣ злобы не имѣлъ [e]
И даже мухи не обидитъ.

Онъ сердцемъ царскій тронъ объемлетъ,
Душой народнымъ нуждамъ внемлетъ
И правду между нихъ хранитъ;
Отечеству онъ вѣрно служитъ,
Монаршу волю свято чтитъ,
А о себѣ никакъ не тужитъ;

Не ищетъ почестей лукавствомъ,
Мздоимнымъ не прельщенъ богатствомъ,
Не жаждетъ тщетно санъ носить;
Но тщится тѣмъ себя лишь славить,
Что любитъ онъ добро творить
И можетъ счастіе доставить.

Закону Божію послушенъ,
Чувствителенъ, великодушенъ,
Не гордъ, не подлъ и не трусливъ,
Къ себѣ строжае, чѣмъ къ другому,
Къ поступкамъ хитрымъ не ревнивъ,
Идетъ лишь по пути прямому;

Не празденъ, но лѣнивъ, а точенъ;
Въ дѣлахъ и скоръ, и безпорочонъ
И не кубаритъ кубарей [f];
Но столько же великъ и дома,
Въ деревнѣ, хижинѣ своей,
Какъ былъ когда метатель грома [g].

Глубокъ и быстръ и тихъ и смѣтливъ,
При всей онъ важности привѣтливъ.
При всей онъ скромности шутливъ;
Въ міру онъ кажется роскошенъ,
Но въ самой роскоши ретивъ
И никогда онъ не оплошенъ;

Хотя бы возлежалъ на розахъ,
Но въ буряхъ, знояхъ и морозахъ
Готовъ онъ съ лона нѣги встать;
Готовъ среди своей забавы
Внимать, судить, повелѣвать
И молніей летѣть въ храмъ славы.

Другъ честности и другъ Минервы,
Восшедъ на степень къ трону первый,
И безъ подпоръ, собою твердъ,
Ходить умѣетъ по паркету
И, устремяся славѣ вслѣдъ,
Готовитъ миръ и громы свѣту;

Безъ битвъ, безъ браней побѣждаетъ,
Искусство уловлять онъ знаетъ;
Своихъ, чужихъ сердца плѣнитъ.
Я слышу плескъ ему сугубый:
Онъ вольность плѣнникамъ даритъ,
Героямъ шьетъ коты да шубы [h].

Но, Муза! вижу, ты лукава,
Ты хочешь быть предъ свѣтомъ права:
Ты Рѣшемысловымъ лицомъ
Вельможей должность представляешь [i]:
Конечно, ты своимъ перомъ
Хвалить достоинства лишь знаешь.

XXIII. ЛЕВЪ И ВОЛКЪ [22].

Волкъ Льву пенялъ, что онъ не сдѣланъ кавалеромъ,
Что Пиѳикъ съ лентою, и съ лентою Оселъ,
А онъ сей почести еще не пріобрѣлъ
И сталъ его къ себѣ немилости примѣромъ,
Когда ихъ носитъ шутъ да и слуга простой,
А онъ не получилъ донынѣ никакой.
Левъ далъ отвѣтъ: „Вѣдь ты не токмо не служилъ,
Но даже никогда умно и не шутилъ“.

XXIV. ЭПИТАФІЯ МУДРЕЦУ НЫНѢШНЯГО ВѢКА.

Лежитъ здѣсь мудрый мужъ, что въ карты вѣкъ игралъ,
Стихи писалъ
И спалъ;
А сею жизнію потомственному взору
Живую начерталъ собой картину онъ,
Что счастья твердаго, что разума безъ вздору
И наслажденья безъ суетъ
Въ семъ мірѣ нѣтъ;
Но вся людская жизнь—игра, мечта и сонъ.

XXV. НА ПРІОБРѢТЕНІЕ КРЫМА [23].

Летитъ—и воздухъ озаряетъ,
Какъ вешне утро тихій понтъ!
Летитъ—и отъ его улыбки
Живая радость по лугамъ,
По рощамъ и полямъ лѣется!
Златыя Петрополя башни
Блистаютъ, какъ свѣщи, и токъ
Шумливый, бурный, токъ Днѣпровскій

Въ себѣ изображаетъ живо
Прекрасное лицо его.

Не слыша громового треска,
Не видя молненной зари,
Пастухъ и земледѣлецъ въ пѣсняхъ
Средь хижинъ воспѣваютъ миръ.
Отъ удовольствія сердечна
Струятся по ланитамъ слезы
У нѣжныхъ матерей и женъ:
Прижавъ онѣ къ грудямъ вѣрнѣйшимъ
Пришедшихъ въ домъ своихъ героевъ,
Въ восторгѣ вопрошаютъ: „Кто?

Который богъ, который ангелъ,
Который человѣковъ другъ,
Безкровнымъ увѣнчалъ васъ лавромъ,
Безъ брани вамъ трофеи далъ
И торжество?“—Екатерина,
Та вѣнценосна добродѣтель,
То воплощенно божество,
Которое дождитъ блаженства.—
Они вѣщали такъ любезнымъ,
Повѣся громы на стѣнѣ.

Увидѣлъ Марсъ—нахмурилъ брови,
Скрежещетъ и кричитъ, ярясь:
„Какъ? миръ?—и безъ меня побѣды?
Я васъ“!... Но, будучи сраженъ
Вдругъ съ Сѣвера сіяньемъ кроткимъ,
Упалъ съ желѣзной колесницы;
Его паденье раздалося
Внутрь сердца Зависти—и трость,
Водимая умомъ обширнымъ *,
Безсмертной пальмой обвилась.

Россія наложила руку
На Тавръ, Кавказъ и Херсонесъ,

И, распустя въ Босфорѣ флаги,
Стамбулу флотами гремитъ:
„Не подвиги Готфридовъ храбрыхъ,
И не крестовски древни рати—
Се мой теперь паритъ Орелъ“!
Магметъ, отъ ужаса блѣднѣя,
Заноситъ изъ Европы ногу,
И возрастаетъ Константинъ [b]!

Цирцея отъ досады востъ,
Волшебство все ея ничто;
Ахеянъ, въ тварей превращенныхъ,
Минерва вновь творитъ людьми [c]:
Осклабясь, Пиѳагоръ дивится,
Что мнѣніе его сбылося,
Что зритъ онъ преселенье душъ:
Гомеръ изъ стрекозы исходитъ [d]
И громогласнымъ, сладкимъ пѣньемъ
Не баснь, но истину постъ.

Какая незабвенна слава!
Какая звучная хвала!
Екатеринина держава
И мудрыя ея дѣла
Кого и гдѣ не удивили?
Которые цари достигли
Величества ея добротъ?
На тронъ со кротостью вступила,
На тронѣ кротость воцарила,
Чудесъ источникъ и щедротъ!

XXVI. БОГЪ [21].

О Ты, пространствомъ безконечный,
Живый въ движеньи вещества,
Теченьемъ времени превѣчный.
Безъ лицъ, въ трехъ лицахъ Божества [a]!

Духъ, всюду сущій и единый,
Кому нѣтъ мѣста и причины,
Кого никто постичь не могъ,
Кто все собою наполняетъ,
Объемлетъ, зиждетъ, сохраняетъ,
Кого мы называемъ — Богъ!

Измѣрить океанъ глубокій,
Сочесть пески, лучи планетъ
Хотя и могъ бы умъ высокій,
Тебѣ числа и мѣры нѣтъ!
Не могутъ духи просвѣщенны
Отъ свѣта Твоего рожденны,
Изслѣдовать судебъ Твоихъ;
Лишь мысль къ Тебѣ взнестись дерзаетъ,—
Въ Твоемъ величьи исчезаетъ,
Какъ въ вѣчности прошедшій мигъ.

Хаоса бытность довременну
Изъ безднъ Ты вѣчности воззвалъ,
А вѣчность, прежде вѣкъ рожденну,
Въ себѣ самомъ Ты основалъ.
Себя собою составляя,
Собою изъ себя сіяя,
Ты свѣтъ, откуда свѣтъ истекъ.
Создавый все единымъ словомъ,
Въ твореньи простираясь новомъ,
Ты былъ, Ты есь, Ты будешь ввѣкъ!

Ты цѣпь существъ въ себѣ вмѣщаешь,
Ее содержишь и живишь,
Конецъ съ началомъ сопрягаешь
И смертію животъ даришь.
Какъ искры сыплются, стремятся,
Такъ солнцы отъ Тебя родятся;
Какъ въ мразный ясный день зимой
Пылинки инея сверкаютъ,

Вратятся, зыблются, сіяютъ,
Такъ звѣзды въ безднахъ подъ Тобой.

Свѣтилъ возжженныхъ милліоны
Въ неизмѣримости текутъ;
Твои они творятъ законы,
Лучи животворящи льютъ.
Но огненны сіи лампады,
Иль рдяныхъ кристалей громады,
Иль волнъ златыхъ кипящій сонмъ,
Или горящіе эѳиры,
Иль вкупѣ всѣ свѣтящи міры—
Передъ Тобой, какъ нощь предъ днемъ.

Какъ капля, въ море опущенна,
Вся твердь передъ Тобой сія;
Но что мной зримая вселенна?
И что передъ Тобою я?
Въ воздушномъ океанѣ ономъ
Міры умножа милліономъ
Стократъ другихъ міровъ, и то,
Когда дерзну сравнить съ Тобою,
Лишь будетъ точкою одною,
А я передъ Тобой—ничто.

Ничто!—Но Ты во мнѣ сіяешь
Величествомъ Твоихъ добротъ,
Во мнѣ себя изображаешь,
Какъ солнце въ малой каплѣ водъ.
Ничто!—Но жизнь я ощущаю,
Несытымъ нѣкакимъ летаю
Всегда пареньемъ въ высоты;
Тебя душа моя быть чаетъ,
Вникаетъ, мыслитъ, разсуждаетъ:
Я есмь—конечно есь и Ты!

Ты есь!—Природы чинъ вѣщаетъ,
Гласитъ мое мнѣ сердце то,

Меня мой разумъ увѣряетъ:
Ты есь—и я ужъ не ничто!
Частица цѣлой я вселенной,
Поставленъ, мнится мнѣ, въ почтенной
Срединѣ остества я той,
Гдѣ кончилъ тварей Ты тѣлесныхъ,
Гдѣ началъ Ты духовъ небесныхъ
И цѣпь существъ связалъ всѣхъ мной.

Я связь міровъ повсюду сущихъ,
Я крайня степень вещества,
Я средоточіе живущихъ,
Черта начальна Божества.
Я тѣломъ въ прахѣ истлѣваю,
Умомъ громамъ повелѣваю,
Я царь—я рабъ, я червь—я Богъ!
Но будучи я столь чудесенъ,
Отколѣ происшелъ?—безвѣстенъ,
А самъ собой я быть не могъ.

Твое созданье я, Создатель!
Твоей премудрости я тварь,
Источникъ жизни, благъ податель,
Душа души моей и царь!
Твоей тѳ правдѣ нужно было,
Чтобъ смертну бездну преходило
Мое безсмертно бытіе,
Чтобъ духъ мой въ смертность облачился
И чтобъ чрезъ смерть я возвратился,
Отецъ! въ безсмертіе Твое.

Неизъяснимый, Непостижный!
Я знаю, что души моей
Воображенія безсильны
И тѣни начертать Твоей;
Но если славословить должно,
То слабымъ смертнымъ невозможно
Тебя ничѣмъ инымъ почтить,

Какъ имъ къ Тебѣ лишь возвышаться,
Въ безмѣрной разности теряться
И благодарны слезы лить.

1785.

XXVII. УПОВАЮЩЕМУ НА СВОЮ СИЛУ [25].

Хвалите Господа и пойте:
Коль сладко воспѣвать Его!
Ему единому вы стройте
Органы сердца своего.

Кѣмъ стѣны града вознесенны,
Не соберетъ ли тотъ гражданъ?
Кѣмъ скорби духа исцѣленны,
Плотскихъ не исцѣлитъ ли ранъ?

Создавый солнцы, круги звѣздны,
И имъ нарекшій имена,
Великъ Господь! великъ, и бездны
Его премудрости нѣтъ дна!

Онъ кроткихъ въ милость принимаетъ
И праведнымъ даетъ покровъ;
Надменныхъ власть уничтожаетъ
И грѣшныхъ низвергаетъ въ ровъ.

Начните жъ Бога вы, начните,
О горды познавать умы!
И въ похвалу Ему спѣшите
Устроить гусли и псалмы.

Онъ, небо мракомъ облекая,
Готовитъ въ тучахъ дождь браздамъ;
Росою горы проникая,
Изводитъ злакъ на службу намъ;

Даетъ звѣрямъ и птицамъ пищу.

И насѣкомымъ, и червямъ:
Такъ рубище даруетъ нищу,
Какъ діадиму и царямъ.

Не конскихъ крѣпкихъ мышцъ желаетъ,
Не къ мужеству благоволитъ;
Но на Него кто уповаетъ,
Онъ любящихъ Его хранитъ.

XXVIII. ОСЕНЬ ВО ВРЕМЯ ОСАДЫ ОЧАКОВА [26].

Спустилъ сѣдой Эолъ Борея
Съ цѣпей чугунныхъ изъ пещеръ;
Ужасныя крылѣ расширя,
Махнулъ по свѣту богатырь;
Погналъ стадами воздухъ синій,
Сгустилъ туманы въ облака,
Давнулъ—и облака разсѣлись,
Пустился дождь и восшумѣлъ.

Уже румяна Осень носитъ
Снопы златые на гумно
И роскошь винограду проситъ
Рукою жадной на вино.
Уже стада толпятся птичьи;
Ковыль сребрится по степямъ;
Шумящи красножелты листьи
Разстлались всюду по тропамъ.

Въ опушкѣ заяцъ быстроногій,
Какъ колпикъ, [a] посѣдѣвъ, лежитъ;
Ловецки раздаются роги
И выжлятъ лай и гулъ гремитъ.
Запасшися крестьянинъ хлѣбомъ,
Ѣстъ добры щи и пиво пьетъ;
Обогащенный щедрымъ небомъ,
Блаженство дней своихъ поетъ.

Борой на Осень хмуритъ брови
И Зиму съ сѣвера зоветъ.
Идетъ сѣдая чародѣйка,
Косматымъ машетъ рукавомъ,
И снѣгъ, и мразъ, и иней сыплетъ
И воды претворяетъ въ льды;
Отъ хладнаго ея дыханья
Природы взоръ оцѣпенѣлъ.

Намѣсто радугъ испещренныхъ
Виситъ по небу мгла вокругъ,
А на коврахъ полей зеленыхъ
Лежитъ разсыпанъ бѣлый пухъ.
Пустыни сѣтуютъ и долы,
Голодны волки воютъ въ нихъ;
Древа стоятъ и холмы голы,
И не пасется стадъ при нихъ.

Ушелъ олень на тундры мшисты,
И въ логовище легъ медвѣдь;
По селамъ нимфы голосисты
Престали въ хороводахъ пѣть,
Дымятся сѣрымъ дымомъ домы,
Поспѣшно ѣдетъ путникъ въ путь,
Небесный Марсъ оставилъ громы
И легъ въ туманы отдохнуть.

Россійскій только Марсъ, Потемкинъ,
Не ужасается зимы:
По развѣвающимъ знаменамъ
Полковъ, водимыхъ имъ, Орелъ
Надъ древнимъ царствомъ Митридата
Летаетъ и темнитъ Луну;
Подъ звучнымъ крылъ его мельканьемъ
То чернъ, то блѣднъ, то рдянъ Эвксинъ.

Огонь, въ волнахъ неугасимый,
Очаковскія стѣны жретъ;

Предъ ними Россъ непобѣдимый
И въ мразъ зелены лавры жнетъ;
Сѣдыя бури презираетъ,
На льды, на рвы, на громъ летитъ,
Въ водахъ и въ пламѣ помышляетъ:
Или умретъ, иль побѣдитъ.

Мужайся, твердый Россъ и вѣрный,
Еще побѣдой возблистать!
Ты не наемникъ — сынъ усердный;
Твоя Екатерина мать,
Потемкинъ — вождь, Богъ — покровитель;
Твоя геройска грудь — твой щитъ.
Честь — мзда твоя, вселенна — зритель,
Потомство плесками гремитъ.

Мужайтесь, росски Ахиллесы,
Богини Сѣверной сыны!
Хотя вы въ Стиксъ не погружались;
Но вы безсмертны по дѣламъ.
На васъ всѣхъ мысль, на васъ всѣхъ взоры:
Дерзайте вашихъ вслѣдъ отцовъ!
И ты спѣши скорѣй, Голицынъ,
Принесть въ твой домъ съ оливой лавръ.

Твоя супруга златовласа,
Плѣнира сердцемъ и лицомъ,
Давно желаннаго ждетъ гласа,
Когда ты къ ней пріѣдешь въ домъ;
Когда съ горячностью обнимешь
Ты семерыхъ твоихъ сыновъ,
На матерь нѣжно взоры вскинешь
И въ радости не сыщешь словъ;

Когда обильными рѣчами
Потомъ восторгъ свой изъявишь,
Безцѣнными побѣдъ вѣнцами
Твою супругу удивишь;

Геройскія дѣла разскажешь
Ея ты дяди и отца ь,
И духъ, и умъ его докажешь,
И какъ къ себѣ онъ влекъ сердца.

Спѣши, супругъ, къ супругѣ вѣрной;
Обрадуй ты, утѣшь ее!
Она, задумчива, печальна,
Въ простой одеждѣ и, власы
Разсыпавъ по челу нестройно,
Сидитъ за столикомъ въ софѣ,
И свѣтлоголубые взоры
Ея всечасно слезы льютъ.

Она къ тебѣ вседневно пишетъ,
Твердитъ то славу, то любовь;
То жалостью, то нѣгой дышитъ;
То страхъ ея смущаетъ кровь;
То дядѣ торжества желаетъ,
То жаждетъ мужниной любви;
Мятется, борется, вѣщаетъ:
„Коль долгъ велитъ, ты лавры рви!“

Въ чертогѣ, вкругъ ея безмолвномъ,
Не смѣютъ Нимфы пошептать;
Въ восторгѣ только Музы томномъ
Осмѣлились сей стихъ бряцать.
Румяна Осень!—радость мира!
Умножь, умножь ещо твой плодъ!
Приди, желанна вѣсть! — и лира
Любовь и славу воспоетъ.

XXIX. ПОБѢДИТЕЛЮ [27].

Въ Всевышней помощи живующій,
Въ покровѣ Бога водворенъ,
Заступникомъ Его зовущій,

Прибѣжищемъ своимъ, и въ Немъ
Надежду кто свою кладетъ въ свой вѣкъ,
Великъ, великъ тотъ въ свѣтѣ человѣкъ!

Господь его отъ сокровенныхъ,
Отъ хитрыхъ сохранитъ сѣтей,
Спасетъ его отъ дерзновенныхъ
И отъ зломышленныхъ людей;
Избавитъ отъ клеветъ [a], отъ лести злой,
Покроетъ твердою своей броней.

Хоть полкъ предъ нимъ враговъ предыдетъ
И окружитъ отвсюду тьма,
Оружіемъ его обыдетъ
Небесна Истина сама.
На крылахъ черныхъ тучъ пусть громъ летитъ:
Освѣтитъ лишь его и осѣнитъ.

Отъ стрѣлъ, какъ градъ съ высотъ, шумящихъ,
Отнюдь не устрашится онъ;
Отъ вихрей, съ жупломъ преходящихъ,
И все огнемъ ядущихъ волнъ
Не удалится прочь,—и завсегда,
Какъ твердый Тавръ, душа его тверда.

Тамъ тысящи падутъ ошую,
Кровавая горитъ заря;
Тамъ милліоны одесную,—
Покрыты трупами моря;
Къ нему же съ роковой косою Смерть
Не смѣетъ хищныхъ рукъ своихъ простерть.

Но ты смотри и виждь, о смертный!
И Божьи разумѣй дѣла:
Враговъ твоихъ полки несмѣтны
Однимъ Смерть взмахомъ посѣкла!
Невѣрныхъ сокрушилъ ты гордый рогъ;
Но симъ лишь чрезъ тебя казнилъ ихъ Богъ.

Казнилъ ихъ Богъ, а ты средь бою
Остался живъ!—и для чего?
Что возлюбилъ Его душою,
Что всю надежду на Него
Не усомнился ты предположить:
Тебя Онъ предызбралъ свой судъ свершить.

Тебя— и зло къ тебѣ не придетъ,
Ни рана къ тѣлу твоему;
На сердцѣ здравіе почіетъ,
Веселье сердцу и уму
Пойдетъ со плесками тебѣ во слѣдъ;
По торжествамъ тебя познаетъ свѣтъ.

Подъ надзираніе ты преданъ
Невидимыхъ безплотныхъ силъ
И легіонамъ заповѣданъ
Всѣхъ ангеловъ, чтобъ цѣлъ ты былъ;
Сафирныя свои они крыла
Расширя надъ тобой, блюдутъ отъ зла.

Блюдутъ тебя и сохраняютъ
Они во всѣхъ путяхъ твоихъ,
Повсюду вкругъ тебя летаютъ
И носятъ на рукахъ своихъ,
И вѣтру на тебя претятъ порхнуть,
Въ пыли твоихъ о камень ногъ преткнуть.

На аспидовъ, на василисковъ,
На тигровъ, на ехиднъ, на львовъ,
Вдали рыкающихъ, и близко
На пресмыкающихъ гадовъ,
Шипящихъ вкругъ тебя ужей и змѣй,
Ты ступишь и попрешь ногой твоей.

Надеждъ твоихъ и всѣхъ желаній
Ты никому не объявилъ;
На небо воздѣвая длани,
Ты втайнѣ Бога лишь молилъ;

Его превѣчное ты имя звалъ,
Его изъ устъ твоихъ не испускалъ.

Господь отъ звѣздъ тебя услышалъ,
Твою мольбу проразумѣлъ,
Изъ пренебесной бездны вышелъ,
Невидимую длань простеръ.
Отъ солнца какъ бѣжитъ нощь, тьма и мгла,
Такъ отъ тебя, печаль, брань, смерть ушла.

Какъ въ зеркалѣ, въ тебѣ оставилъ
Сіянье Онъ своихъ лучей;
Побѣдами тебя прославилъ,
Число твоихъ прибавилъ дней,
Спасеніе людямъ своимъ явилъ,
Величіе свое въ тебѣ открылъ.

Но кто ты, вождь, кѣмъ стѣны пали,
Кѣмъ твердь Очаковска взята?
Чья вѣра, чти уста взывали
Намъ Бога въ помощь и Христа?
Чей духъ, чья грудь несла монаршій ликъ?
Потемкинъ ты! Съ тобой, знать, Богъ великъ!

XXX. ВЕЛИЧЕСТВО БОЖІЕ [28].

Благослови, душа моя,
Всесильнаго Творца и Бога;
Коль Онъ великъ! коль мудрость многа
Въ твореньяхъ, Господи, Твоя!

Ты свѣтомъ, славой, красотой,
Какъ будто ризой, облачился
И, какъ шатромъ, Ты осѣнился
Небесъ лазурной высотой.

Ты звѣздну твердь изъ водъ сложилъ
И по зарямъ ея ступаешь,

На крыльяхъ вѣтряныхъ летаешь
Во сонмѣ свѣтоносныхъ силъ.

Послами ангеловъ творишь,
Повелѣваешь Ты духами,
Послушными себѣ слугами
Огню и бурямъ быть велишь.

Поставилъ землю на зыбяхъ:
Вовѣкъ тверда она собою;
Объяты бездной, какъ пленою,
Стоятъ въ ней воды на горахъ.

Среди хранилища сего
Онѣ грозы Твоей боятся;
Речешь—ревутъ, бѣгутъ, стремятся
Отъ гласа грома Твоего;

Какъ горы, всходятъ къ облакамъ;
Какъ долы, внизъ клонясь, ложатся;
Какъ степи, разліясь, струятся
Къ показаннымъ Тобой мѣстамъ.

Предѣлъ Ты начерталъ имъ Твой,
И изъ него онѣ не выдутъ,
Не обратятся и не придутъ
Покрыть лицо земли волной.

Велишь внутрь горъ ключемъ имъ бить,
Изъ дебрей рѣки проливаешь,
Звѣрямъ, онаграмъ посылаешь [a]
Повсюду жажду утолить.

А тамъ, по синевѣ небесъ
Віясь, пернатыя летаютъ,
Изъ облакъ гласы испускаютъ
И свищутъ на вѣтвяхъ древесъ.

Ты дождь съ превыспреннихъ стремишь;
Какъ перла, росы разсыпаешь;

Туманомъ холмы осребряешь
И плодоносными творишь.

Изъ нѣдръ земныхъ траву скотамъ
Произращаешь въ насыщенье,
На разное употребленье
Различный злакъ изводишь намъ:

На хлѣбъ—чтобъ укрѣплять сердца,
И на вино—чтобъ ободряться,
И на елей—чтобъ услаждаться
И умащать красу лица.

Твоя рука повсюду льетъ
Древамъ питательные соки;
Ливанскихъ кедровъ садъ высокій,
Тобою насажденъ, цвѣтетъ.

Ты мелкихъ птичекъ умудрилъ
Свои вить сокровенно гнѣзды,
Эродій же свое подъ звѣзды
Чтобы на соснахъ возносилъ.

По высотамъ крутыхъ холмовъ
Ты прядать научилъ еленей,
А зайцамъ средь кустовъ и тѣней
Ты далъ защиту и покровъ.

И блѣдная луна Тобой
Своею чередой сіяетъ,
И лучезарно солнце знаетъ
Во благовремя западъ свой.

Какъ день ты удалишь, и нощь
Покровъ свой разстилаетъ черный,—
Лѣсные звѣри и дубровны
И скимнъ выходитъ, яръ и тощь

Выходятъ, рыщутъ и рычатъ,
И отъ Тебя всѣ пищи просятъ;

Что Ты даруешь имъ, уносятъ
И свой тѣмъ утоляютъ гладъ.

Но лишь простретъ свой солнце взглядъ,
Они сбираются стадами
И идутъ врозь между лѣсами,
И въ мрачныхъ логовищахъ спятъ.

Поутру человѣкъ встаетъ,
Идетъ на трудъ, на земледѣлье,
И солнечное захожденье
Ему спокойствіе даетъ.

Но коль дѣла Твои, Творецъ,
Безчисленны и неизмѣрны!
Премудрости Твоей суть бездны,
Полна земля твоихъ чудесъ!

Сіи моря, сей водный сонмъ,
Обширны хляби и бездонны,
Большихъ и малыхъ тварей полны
И чудъ, безчисленныхъ числомъ.

Тамъ китъ, тамъ челнъ стремитъ свой бѣгъ
И насмѣхаются надъ бездной.
И все сіе, о Царь вселенной!
Себѣ Ты создалъ для утѣхъ.

Къ Тебѣ всѣхъ смертныхъ очи зрятъ
И на Тебя всѣ уповаютъ,
Къ Тебѣ всѣ руки простираютъ
И милостей Твоихъ хотятъ.

Даруешь имъ—и соберутъ;
Разверзешь длань—и разсыпаешь
Щедроту всѣмъ; Ты всѣхъ питаешь,
И всѣ они Тобой живутъ.

Но если отвратишь свой зракъ,
Ихъ всюду ужасы смущаютъ;

Отымешь душу — исчезаютъ
И превращаются во прахъ.

А если духъ пошлешь Ты свой,
Мгновенно вновь все сотворится,
Лицо земное обновится,
Изъ тьмы возстанетъ свѣтъ другой.

И будетъ слава средь небесъ
Твоя, Создатель, продолжаться;
Ты вѣчно будешь утѣшаться
Твореніемъ Твоихъ чудесъ!

О Ты, трясетъ чей землю взглядъ!
Коснешься ли горамъ — дымятся;
Дохнешь ли на моря — холмятся,
Въ рукѣ держащій твердь и адъ!

Тебя, всесильный мой Творецъ,
Я вѣчно славословить стану,
И пѣть Тебя я не престану
По самый дней моихъ конецъ.

Моя бесѣда предъ Тобой
И пѣснь угодны да явятся;
Тобой я буду восхищаться,
Дышать и жить, о Боже мой!

Но грѣшныхъ племя и языкъ
Да истребитъ десница строга!
Хвали, душа моя, ты Бога!
Сколь Онъ премудръ и сколь великъ!

XXXI. НА СЧАСТІЕ [29].

Всегда прехвально, препочтенно,
Во всей вселенной обоженно
И вожделѣнное отъ всѣхъ,

О ты, великомощно Счастье!
Источникъ нашихъ бѣдъ, утѣхъ,
Кому и въ ведро, и въ ненастье
Мавръ, Лопарь, пастыри, цари,
Моляся въ кущахъ и на тронѣ,
Въ воскликновеніяхъ и стонѣ,
Въ сердцахъ ихъ зиждутъ алтари!

Сынъ время, случая, судьбины,
Иль недовѣдомой причины,
Богъ сильный, рѣзвый, добрый, злой!
На шаровидной колосницѣ,
Хрустальной, скользкой, роковой,
Вослѣдъ блистающей денницѣ
Чрезъ горы, степь, моря, лѣса
Вседневно ты по свѣту скачешь,
Волшебною ширинкой машешь
И производишь чудеса.

Куда хребетъ свой обращаешь,
Тамъ въ пепелъ грады претворяешь,
Приводишь въ страхъ богатырей;
Султановъ заключаешь въ клѣтку,
На казнь выводишь королей;
Но если ты жъ, хотя въ издѣвку,
Осклабишь взоръ свой на кого:
Раба творишь владыкой міру [a],
Намѣсто рубища — порфиру
Ты возлагаешь на него.

Въ тѣ дни людскаго просвѣщенья,
Какъ нѣтъ кикиморовъ явленья,
Какъ ты лишь всѣмъ чудотворишь,
Дѣвицъ и дамъ магнизируешь [b],
Изъ камней золото варишь,
Въ глаза патріотизма плюешь,
Катаешь кубаремъ весь міръ;
Какъ рѣзвости твоей примѣровъ,

Полна земля вся кавалеровъ,
И цѣлый свѣтъ сталъ бригадиръ [c];

Въ тѣ дни, какъ всюду скороходомъ
Предъ русскимъ ты бѣжишь народомъ
И лавры рвешь ему зимой,
Стамбулу бороду ерошишь,
На Таврѣ ѣдешь чихардой,
Задать Стокгольму перцу хочешь,
Берлину фабришь ты усы,
А Темзу въ фижмы наряжаешь,
Хохолъ въ Варшавѣ раздуваешь,
Коптишь голландцамъ колбасы;

Въ тѣ дни, какъ Вѣну ободряешь,
Парижу пукли разбиваешь,
Мадриту поднимаешь носъ,
На Копенгагенъ иней сѣешь,
Пучокъ подносишь Гданску розъ,
Венеціи, Мальтѣ не радѣешь,
А Греціи велишь зѣвать,
И Риму, ноги чтобъ не пухли,
Святыя оставляя туфли,
Царямъ претишь ихъ цѣловать;

Въ тѣ дни, какъ все вездѣ въ разгульѣ:
Политика и правосудье,
Умъ, совѣсть и законъ святой
И логика пиры пируютъ,
На карты ставятъ вѣкъ златой,
Судьбами смертныхъ пунтируютъ,
Вселенну въ трантелево гнутъ [d];
Какъ полюсы, меридіаны,
Науки, Музы, боги пьяны,
Всѣ скачутъ, пляшутъ и поютъ;

Въ тѣ дни, какъ всюду Ерихонцы [e]
Не сѣютъ, но лишь жнутъ червонцы,

Ихъ денегъ куры не клюютъ;
Какъ вкусъ и нравы распестрились,
Весь міръ сталъ полосатый шутъ,
Мартышки въ воздухѣ явились [g],
По свѣту свѣтятъ фонари;
Витійствуютъ ураніи въ школахъ [h],
На пышныхъ карточныхъ престолахъ
Сидятъ мишурные цари [i];

Въ тѣ дни, какъ Мудрость среди троновъ [k]
Одна не мѣситъ макароновъ,
Не ходитъ въ кузницу ковать;
А развѣ временемъ лишь скучнымъ
Изволитъ Музъ къ себѣ пускать
И перышкомъ своимъ искуснымъ,
Не ссоряся никакъ, ни съ кѣмъ,
Для общей и своей забавы,
Комедьи пишетъ, чиститъ нравы
И припѣваетъ: хемъ, хемъ, хемъ [l]!

Въ тѣ дни, ни съ кѣмъ какъ несравненна,
Она, съ тобою сопряженна,—
Ни въ сказкахъ складно разсказать,
Ни написать перомъ красиво,—
Изволитъ милость проливать,
Изволитъ царствовать правдиво,
Не жжетъ, не рубитъ безъ суда;
А развѣ кое-какъ вельможи
И такъ и сякъ, нахмуря рожи [m],
Тузятъ иного иногда;

Въ тѣ дни, какъ мещетъ всюду взоры
Она вселенной на рессоры
И вѣситъ скипетры царей,
Слѣды орловъ парящихъ видитъ
И пресмыкающихся змѣй;
Разя враговъ, не ненавидитъ,
А только пресѣкаетъ зло:

Безъ латъ богатырямъ и въ латахъ,
Претитъ давить лимоны въ лапахъ,
А хочетъ, чтобы все цвѣло;

Въ тѣ дни, какъ скипетромъ любезнымъ [n]
Она перунъ къ странамъ желѣзнымъ
И громъ за тридевять земель
Несетъ на лунно государство
И бомбы сыплетъ, будто хмель;
Свое же ублажая царство,
Покоитъ, грѣетъ и живитъ,
Въ морозъ камины возжигаетъ [o],
Дрова и сѣно запасаетъ,
Бояръ и чернь благотворитъ;

Въ тѣ дни и времена чудесны
Твой взоръ и на меня весмѣстный
Простри, о надъ царями царь!
Простри—и удостой усмѣшкой
Презрѣнную тобою тварь;
И, если я не созданъ пѣшкой,
Валяться не рожденъ въ пыли,
Прошу тебя моимъ быть другомъ:
Песчинка можетъ быть жемчугомъ;
Погладь меня и потрепли.

Бывало, ты меня къ боярамъ
Въ любовь введешь: беру все даромъ,
На вексель, въ долгъ безъ платежа;
Судьи, дьяки и прокуроры,
Въ передней про себя брюзжа,
Умильные мнѣ мещутъ взоры
И жаждутъ слова моего;
А я всѣхъ мимо по паркету
Бѣгу, носъ вздернувъ, къ кабинету [p]
И въ грошъ не ставлю никого.

Бывало, подъ чужимъ нарядомъ

Съ красоткой чернобровой рядомъ
Иль съ бѣленькой сидя со мной,
То въ шашки, то въ картежъ играешь;
Прекрасною твоей рукой
Туза червоннаго вскрываешь,
Сердечный твой тѣмъ кажешь взглядъ;
Я къ кралѣ короля бросаю
И ферзь къ ладьѣ я придвигаю,
Даю марьяжъ иль шахъ и матъ.

Бывало, милыя науки
И Музы, простирая руки,
Позавтракать ко мнѣ придутъ
И все мое усядутъ ложе;
А я, свирѣль настроя тутъ,
Съ ихъ каждой лирой то же, то же
Играю, что вчерась игралъ.
Согласна трель! взаимны тоны!
Восторгъ всѣхъ чувствъ! за васъ короны
Тогда бы взять не пожелалъ.

А нынѣ пятьдесятъ мнѣ било,
Полетъ свой Счастье премѣнило,
Безъ латъ—я Горе-богатырь ?;
Прекрасный полъ меня лишь бѣситъ,
Амуръ безъ перьевъ нетопырь,
Едва вспорхнетъ и носъ повѣситъ.
Сокрылся и въ игрѣ мой кладъ;
Не страстны мной, какъ прежде, Музы;
Бояре понадули пузы,
И я у всѣхъ сталъ виноватъ.

Услышь, услышь меня, о Счастье!
И солнце какъ сквозь бурь, ненастье,
Такъ на меня и ты взгляни;
Прошу, молю тебя умильно,
Мою ты участь премѣни:
Вѣдь всемогуще ты и сильно

Творить добро изъ самыхъ золъ:
Отъ божеской твоей десницы
Гудокъ гудитъ на тонъ скрипицы [r]
И вьется локономъ хохолъ.

Но, ахъ! какъ нѣкая ты сфера
Иль легкій шаръ Монгольфіера [s],
Блистая въ воздухѣ, летишь;
Вселенна длани простираетъ,
Зоветъ тебя—ты не глядишь;
Но шаръ твой часто упадаетъ,
По прихоти одной твоей,
На пни, на кочки, на колоды,
На грязь и на гнилыя воды,
А рѣдко, рѣдко на людей.

Слети ко мнѣ, мое драгое,
Серебряное, золотое
Сокровище и божество!
Слети, причти къ твоимъ любимцамъ!
Я храмъ тебѣ и торжество
Устрою, и вездѣ по крыльцамъ
Твоимъ разсыплю я цвѣты;
Возжгу куренья благовонны
И буду ѣздить на поклоны,
Гдѣ только обитаешь ты.

Жить буду въ теремѣ богатомъ,
Возвышусь въ чинъ и знатнымъ бракомъ
Горацію въ родню причтусь;
Перомъ моимъ славно-школярнымъ
Разсудка выше вознесусь [t]
И, ставъ тебѣ неблагодарнымъ,—
„*Беатусъ* братъ мой, на волахъ
Собою самъ поля орющій, [u]
Или стада свои пасущій!“
Я буду восклицать въ пирахъ,

Увы! еще ты не внимаешь,
О Счастіе! моей мольбѣ,
Мои обѣты презираешь:
Знать, неугоденъ я тебѣ.
Но на софахъ ли ты пуховыхъ,
Въ тѣняхъ ли миртовыхъ, лавровыхъ,
Иль въ золотой живешь странѣ, —
Внемли: шепни твоимъ любимцамъ,
Вельможамъ, королямъ и принцамъ:
Спокойствіе мое во мнѣ!

XXXII. ПРАВЕДНЫЙ СУДІЯ [30].

Я милость воспою и судъ,
И возглашу хвалу я Богу;
Законы, поученье, трудъ,
Премудрость, добродѣтель строгу
И непорочность возлюблю.

Въ моемъ я домѣ буду жить
Въ согласьи, въ правдѣ, въ преподобьи;
Какъ чадъ, рабовъ моихъ любить,
И сердца моего въ незлобьи
Одни пороки истреблю.

И мысленнымъ очамъ моимъ
Не предложу я дѣлъ преступныхъ;
Ничѣмъ не пріобщуся къ злымъ,
Возненавижу и распутныхъ
И отвращуся отъ льстецовъ.

Отъ своенравныхъ уклонюсь,
Не прилѣплюсь въ совѣтъ коварныхъ;
Отъ порицаній устранюсь,
Навѣтовъ, наущеній тайныхъ,
И изгоню клеветниковъ.

За столъ съ собою не пущу
Надменныхъ, злыхъ, неблагодарныхъ;
Моей трапезой угощу
Правдивыхъ, честныхъ, благонравныхъ,
Къ благимъ и добрымъ буду добръ.

И гдѣ со мною ни сойдутся
Лжецы, мздоимцы, гордецы,
Отвсюду мною изженутся
Въ дальнѣйшіе земны концы,
Иль казнь повергнетъ ихъ во гробъ.

XXXIII. ИСТИННОЕ СЧАСТІЕ [31].

Блаженъ тотъ мужъ, кто ни въ совѣтъ,
Ни въ сонмъ губителей не сядетъ,
Ни грѣшниковъ на путь не станетъ,
Ни пойдетъ нечестивымъ вслѣдъ.

Но будетъ нощію и днемъ
Въ законѣ Божьемъ поучаться
И всею волею стараться,
Чтобъ только поступать по немъ.

Какъ при потокѣ чистыхъ водъ
Въ долинѣ древо насажденно,
Цвѣтами всюду окруженно,
Дающее во время плодъ,

Котораго зеленый листъ
Не падастъ и не желтѣетъ:
Подобно онъ во всемъ успѣетъ,
Когда и что ни сотворитъ.

Но беззаконники не такъ:
Они съ лица земли стряхнутся,
Развѣются и разнесутся,
Какъ вѣтромъ возметенный прахъ.

Суда Всевидца не снесутъ
И не воскреснутъ нечестивы,
И грѣшники въ совѣтъ правдивый
Отнюдь явиться не дерзнутъ.

Господь съ превыспреннихъ своихъ—
Всѣхъ нашихъ помышленій зритель:
Онъ праведниковъ покровитель,
Каратель и губитель злыхъ.

XXXIV. ИЗОБРАЖЕНІЕ ФЕЛИЦЫ[32].

Рафаэль! живописецъ славный,
Рафаэль чудный, безприкладный
Творецъ искусствомъ естества!
Изобразитель Божества [a]!
Умѣлъ ты кистію свободной
Непостижимость написать:
Умѣй моей богоподобной
Царевны образъ начертать.

Изобрази ея мнѣ точно
Осанку, возрастъ и черты,
Чтобъ въ нихъ я видѣлъ и заочно
Ея и сердца красоты,
И духа чувствы возвышенны,
И разума ея дѣла;
Фелица, ангелъ воплощенный,
Въ твоей картинѣ бы жила!

Небесно-голубые взоры
И по ланитамъ нѣжна тѣнь,
Сквозь мракъ временъ, стихіевъ споры
Блистали бы, какъ ясный день;
Какъ утрення заря весення,
Такъ улыбалась бы она;
Какъ пальма, въ раѣ насажденна,
Такъ возвышалась бы стройна,

Какъ пальма клонитъ благовонну
Вершину и лицо свое,
Такъ тиху, важну, благородну
Ты поступь напиши ея.
Коричными чело власами,
А перломъ перси осѣни;
Премудрость и любовь устами,
Какъ розы дышатъ, изъясни.

Представь въ лицѣ ея геройство,
Въ очахъ величіе души;
Премилосердо, нѣжно свойство
И снисхожденье напиши;
Не позабудь пріятность въ нравѣ
И кроткій гласъ ея рѣчей;
Во всей изобрази ты славѣ
Владычицу души моей.

Одѣнь въ доспѣхи, въ брони златы [b]
И въ мужество ея красы,
Чтобъ шлемъ блисталъ на ней пернатый,
Зефиры вѣяли власы;
Чтобъ конь подъ ней главой крутился
И бурно бросды опѣнялъ;
Чтобъ Нордъ сѣдый ей удивился
И обладать собой избралъ;

Избралъ—и, падши на колѣна,
Поднесъ бы скиптръ ей и вѣнецъ;
Она мольбой его смягченна
И ставъ владычицей сердецъ,
Безстрашно бъ узы разрѣшила
Издревле скованныхъ цѣпьми;
Свободой бы рабовъ плѣнила [c]
И нарекла себѣ дѣтьми.

Престолъ ея на Скандинавскихъ,
Камчатскихъ и Златыхъ горахъ,

Отъ странъ Таймурскихъ до Кубанскихъ,
Поставь на сорокъ двухъ столпахъ [c];
Какъ восемь бы зерцалъ стояли
Ея великія моря;
Съ полнеба звѣзды освѣщали,
Вокругъ багряная заря.

Средь дивнаго сего чертога
И велелѣпной высоты,
Въ величествѣ, въ сіяньи Бога
Ее изобрази мнѣ ты;
Чтобъ, сшедъ съ престола, подавала [d]
Скрижаль заповѣдей святыхъ;
Чтобы вселенна принимала
Гласъ Божій, гласъ природы въ нихъ;

Чтобъ дики люди, отдаленны [e],
Покрыты шерстью, чешуей,
Пернатыхъ перьемъ испещренны,
Одѣты листьемъ и корой,
Сошедшися къ ея престолу
И кроткихъ внявъ законовъ гласъ,
По желтосмуглымъ лицамъ долу
Струили токи слезъ изъ глазъ;

Струили бъ слезы и, блаженство
Своихъ проразумѣя дней,
Забыли бы свое равенство,
И были всѣ подвластны сй:
Финнъ въ морѣ, блѣдный, рыжевласый,
Не разбивалъ бы кораблей,
И узкоглазый Гуннъ жалъ класы
Среди сѣдыхъ, сухихъ зыбей.

Припомни, чтобъ она вѣщала
Безчисленнымъ ея ордамъ:
„Я счастья вашего искала—
И въ васъ его нашла я вамъ:

Ставъ сами вы себѣ послушны,
Живите, славьтеся въ мой вѣкъ
И будьте столь благополучны,
Колико можетъ человѣкъ.

„Я вамъ даю свободу мыслить
И разумѣть себя, цѣнить,
Не въ рабствѣ, а въ подданствѣ числить [f]
И въ ноги мнѣ челомъ не бить;
Даю вамъ право безъ препоны
Мнѣ ваши нужды представлять,
Читать и знать мои законы,
И въ нихъ ошибки замѣчать.

„Даю вамъ право собираться [j]
И въ думахъ золото копить,
Ко мнѣ послами отправляться
И не всегда меня хвалить;
Даю вамъ право безпристрастно
Въ судьи другъ друга выбирать,
Самимъ дѣла свои всевластно
И начинать, и окончать.

„Не воспрещу я стихотворцамъ
Писать и чепуху, и лесть,
Халдеямъ, новымъ чудотворцамъ [i],
Махать съ духами, пить и ѣсть;
Но я во всемъ, что лишь не злобно,
Потщуся равнодушной быть,
Великолѣпно и спокойно
Мои благодѣянья лить“.

Рекла – и взоръ бы озарился
Величествомъ ея души,
Хаосъ на сферы бъ раздѣлился [k]
Ея рукою — напиши.
Чтобъ солнцы въ путь свой покатились
И тысящи вкругъ нихъ планетъ;

Изъ праха грады возносились,
Возстали царства — и былъ свѣтъ.

Изобрази мнѣ міръ сей новый
Въ лицѣ младого лѣтня дня:
Какъ рощи, холмы, башни, кровы,
Отъ горняго златясь огня,
Изъ мрака возстаютъ, блистаютъ
И смотрятся въ зерцало водъ;
Всѣ новы чувства получаютъ
И движется всѣхъ смертныхъ родъ.

Представь мнѣ лучезарны храмы
И ангеловъ поющихъ ликъ,
И благовонны ѳиміамы
Какъ облака бъ носились въ нихъ;
И чтобъ царевна умиленна,
Вперя свой взоръ на небеса,
Слезами зрѣлась окропленна,
Блистающими какъ роса;

Какъ съ синей крутизны эѳира
Лучамъ случится ниспадать,
Отъ Вседержителя такъ міра
Чтобъ къ ней сходила благодать,
И въ видѣ счастія земного
Чтобъ сыпала предъ ней цвѣты,
И купно вѣка бы драгого
Катилися часы златы;

Чтобъ видѣлъ я въ рога зовущихъ
Тамъ пастуховъ стада на лугъ;
На рощахъ липовыхъ, цвѣтущихъ
Рои жужжащихъ пчелъ вокругъ;
Шумя, младыхъ бы класовъ волны
Переливались вѣтеркомъ,
Граненыхъ брилліантовъ холмы
Вслѣдъ сыпались за кораблемъ;

Чтобы съ ристалища мнѣ громы
И плески доходили въ слухъ,
И вихремъ всадники несомы
Поспѣшно бъ натягали лукъ,
И стрѣлу, къ облакамъ пущенну,
Пересѣкали бы другой,
И всю въ стязаньи бы вселенну
Я предъ Фелицей зрѣлъ младой [l].

И зрѣлъ бы я ее на тронѣ
Сѣдящу въ утваряхъ царей,
Въ порфирѣ, бармахъ и коронѣ,
И взглядомъ вдругъ однимъ очей
Объемлющу моря и сушу
Во всемъ владычествѣ своемъ,
Всему дающу жизнь и душу,
И управляющую всѣмъ;

Чтобъ свыше ею вдохновенны
Мурзы, паши и визири,
Сѣдиной мудрости почтенны,
Въ диванѣ зрѣлись, какъ цари [m];
Законъ бы свято сохраняли
И по стезямъ бы правды шли,
Носить ей скипѣртъ пособляли
И пользу общую блюли;

Она предъ ними предсѣдала,
Какъ всемогущій Царь царей,
Свои наказы подтверждала
Для благоденствія людей;
Рекла бъ: „Почто писать уставы,
Коль ихъ въ диванахъ не творятъ [n]
Развратные вельможей нравы—
Народа цѣлаго развратъ.

„Вашъ долгъ—монарху, Богу, царству
Служить и клятвой не играть;

Неправдѣ, злобѣ, мздѣ, коварству
Пути повсюду пресѣкать:
Пристрастный судъ — разбоя злѣе;
Судьи — враги, гдѣ спитъ законъ;
Предъ вами гражданина шея
Протянута безъ оборонъ".

Представь, чтобъ гласъ сей, свѣтозарный
Какъ лучъ съ небесъ, проникъ сердца,
Извлекъ бы слезы благодарны,
И всѣ монарха и отца
И Бога бы въ Фелицѣ зрѣли,
Который праведенъ и благъ;
Изъ устъ бы громы лишь гремѣли,
Которы у нея въ рукахъ.

Содѣлай, чтобъ судебны храмы
Ея лугами обросли,
Вѣсы бы въ нихъ стояли прямы,
И рѣдко къ нимъ бы люди шли;
Чтобъ совѣсть всюду предсѣдала [о]
И обнимался съ ней законъ;
Чтобъ милость истину лобзала
И миру преставляла тронъ.

Представь, чтобъ всѣ царевна средства
Въ пособіе себѣ брала
Предупреждать народа бѣдства
И сохранять его отъ зла;
Чтобъ отворила всѣмъ дороги
Чрезъ почту письма къ ней писать [р];
Велѣла бы въ свои чертоги
Для объясненья допускать;

Какъ молнія, ея бы взоры
Сверкали быстро въ небесахъ,
Проникнуть мысли были скоры
И въ самыхъ скрытнѣйшихъ сердцахъ [ч];

Чтобъ издалече познавала
Она невиннаго ни въ чемъ;
Какъ ангелъ бы къ нему блистала
Благоволенія лицомъ.

Дерзни мнѣ кистію волшебной
Святилище изобразить,
Гдѣ взора смертныхъ удаленной
Благоволитъ Фелица быть;
Гдѣ тайна перстомъ помаваетъ
И на уста кладетъ печать;
Гдѣ благочестье предсѣдаетъ,
И долгъ велитъ страстямъ молчать.

Представь ее облокоченну
На Зороастровъ истуканъ [г],
Смотрящу тамъ на всю вселенну,
На огнезвѣздный океанъ,
Вѣщающу: „О Ты, Превѣчный,
Который волею своей
Колеса движешь быстротечны
Вратящейся природы всей!

Когда Ты есть душа едина
Движенью сихъ огромныхъ тѣлъ:
То Ты жъ, конечно, и причина
И нравственныхъ народныхъ дѣлъ;
Тобою царства возрастаютъ,
Твое орудіе цари;
Тобой они и померцаютъ,
Какъ блескъ вечернія зари!

„Наставь меня, міровъ Содѣтель,
Да, волѣ слѣдуя Твоей,
Тебя люблю и добродѣтель
И зижду счастіе людей;
Да вѣкъ мой на дѣла полезны
И славу ихъ я посвящу,

Самодержавства скиптръ желѣзный
Моей щедротой позлащу;

„Да удостоенна любови,
Надзрѣнія Твоихъ очесъ,
Чтобъ я за кажду каплю крови,
За всякую бы каплю слезъ
Народа моего, пролитыхъ,
Тебѣ отвѣтствовать могла
И чувствъ души моей сокрытыхъ
Тебя Свидѣтелемъ звала“.

Представь, чтобъ тутъ кидала взоры
Со отвращеніемъ она
На тѣ ужасны приговоры,
Гдѣ смерть написана, война
Свинцова грифеля чертами,
И медленно бъ крѣпила ихъ,
И тутъ же горькими слезами
Смывала бы слова всѣ съ нихъ;

Но милости бъ опредѣляла
Она съ смѣющимся лицомъ;
Златая бы струя бѣжала
За скоропищущимъ перомъ
И проливалась бы съ престолу
Въ несчетныхъ тысящахъ прохладъ,
Какъ въ ясный денъ съ крутыхъ горъ долу
Лучистый съ шумомъ водопадъ;

Чтобъ сей рѣкой благодѣяній
Покрылась вся ея страна;
Я зрѣлъ бы цѣпь пространныхъ зданій,
Гдѣ пользуетъ больныхъ она,
Гдѣ бѣдныхъ пищей насыщаетъ,
Гдѣ брошенныхъ беретъ сиротъ [s],
Гдѣ ихъ лелѣетъ, возращаетъ,
Гдѣ просвѣщаетъ свой народъ.

Представь мнѣ, въ мысли восхищенной,
Сходила бы съ небесъ она;
Какъ солнце грудь, въ ткани зеленой,
Рукой метала сѣмена;
Какъ искры огненны, дождились
Златыя бъ зерна въ снѣдь птенцамъ:
Орлы младые разбудились
И воскрылялись бы къ лучамъ.

Яви искусствомъ чудотворнымъ,
Чтобъ льды пріяли видъ лилей;
Весна дыханьемъ теплотворнымъ
Звала бы съ моря лебедей,
Летѣли бъ съ крикомъ вереницы,
Звучали бъ трубы съ облаковъ:
Такъ въ царство бы текли Фелицы
Народы изъ чужихъ краевъ [t].

Не позабудь ее представить,
Какъ, вмѣсто алтарей ссбѣ,
Царя великаго поставить
Велѣла на мольбу Ордѣ,
Какъ всюду раздалися клики
И громы свѣта по конецъ:
„Предсталъ намъ Зороастръ великій,
Воскресъ отечества отецъ“!

Изобрази и то въ картинѣ,
Чтобъ сей подобный грому кликъ
Въ безмѣрной времени долинѣ,
Какъ будто бы катясь, затихъ;
Фелицы жъ славою удвоенъ,
Громчай въ потомствѣ возгласилъ:
„Великъ, кто алтарей достоинъ,
Но ихъ другому посвятилъ!“

Представь, сей славой возбужденны,
Чтобъ зрѣть ее цари пришли,

И, какъ бы древле, удивленны,
Въ ней Соломона вновь нашли;
Народъ счастливый и блаженный
Великой бы ее нарекъ [u],
Поднесъ бы титла ей священны,—
Она бъ рекла: „Я человѣкъ“.

Возвысь до облакъ лавръ зеленый,
И чтобъ онъ на поляхъ стоялъ;
Подъ нимъ бы, тѣнью прохлажденный,
Спокойно исполинъ дремалъ;
Какъ мраморъ, бѣла бъ грудь блистала,
Ланиты бы цвѣли зарей:
Фелица такъ бы услаждала
Полсвѣта подъ своей рукой [x];

И, здравіе его спасая,
Безъ ужаса пила бы ядъ [y];
Отъ твердости ея Смерть злая
Свой отвратила бъ смутный взглядъ;
Коса ея дала бы звуки,
Преткнувшись о великій духъ;
На небеса воздѣли бъ руки
Младенцевъ милліоны вдругъ;

Супруговъ чувства благодарны
За оживленье ихъ дѣтей,
Какъ бы пылинки лучезарны,
Огнистой отъ стекла струей
Отпрянувъ, въ воздухѣ сверкали,
Являли бъ пламень ихъ сердецъ:
„Мы зримъ въ Фелицѣ“, восклицали,
„Твое подобіе, Творецъ!“

Изобрази ты мнѣ царевну
Еще и въ подвигахъ другихъ:
Стоглаву гидру разъяренну
И фурій отъ земель своихъ [z]

Чтобы гнала она геройски;
Какъ мать, своихъ спасала бъ чадъ;
Какъ царь, на гордость двигла войски;
Какъ Богъ, свергала злобу въ адъ.

На сребролунно государство [w]
Простри крылатый сизый громъ;
Въ желѣзнокаменное царство
Брось молньи и поставь вверхъ дномъ;
Орелъ царевнинъ бы ногою
Вверху рога луны сгибалъ;
Тогда жъ бы на землѣ другою
У гладна льва онъ зѣвъ сжималъ [aa];

Чтобы ея безстрашны войски,
Отъ колыбели до сѣдинъ,
Носили духъ въ себѣ геройскій,
И отрокъ будто бъ исполинъ
Врагамъ въ сраженіяхъ казался;
Ихъ плѣнникъ бы сказалъ о нихъ:
„Никто въ бою имъ не равнялся,
Кромѣ души великой ихъ;

Чтобы вселенныя владыки
И всякъ ту истину узналъ:
Гдѣ войски Зороастръ великій
Образовалъ и учреждалъ,
И гдѣ великую въ нихъ душу
Великая Фелица льстъ,—
Тѣ войски горы, море, сушу
Пройдутъ и имъ препоны нѣтъ;

Чтобъ грозный полкъ ихъ представлялся
Какъ страшна буря вдалекѣ,
И Миръ въ порфирѣ приближался [bb]
Тогда бъ къ царевниной рукѣ;
Она бъ его облобызала
И вѣтвь его къ себѣ взяла;

„Да будетъ тишина!“ сказала,—
И къ намъ бы тишина пришла;

Какъ ангелъ въ синевѣ эѳира
И милосердія въ лицѣ,
Со кротостью въ душѣ зефира,
Съ сіяньемъ тихимъ звѣздъ въ вѣнцѣ,
Благолюбивая бъ царевна
Въ день зрѣлась мирна торжества;
Душа моя бы восхищенна
Была дѣлами божества;

Изъ устъ ея текла бы сладость
И утѣшала стонъ вдовицъ;
Изъ глазъ ея блистала бъ радость
И освѣщала бъ мракъ темницъ;
Рука ея бы награждала
Прямыхъ отечества сыновъ;
Душа ея въ себѣ прощала
Неблагодарныхъ и враговъ;

Пріятность бы сопровождала
Ея бесѣду, дружбу, власть;
Привѣтливость ея равняла
Съ монархомъ подданнаго часть;
Повсюду Музы въ восхищеньѣ
Ей сыпали бъ цвѣты сердецъ,
И самое Недоумѣнье
Ей плесковъ поднесло бъ вѣнецъ.

Черты одной красотъ ей ложно
Блюдися приписать въ твой вѣкъ;
Представь, каковъ, коль только можно,
Богоподобный человѣкъ!
Исполнь ее величествъ, власти,
Безсмертныхъ мудрости даровъ,
Вдохни, вдохни ей также страсти:
Щедроту, славу и любовь.

И славу моему ты взору
Ея представь, какъ бы въ ночи
Возжженну бриліянтовъ гору,
Отъ коей бы лились лучи
И живо въ вѣчности играли;
На свѣтлу оной крутизну
Калифы многіе желали:
Ползли, скользили—пали въ тму;

Какъ огненъ столпъ на понтѣ, взорамъ
Къ горѣ сей колебался бъ путь;
Фелица бы внушала Хлорамъ:
„Тамъ розы безъ шиповъ растутъ“;
Мурза бъ въ восторгѣ, въ удивленьи,
Подъ золотымъ ея щитомъ,
Въ татарскомъ упражнялся пѣньи
И восклицалъ открытымъ ртомъ:

„Бросай, кто хочетъ,—остры стрѣлы
Отъ чистой совѣсти скользятъ;
Имѣя сердце, руки бѣлы,
Мнѣ стыдно мстить, стыднѣе лгать,
Того стыднѣе въ дни блаженны
За истину страшиться зла:
Моей царевной восхищенный,
Я лишь ея пою дѣла“.

Но что, Рафаэль, что ты пишешь?
Кого ты, гдѣ изобразилъ?
Не на холстѣ, не въ краскахъ дышишь,
И не металлъ ты оживилъ:
Я въ сердцѣ зрю алмазну гору;
На немъ божественны черты
Сіяютъ иступленну взору;
На немъ въ лучахъ—Фелица, ты!

XXXV. КЪ ЕВТЕРПѢ [33].

Пой, Евтерпа дорогая!
Въ струны арфы ударяй!
Ты, поколь весна младая,
Пой, пляши и восклицай.
Ласточкой порхаетъ радость,
Кратко соловей поетъ:
Красота, пріятность, младость,
Не увидишь, какъ пройдетъ.

Браннымъ шлемомъ покровенный,
Марсъ своей пусть жертвы ждетъ;
Рано ль, поздно ль, побѣжденный
Голіаѳъ предъ нимъ падетъ,
Вскинетъ тусклый и багровый
Съ скрежетомъ къ нему свой взглядъ,
И вѣнецъ ему лавровый,
Хоть не хочетъ, да отдастъ.

Пусть придворный суетится
За Фортуною своей;
Если быть ему случится
И наперсникомъ у ней,—
Рано ль, поздно ль, онъ наскучитъ
Кубариться кубаремъ:
Насъ Фортуна часто учитъ
Горемъ быть богатыремъ.

Время все перемѣняетъ:
Птицъ умолкъ весеннихъ свистъ,
Лѣто знойно пробѣгаетъ,
Травъ зеленыхъ вянетъ листъ;
Идетъ осень златовласа,
Спѣлые несетъ плоды;
Красножелта ея ряса
Превратится скоро въ льды.

Марсъ устанетъ—и любимецъ
Счастья возьметъ свой покой;
У твоихъ воротъ и крылецъ
Царедворецъ и герой
Брякнутъ въ кольца золотыя;
Ты съ согласія отца
Бросишь взоры голубые
И зажжешь у нихъ сердца.

Съ сыномъ нѣги Марсъ заспоритъ
О любви твоей къ себѣ;
Сына нѣти онъ поборетъ
И понравится тебѣ.
Качества твои любезны
Всей душою полюбя,
Опершись на щитъ желѣзный,
Онъ воздремлетъ близъ тебя.

Пой, Евтерпа молодая!
Прелестью своей плѣни;
Бога браней усыпляя,
Громъ изъ рукъ его возьми.
Лавромъ голова нагбенна
Къ персямъ склонится твоимъ.
И должна тебѣ вселенна
Будетъ вѣкомъ золотымъ.

XXXVI. КАНТАТА[34].

Щедротъ источникъ, Россовъ радость,
Посланница и другъ небесъ,
Которой льютъ уста намъ сладость,
А взоры—жизнь и свѣтъ очесъ!

Тобой блаженство мы вкушаемъ,
Тобой мы дышимъ и живемъ;
Тебѣ сердца мы посвящаемъ
И благодарну пѣснь поемъ.

О наша мать! сердецъ царица!
О ангелъ, а не человѣкъ!
О кротка Сѣвера денница!
Сіяй и озаряй насъ ввѣкъ.

XXXVII. НА ШВЕДСКІЙ МИРЪ [35].

Ты шествуешь въ Петрополь съ миромъ
И лавры на главѣ несешь;
Ты провождаешься зефиромъ
И Россамъ пальмы раздаешь.
Ты шествуешь!—Воззри, царица,
На радостныя всюду лица,
На сонмы вкругъ тебя людей!
Не такъ ли на тебя взираютъ,
Какъ нѣжную весну встрѣчаютъ
Въ одеждѣ розовыхъ зарей?

Ты шествуешь и осклабляешь
Твой взоръ на нихъ, какъ божество;
Одной улыбкой составляешь
Восторгъ ты нашъ и торжество:
Средь свѣтлаго вельможей строя
Въ тебѣ царя, вождя, героя
И мироносицу мы зримъ;
Ужъ изумленны наши взгляды
Въ тебѣ читаютъ тѣ отрады,
Что миромъ мы получимъ симъ.

Какъ царь, ты наградишь заслуги;
Какъ матерь, призришь ты сиротъ;
Лишенные дѣтей супруги
Воскреснутъ отъ твоихъ щедротъ;
Освободишь ты заключенныхъ,
Обогатишь ты раззоренныхъ,
Незлобно винныхъ ты простишь.
По нуждѣ ты лила токъ крови;

Желаніе честей и славы,
И къ общему любовь добру;
Онъ пѣлъ имъ къ божеству почтенье,
Вдыхалъ къ порокамъ омерзенье,
Мздоимну злату, серебру.

Сѣдые старцы, преклоненны
Вокругъ его на ихъ жезлахъ,
Внимая добродѣтель чтиму,
Струили токъ блестящихъ слезъ.
Пріятно было имъ то слышать,
Что хвалятъ добры ихъ дѣла;
Но сердцу ихъ еще стократъ
Того милѣй и слаще было,
Что тотъ же на сынахъ ихъ видѣнъ
Былъ знакъ ко славѣ страстныхъ душъ.

Минерва съ Марсомъ зрѣли
На юношъ полкъ младыхъ,
По взорамъ разумѣли
Свою породу въ нихъ;
И чрозъ лѣта толики
Кто Александръ Великій,
Кто будетъ Константинъ;
Божественные взгляды
Свою читали честь
И весь въ нихъ блескъ Эллады:
Тотъ громы къ Персамъ несть,
Сей вновь построитъ Римъ.

Въ самомъ дѣлѣ, сіи танцы кадрили сопровождались громкою музыкою и хорами, воспѣвавшими побѣды, кажется, не съ инымъ какимъ намѣреніемъ, какъ чтобы, по примѣру древнихъ, возбуждать юношество къ славѣ. Пріятно было видѣть нѣкоторыхъ младыхъ людей, столько симъ тронутыхъ, что слезы у нихъ на глазахъ являлись.

Что принадлежитъ до прекраснаго пола, то развѣ только Анакреонъ изобразилъ бы всѣ его прелести.

Нѣжный, нѣжный воздыхатель *и проч.*

Въ продолженіе танцевъ августѣйшая гостья, оказавъ свое благоволеніе участвовавшимъ въ оныхъ, изволила оставить собраніе и уклонилась для отдохновенія въ чертогъ, устланный коврами и обитый драгоцѣнными тканями. Здѣсь на стѣнахъ изображена исторія персидскаго вельможи Амана и Мардохея Израильтянина. Истканіе толь живо, что, кажется, слышенъ гласъ послѣдняго:

„И если я не милъ того вельможи оку [a],
Ты вѣдаешь, могу ль я быть рабомъ пороку?
Тебѣ извѣстно все, о кроткая Эсѳирь,
Владычица сердецъ и красота порфиръ!
Судьба на тронъ тебя съ тѣмъ царскій возводила,
Чтобъ милость ты и судъ на тронѣ воцарила,
Невинность бы спасла, низвергла бъ клевету,
И сердце нѣжное и духа высоту,
Совокупя въ себѣ, вселенной показала,
Ты мудростью бъ примѣръ мужей великихъ стала!“

Между тѣмъ какъ, разсматривая здѣсь обои, воображеніе мечтало сіе, или что-либо сему подобное, разумъ съ почтеніемъ похвалялъ вкусъ и намѣреніе хозяина или всякаго вельможи, котораго душа непричастна была клеветѣ и мщенію, и который подобными нравоучительными бытіями украшалъ свое жилище и сердце. Тогда въ другой комнатѣ подлѣ сей, золотой слонъ, обвѣшанный жемчужными бахромами, убранный алмазами и изумрудами, началъ обращать хоботъ. Онъ былъ какъ бы живъ и поставленъ нарочно на стражѣ у Ассупра, предъ которымъ происходила помянутая исторія. Персіянинъ, сидящій на немъ, ударилъ въ колоколъ, и сіе было возвѣщеніемъ театральнаго представленія. Хозяинъ всеподданнѣйше просилъ къ оному высочайшихъ своихъ посѣтителей и пригласилъ прочихъ гостей. Открылся занавѣсъ. Мѣсто дѣйствія и помостъ освѣтился лучезарнымъ солнцемъ, въ срединѣ котораго сіяло въ зеленыхъ лаврахъ вензеловое имя Екатерины II. Выступили танцовщики, представлявшіе поселянъ и поселянокъ. Воздѣвая руки къ сему благотворному свѣтилу, они показывали движеніями усерднѣйшія свои чувствованія. Балетъ препровождаемъ былъ музыкою и пѣніемъ.

ХОРЪ III.

Сколь твоими чудесами,
Взгляда твоего лучами,
Именемъ твоимъ блаженны!
Сколь тобой мы восхищенны!
Зри на наши ты днесь лица,
Кроткая небесъ зѣница!
Гдѣ твое лишь имя, взоры
Намъ возблещутъ,—пѣсни, хоры
Тамъ повсюду раздаются,
Восклицанія несутся:
Всѣхъ съ тобой мы въ свѣтѣ краше,
Лучезарно солнце наше!

За симъ слѣдовала комедія, а послѣ оной балетъ, представлявшій смирнскаго купца, торгующаго невольниками всѣхъ народовъ. Но, къ чести россійскаго оружія, не было ни одного соотечественника нашего въ плѣну сего корыстолюбиваго варвара. Какая перемѣна политическаго нашего состоянія! Давно ли Украйна и низовыя мѣста подвержены были непрестаннымъ набѣгамъ хищныхъ ордъ? давно ли? О, коль пріятно напоминаніе минувшихъ напастей, когда онѣ прошли, какъ страшный сонъ! Теперь мы наслаждаемся въ пресвѣтлыхъ торжествахъ благоденствіемъ. О потомство! вѣдай: все сіе есть твореніе духа Екатерины. Она рекла:

Создалъ Румянцовъ по степямъ [b]
Подвигъ ходящи съ громомъ грады;
Крылаты Этны по морямъ
Текли съ Орловымъ до Эллады:
Они три свѣта потрясли.
Подобны лавры возрасли
И днесь Потемкина рукой.
Коль силенъ духъ ея средь боевъ!
Коль онъ вездѣ великъ собой!
Онъ маніемъ творилъ героевъ,
Которыхъ въ поздни времена
Дѣянья, память, имена

Гремящей славой будутъ вѣчны,
Грозой стихіевъ непресѣчны.

Уже наступила ночь, и когда изъ театра возвращалися въ залу, предвозвѣщено было концертомъ великолѣпнѣйшее зрѣлище.

ХОРЪ IV.

Отъ крылъ Орловъ парящихъ
По югу воетъ шумъ:
Погрязли въ морѣ флоты;
Легли въ поляхъ полки;
Съ холмовъ низверглись грады,
Затмилася Луна;
Подъ росскою рукою
Склонилъ чело Дунай.

Владычица полсвѣта,
Россіянъ храбрыхъ мать!
Въ богоподобной славѣ,
Въ сіяньи благъ твоихъ,
Твоимъ небеснымъ взоромъ,
Какъ радуга на понтъ,
Благоволи приникнуть
На сонмъ твоихъ побѣдъ.

Воззри, какъ въ небѣ звѣзды,
Какъ въ домѣ семъ огни,
Такъ ревностью горѣли
Въ бояхъ твои сыны.
Мое жъ къ тебѣ усердье,
Коль можно бъ съ чѣмъ сравнить,
Давно бъ тебѣ вселенна
Воздвигнула алтарь.

Вступили въ освѣщенные чертоги. Что жъ представилось? Сама августѣйшая императрица вопрошаетъ: „Неужели мы тамъ, гдѣ прежде были“? Сто тысячъ лампадъ внутри дома: карнизы, окна, простѣнки,

все усыпано чистымъ кристалломъ, наполненнымъ возжженнаго бѣлаго благовоннаго воску. Граненые панакадила и фонари, висящіе съ высоты, а со сторонъ позлащенные свѣтильники, одни какъ жаръ горятъ, а другіе какъ воды переливаются и, совокупляя лучи свои въ веселое торжественное сіяніе, все покрывали свѣтозарностію. Какой блескъ! Волшебные замки Шехеразады! сравнитесь ли вы съ симъ храмомъ, унизаннымъ звѣздами, или лучше съ цѣлою поднебесностію, увѣшанною солнцами? Безсмертные пѣвцы храмовъ вкуса и славы! почто вы не видали сего великолѣпія?—Что я вижу? тутъ играетъ и живой лучъ, и какъ бы зноемъ африканскаго лѣта притупляются взоры. Тамъ, какъ бы въ насмурный день, разливается блескъ тонкій и умѣренный: я весь въ заряхъ. Окна окружены звѣздами. Горящія полосы звѣздъ по высотѣ стѣнъ простираются. Рубины, изумруды, яхонты, топазы блещутъ. Разноогненные, съ живыми цвѣтами и зеленью переплетенные вѣнцы и цѣпи висятъ между столпами; тѣнистыя радуги бѣгаютъ по пространству; зарево сквозь лѣсъ проглядываетъ; искусство вездѣ подражаетъ природѣ. Но что, кромѣ сего, было чрезъестественнаго, описать трудно. Высочайшія пальмы по подбористымъ и ровнымъ ихъ стеблямъ до самыхъ вершинъ увиты какъ бы звѣздами, и горятъ какъ пламенѣющіе столпы. Ароматныя рощи обременены златопрозрачными померанцами, лимонами, апельсинами; зеленый, червленый и желтый виноградъ, віясь по тычинкамъ огнистыми кистями своими, и въ тѣняхъ по чернымъ грядамъ лиліи и тюльпаны, ананасы и другіе плоды пламенностію своею неизреченную пестроту и чудесность удивленному взору представляютъ. Гдѣ находишься? Что видишь? Не обманываешься ли? Самъ себѣ не вѣришь! — Но если природа, искусство и самое, такъ сказать, волшебство неодушевленными и неподвижными предметами приводятъ здѣсь въ изумленіе, то какимъ безмолвнымъ восторгомъ, какимъ пріятнымъ оцѣпенѣніемъ остановляешься, когда внезапно находишь подъ густотою древесныхъ вѣтвей чистыя воды и въ нихъ плавающихъ золотыхъ и серебряныхъ рыбъ? когда тутъ же, средь грома музыки и литавръ, слышишь звонкіе соловьиные свисты? Одни въ свѣтлой стихіи пріятнымъ движеніемъ, а другіе изъ отдаленной мрачности прерывающимся сладкимъ пѣніемъ, жадные слухъ и взоры несказаннымъ увеселеніемъ наполняютъ. Такая необыкновенная и восхитительная внезапность совсѣмъ новое чувствіе рождаетъ. Но что съ тобою будетъ, когда посреди всѣхъ оныхъ дивъ представится тебѣ въ сапфирныхъ, розо-

выхъ и янтарныхъ лучахъ горящій и всеосвѣщающій памятникъ любезной матери твоего отечества, алтарь ея и образъ, вокругъ которыхъ, по сторонамъ, въ зеленыхъ и лиловыхъ заряхъ видны дражайшія имена всего ея наслѣдія? Всякій Россіянинъ вообразитъ и почувствуетъ ни съ чѣмъ несравненное удовольствіе, отъ благодарности за прошедшее, отъ любви за настоящее и отъ надежды ожидаемаго блага. Ежели онъ благоразуменъ, то въ умиленіи сердца скажетъ: „Сей чистый и ясный огнь есть истинное подобіе моего къ ней усердія; сіе лиловое и зеленое пламя—образъ безсмертной моей и потомства моего на нихъ надежды". Если же онъ чувствителенъ, то проліетъ ангельскія слезы и блаженствомъ своимъ приближится къ небожителямъ, созерцающимъ непостижимое, вѣчное сіяніе.

Не такъ ли солнцевъ домъ стоитъ среди небесъ,
Весь радугой объятъ и весь покрытъ зарями?
Моря сверкаютъ въ немъ, поля, долины, лѣсъ;
Рубина рдянаго поддержанъ онъ горами;
Въ сапфирѣ, кристаллѣ, въ немъ звѣзды—какъ свѣщи,
Кругомъ и внутрь его колеблются лучи.
Въ каленомъ златѣ ввѣкъ горитъ и не сгораетъ,
И око смертное сіяньемъ притупляетъ.

Щедротою своею виновница блеска сего, достойная, чтобъ и въ позднѣйшія времена такіе храмы въ честь ея воздвигаемы были, ходитъ вокругъ, осматриваетъ все съ обыкновенною ей милостію. Предъ нею, кажется, все живѣе становится, все пріемлетъ большее сіяніе; слѣды ея суть блистательныя волны тѣснящагося за нею веселаго, радостнаго, торжествующаго собранія. Сіе паче всего ее утѣшаетъ. Свѣтлое лицо ея ободряетъ улыбки, игры, пляски, лики, забавы. Се подобіе матери, се монархиня, окруженная славою, любовію, великолѣпіемъ!

Всѣ три,
Казалось, оны божества
Съ владычицею душъ съ небесъ
Пришли
Умножить блески, звуки, радость
Торжества.
Всѣ три,

Казалось, межъ собою
Какъ будто споръ вели,
Кому быть празднества душою?
Но Слава здѣсь съ вѣнцомъ лавровымъ,
Съ короною изъ звѣздъ,
На подвиги душамъ готовымъ
Трубой съ высокихъ мѣстъ
Свой огнь вливала;
Во всѣхъ сердцахъ одна торжествовала.
И Нимфъ и Сильфъ соборы
Ея всѣ пѣли хоры,
Ея твердили гласъ,
Плясали, бѣгали, скакали,
Качались, въ воздухѣ летали,
И всѣ согласно восклицали:
„Утѣхамъ время, дѣлу часъ“!

Между прочими танцами были также пляски по малороссійскимъ и русскимъ простымъ пѣснямъ, изъ которыхъ одна ниже сего слѣдуетъ. А какъ собственное народное пѣніе любящимъ свое отечество нравится болѣе иностраннаго, то какое было удовольствіе видѣть предъ лицомъ монарха одобреніе къ своимъ увеселеніямъ? О вы, которые не плѣняли такимъ образомъ сердецъ, а хотѣли быть страшными! цари, могли ль вы наслаждаться такими пріятными зрѣлищами?

ХОРЪ V.

На бережку у ставка,
На дощечкѣ у млинка *и проч.*

Между тѣмъ, какъ такими забавами занимались въ покояхъ, во внѣшнемъ, весьма пространномъ и прекрасномъ саду возжжены были увеселительные огни. Хотя пасмурная погода не позволяла всѣмъ утѣшаться ими, но любопытство примѣтило оные. Тамъ, на прекрасныхъ прудахъ, чешущихся между открытою пологою зеленью, а индѣ древами осѣненныхъ, зыблилась флотилія, изъ нѣсколькихъ судовъ состоявшая, украшенная разноцвѣтными флагами и фонарями, со множествомъ матросовъ и гребцовъ, богато одѣтыхъ. Рощи пріятно раз-

бросанныя, и аллеи, далеко простирающіяся, также испещрены были разными огнями. Всего пріятнѣе казалось помаваніе деревъ, надъ водами стоящихъ, которыя, отъ случившагося тогда нарочитаго вѣтра наклоняясь и возвышаясь, заставляли по колеблющемуся подъ ними стеклу пробѣгать то зеленыя, то красныя струи. Всѣ дороги были покрыты народомъ, толпящимся подобно рою пчелъ, привившихся къ тому мѣсту, гдѣ матка ихъ находится. Шорохъ деревъ, шумъ водъ катящагося водопада, жужуканье говорящихъ, гласъ вдалекѣ гребецкаго рога и пѣсенъ, слышимый съ гуломъ музыки, вырывающимся изъ дому, погружали мысли въ нѣкую забывчивость. Какіе разговоры, какіе вопросы о причинѣ праздника и щедрости хозяина! Мнѣ слышится отвѣтъ его:

„Я чѣмъ могу воздать ея ко мнѣ щедротѣ?
Величіе мое—твореньe рукъ ея;
Все счастіе мое—души ея въ добротѣ,
И слава торжества—ея, а не моя“.

Угощенные толь пріятнымъ образомъ посѣтители внутри и внѣ дома ничего уже болѣе не ожидали, что бы могло усугубить ихъ удовольствіе; но вдругъ по данному отъ хозяина знаку, театръ уничтожается; на мѣстѣ же его и еще въ нѣсколькихъ другихъ покояхъ являются для 600 чѣловѣкъ накрытые столы, кромѣ тѣхъ, которые приставлены были къ стѣнамъ для всякаго, кто чего мимоходомъ пожеластъ. Гдѣ были театральное дѣйствіе и зрители, тамъ чрезъ нѣсколько минутъ открылись горы серебра съ разнымъ кушаньемъ, вокругъ съ золотыми подсвѣчниками. Достойны были удивленія расторопная услуга и порядокъ, а паче хозяйское распоряженіе и присмотръ его повсюду.

Онъ мещетъ молнію и громы
И рушитъ грады и беретъ,
Волшебны созидаетъ домы
И дивны праздники даетъ.
Тамъ подъ его рукой гиганты,
Трепещутъ земли и моря;
Другою чиститъ бриліянты
И тѣшится, на нихъ смотря.

Сегодня бурю представлятъ,
Летаетъ завтра, какъ зефиръ,
И лавръ и мирты собираетъ,
И въ бой ведетъ и строитъ миръ;
То крылья вдругъ беретъ орлины,
Паритъ къ Лунѣ и смотритъ вдаль;
То рядитъ щеголей въ ботины,
Любезныхъ дамъ въ прелестну шаль.
И еслибъ онъ имѣлъ злодѣевъ,
Согласны бъ были всѣ они,
Что видятъ образъ въ немъ Протеевъ,
Который жилъ въ златые дни.

Начался ужинъ. Мѣста театра и оркестра удостоены были высочайшаго императорскаго присутствія. На первомъ, въ числѣ кадрили, изволили кушать государи великіе князья Александръ и Константинъ Павловичи; а на второмъ всемилостивѣйшая государыня и его императорское высочество наслѣдникъ престола съ высочайшею его супругою; партеръ и нѣсколько картинныхъ покоевъ заняты были прочими обоего пола особами. Порядокъ постановленныхъ столовъ достоинъ примѣчанія: всѣхъ взоры обращены были къ лицу государыни, и отъ сцены по степенямъ до нѣкоего особаго возвышенія освѣщенная гора съ приборами, услугою и гостями, подобно какъ бы съ зрителями. На самой высотѣ оной сіяли стеклянные разноогненные сосуды, что также представляло нѣкое необычайное зрѣлище. Казалось, что вся имперія пришла со всѣмъ своимъ великолѣпіемъ и изобиліемъ на угощеніе своей владычицы и тѣснилась даже на высотахъ, чтобъ насладиться ея лицезрѣніемъ.

Богатая Сибирь, наклонпись надъ столами,
Разсыпало по нихъ и злато и сребро;
Восточный, западный, сѣдые океаны,
Трясяся челами, держали рѣдкихъ рыбъ;
Чернокудрявый лѣсъ и бѣловласы степи,
Украйна, Холмогоръ несли тельцовъ и дичь;
Вѣнчанна класами, хлѣбъ Волга подавала,
Съ плодами сладкими принесъ кошницу Тавръ;
Рифей, нагнувшися, въ топазны, аметистны

Лилъ кубки медъ златый, древъ искрометный сокъ,
И съ Дона сладкія и крымски вкусны вина;
Прекрасная Нева, пріявъ отъ Бельта съ рукъ
Въ фарфорѣ, кристаллѣ чужія питья, снѣди,
Носила по гостямъ, какъ будто бы стыдясь,
Что потчевать должно такъ прихоть по неволѣ.
Обилье тучное всѣмъ простирало длань.
Картины по стѣнамъ, огнями освѣщенны,
Казалось, ожили и, рдяны лица ихъ
Изъ мрака выставя, на славный пиръ смотрѣли;
Лукуллы, Цезари, Траянъ, Октавій, Титъ,
Какъ будто изумясь, сойти со стѣнъ желали
И вопросить: „Кого такъ угощаетъ свѣтъ?
Кто, кромѣ насъ, владѣть отважился вселенной?“

Вскорѣ послѣ ужина высочайшая посѣтительница, обозрѣвъ еще веселящихся, соизволила со всѣмъ своимъ августѣйшимъ домомъ уклониться къ покою. Уже подвезены были колесницы; внезапно раздалось нѣжное пѣніе съ тихимъ звукомъ органовъ, нисходящее съ висящихъ хоровъ, которые закрыты были разноцвѣтными, озаренными яркимъ цвѣтомъ стеклянными сосудами. Всѣ безмолвствуютъ, внимаютъ и обращаютъ всюду взоры свои и, не видя поющихъ, въ пріятномъ восхищеніи думаютъ созерцать облака или зари, съ которыхъ слышалось ангельское пѣніе, сопровождаемое небесною гармоніею.

ХОРЪ VI.

Царство здѣсь удовольствій,
Владычество щедротъ твоихъ;
Здѣсь вода, земля и воздухъ,
Дышитъ все твоей душой;
Лишь твоимъ я благомъ
И живу и счастливъ.
Что въ богатствѣ и честяхъ,
Что въ великости моей,
Если мысль тебя не зрѣть
Духъ ввергаетъ въ ужасъ?
Стой и не лети ты, время,

И благъ нашихъ не лишай.
Жизнь наша путь есть печалей;
Пусть въ ней цвѣтутъ цвѣты.

По окончаніи хора хозяинъ съ благоговѣніемъ палъ на колѣни предъ своею всемилостивѣйшею самодержицею и облобызалъ ея руку, принося усерднѣйшую благодарность за посѣщеніе. Паки новая и трогающая сердце картина! Великолѣпный дворъ и все многочисленное собраніе видятъ толь славную монархиню, съ величественнымъ и милостивымъ взоромъ стоящую предъ своимъ подданнымъ, который нѣсколько минутъ держитъ ея десницу съ нѣкакимъ особливымъ душевнымъ умиленіемъ. Тако оставляла божественная Минерва сына Улиссова.

Нисшедшимъ облакамъ,
Богиня въ нихъ возсѣла;
Подъемлясь къ высотамъ,
Къ нему улыбкой зрѣла.
Отъ брони вѣтромъ звуки,
Отъ взоровъ лучъ летѣлъ;
Воздѣвъ онъ къ небу руки,
Ей въ слѣдъ безмолвно зрѣлъ.

XLII. КО ВТОРОМУ СОСѢДУ[40].

Не кость рѣзная Колмогоръ,
Не мраморъ Тивды и Рифея,
Не невски зеркала, фарфоръ[a],
Не шелкъ Баки, ни глазумея
Благоуханные пары
Вельможей дѣлаютъ извѣстность,
Но нѣкій твердый духъ и честность,
А паче Музъ дары.

Почто же, мой второй сосѣдъ,
Столь зданьемъ пышнымъ, столь отличнымъ
Мнѣ солнца затѣсняя свѣтъ,
Дворомъ межуешь безграничнымъ

Ты дому моего заборъ?
Ужель полей, прудовъ и рѣчекъ,
Тьмы скупленныхъ тобой мѣстечекъ
Твой не насытятъ взоръ?

Въ тотъ мигъ, какъ съ пошвы до конька
И около прѣзрѣннымъ взглядомъ
Мое строеніе слегка
Съ своимъ обозрѣвая рядомъ,
Ты въ гордости своей съ высотъ
На низменны мои мнишь кровы
Навѣсить темный садъ кедровый
И шумны токи водъ;

Кто вѣсть, что́ рокъ готовитъ намъ?
Быть можетъ, что сіи чертоги,
Назначенны тобой царямъ [b],
Жестоки времена и строги
Во стойла конски обратятъ [c].
За счастіе поруки нѣту,
И чтобъ твой Фебъ свѣтитъ вѣкъ свѣту [d],
Не бейся объ закладъ.

Такъ, такъ!—но примѣчай, какъ день,
Увы! ночь темна затмеваетъ,
Луну скрываетъ облакъ, тѣнь;
Она растетъ или убываетъ:
Съ сумой не ссорься и тюрьмой [e].
Хоть днесь къ звѣздамъ ты высишь стѣны,
Но знай: ты прахъ одушевленный
И скроешься землей.

Надежнѣй гроба дома нѣтъ:
Богатымъ онъ отверзтъ и бѣднымъ,
И царь, и рабъ въ него придетъ;
Къ чему жъ съ столь рвеньемъ ты безмѣрнымъ
Свой постоялый строишь дворъ

И, ахъ! сокровища Тавриды [f]
На баркахъ свозишь въ пирамиды
Средь полицейскихъ ссоръ?

Любовь гражданъ и слава намъ
Лишь воздвигаютъ прочны домы:
Они, подобно небесамъ,
Стоятъ и презираютъ громы.
Зри, хижины Петра доднесь,
Какъ храмъ, нетлѣнна средь столицы!
Святъ домъ, подъ кой народъ гробницы
Матвѣеву принесъ [g]!

Рабочихъ въ шумѣ голосовъ,
Машинъ во скрипѣ, во стенаньи,
Средь громкихъ пѣсенъ и пировъ
Трудись, сосѣдъ, и строй ты зданья;
Но мой не отнимай лишь свѣтъ.
А то оставь молвѣ правдивой
Рѣшить, чей домъ скорѣй крапивой
Иль плющемъ зарастетъ?

XLIII. ВОДОПАДЪ.

Алмазна сыплется гора
Съ высотъ четыремя скалами;
Жемчугу бездна и сребра
Кипитъ внизу, бьетъ вверхъ буграми;
Отъ брызговъ синій холмъ стоитъ,
Далече ревъ въ лѣсу гремитъ.

Шумитъ — и средь густаго бора
Теряется въ глуши потомъ;
Лучъ чрезъ потокъ сверкаетъ скоро;
Подъ зыбкимъ сводомъ древъ, какъ сномъ
Покрыты, волны лихо льются,
Рѣкою млечною влекутся.

Сѣдая пѣна по брегамъ
Лежитъ клубами въ дебряхъ темныхъ;
Стукъ слышенъ млатовъ по вѣтрамъ,
Визгъ пилъ и стонъ мѣховъ подземныхъ:
О водопадъ! въ твоемъ жерлѣ
Все утопаетъ въ безднѣ, въ млѣ!

Вѣтрами ль сосны пораженны,
Ломаются въ тебѣ въ куски;
Громами ль камни отверженны,
Стираются тобой въ пески;
Сковать ли воду льды дерзаютъ,
Какъ пыль стеклянна ниспадаютъ,

Волкъ рыщетъ вкругъ тебя и, страхъ
Въ ничто вмѣняя, становится
Огонь горитъ въ его глазахъ
И шерсть на немъ щетиной зрится;
Рожденный на кровавый бой,
Онъ воетъ, согласясь съ тобой.

Лань идетъ робко, чуть ступаетъ,
Внявъ водъ твоихъ падущихъ ревъ;
Рога на спину преклоняетъ
И быстро мчится межъ деревъ;
Ее страшитъ вкругъ шумъ, бурь свистъ
И хрупкій подъ ногами листъ.

Ретивый конь, осанку горду
Храня, къ тебѣ порой идетъ;
Крутую гриву, жарку морду
Поднявъ, храпитъ, ушми прядетъ
И, подстрекаемъ бывъ, бодрится,
Отважно въ хлябь твою стремится.

Подъ наклоненнымъ кедромъ внизъ,
При страшный сей красѣ природы,
На утломъ пнѣ, который свисъ

Съ утеса горъ на яры воды,
Я вижу—нѣкій мужъ сѣдой
Склонился на руку главой.

Копье и мечъ и щитъ великой,
Стѣна отечества всего,
И шлемъ, обвитый повиликой,
Лежатъ во мху у ногъ его:
Въ бронѣ блистая златордяной,
Какъ вечеръ во зарѣ руманой,—

Сидитъ, и взоръ вперя къ водамъ,
Въ глубокой думѣ разсуждаетъ:
„Не жизнь ли человѣковъ намъ
Сей водопадъ изображаетъ?
Онъ также благомъ струй своихъ
Попъ надменныхъ, гордыхъ, злыхъ.

Не такъ ли съ неба время льется,
Кипитъ стремленіе страстей,
Честь блещетъ, слава раздается,
Мелькаетъ счастье нашихъ дней,
Которыхъ красоту и радость
Мрачатъ печали, скорби, старость?

Не зримъ ли всякій день гробовъ,
Сѣдинъ дряхлѣющей вселенной?
Не слышимъ ли въ бою часовъ
Гласъ смерти, двери скрипъ подземной?
Не упадаетъ ли въ сей зѣвъ
Съ престола царь и другъ царевъ?

Падутъ,—и вождь непобѣдимый,
Въ сенатѣ Цезарь средь похвалъ,
Въ томъ мигъ, желалъ какъ діадимы,
Закрывъ лицо плащемъ, упалъ;
Исчезли замыслы, надежды,
Сомкнулись алчны къ трону вѣжды!

Падутъ,—и несравненный мужъ
Торжествъ несмѣтныхъ съ колесоицы,
Примѣръ великихъ въ свѣтѣ душъ,
Презрѣвшій пвелесть багранцы,
Плѣнившій Велизаръ царей
Въ темницѣ палъ, лишенъ очей.

Падутъ,—и не мечты прельщали
Когда меня въ цвѣтущій вѣкъ,
Давно ли города встрѣчали,
Какъ въ лаврахъ я, въ оливахъ текъ!
Давно ль?—Но, ахъ! теперь во брани
Мои не мещутъ молній длани!

Ослабли силы, буря вдругъ
Копье изъ рукъ моихъ схватила;
Хотя и бодръ еще мой духъ,
Судьба побѣдъ меня лишила".
Онъ рекъ—и тихимъ позабылся сномъ,
Морфей покрылъ его крыломъ.

Сошла октябрска ночь на землю,
На лоно мрачной тишины;
Нигдѣ я ничего не внемлю,
Кромѣ ревущія волны,
О камни съ высоты дробимой
И снѣжною горою зримой

Пустыня, взоръ насупя свой,
Утесы и скалы дремали,
Волнистой облака грядой
Тихонько мимо пробѣгали,
Изъ коихъ трепетна, блѣдна,
Проглядывала внизъ луна.

Глядѣла и едва блистала,
Предъ старцемъ преклонивъ рога,
Какъ бы съ почтеньемъ познавала

Въ немъ своего того врага,
Котораго она страшилась,
Кому вселенная дивилась.

Онъ спалъ — и чудотворный сонъ
Мечты ему являлъ геройски:
Казалось ему, что онъ
Непобѣдимы водитъ войски;
Что вкругъ его перунъ молчитъ,
Его лишь мановенья зритъ;

Что огнедышущи за перстомъ
Ограды вслѣдъ его идутъ;
Что въ полѣ гладкомъ, вкругъ отверзтомъ,
По слову одному растутъ
Полки его изъ скрытыхъ становъ,
Какъ холмы въ морѣ изъ тумановъ;

Что только по травѣ росистой
Ночные знать его шаги;
Что утромъ пыль, подъ твердью чистой,
Ужъ поздно зрятъ его враги;
Что остротой своихъ зѣницъ
Блюдетъ онъ ихъ, какъ ястребъ птицъ;

Что, положа чертежъ и мѣры,
Какъ волхвъ невидимый въ шатрѣ,
Тѣмъ кажетъ онъ въ долу химеры,
Тѣмъ въ тиграхъ агнцевъ на горѣ,
И вдругъ рѣшительнымъ умомъ
На тысячи бросаетъ громъ;

Что орлю дерзость, гордость лунну,
У черныхъ и янтарныхъ волнъ,
Смирилъ Колхиду златорунну,
И бѣлаго царя уронъ
Рая вечерня предъ границей
Отмстилъ побѣдами сторицей;

Что, какъ румяной лучъ зари,
Страну его покрыла слава;
Чужіе вожди и цари,
Своя владычица, держава,
И всѣ вездѣ его почли,
Тріумфами превознесли;

Что образъ, имя и дѣла
Цвѣтутъ его средь разныхъ глянцевъ;
Что верхъ сребристаго чела
Въ вѣнцѣ изъ молнійныхъ румянцевъ
Блистаетъ въ будущихъ родахъ,
Отсвѣчиваяся въ сердцахъ;

Что Зависть отъ его сіянья
Свой блѣдный потупляетъ взоръ,
Среди безмолвнаго стенанья
Ползетъ и ищетъ токмо норъ,
Куда бы отъ него сокрыться,
И что никто съ нимъ не сравнится.

Онъ спитъ — и въ сихъ мечтахъ веселыхъ
Внимаетъ завыванье псовъ,
Ревъ вѣтровъ, скрыпъ деревъ дебелыхъ,
Стенанье филиновъ и совъ,
И вѣщихъ гласъ вдали животныхъ,
И тихій шорохъ вкругъ безплотныхъ.

Онъ слышитъ: сокрушилась ель,
Станица врановъ встрепетала,
Кремнистый холмъ далъ страшну щель,
Гора съ богатствами упала,
Грохочетъ эхо по горамъ,
Какъ громъ гремящій по громамъ.

Онъ зритъ одѣту въ ризы черны
Крылату нѣкую жену,
Власы имѣвшу распущенны,

Какъ смертну вѣсть или войну,
Съ косой въ рукахъ, съ трубой стоящу
И, слышитъ онъ, „проснись!“ гласящу!

На шлемѣ у нея орелъ
Сидѣлъ съ перуномъ помраченнымъ;
Въ немъ гербъ отечества онъ зрѣлъ
И, бывъ мечтой сей возбужденнымъ,
Вздохнулъ и, испустя слезъ дождь,
Вѣщалъ: „Знать, умеръ нѣкій вождь!

„Блаженъ, когда, стремясь за славой,
Онъ пользу общую хранилъ,
Былъ милосердъ въ войнѣ кровавой
И самыхъ жизнь враговъ щадилъ:
Благословенъ средь позднихъ вѣковъ
Да будетъ другъ сей человѣковъ!

„Благословенна похвала
Надгробная его да будетъ,
Когда всякъ жизнь его, дѣла
По пользамъ только помнить будетъ;
Когда не блескъ его прельщалъ,
И славы ложной не искалъ!

„О слава, слава въ свѣтѣ сильныхъ!
Ты точно сей есть водопадъ.
Онъ водъ стремленіемъ обильныхъ
И шумомъ льющихся прохладъ
Великолѣпенъ, свѣтлъ, прекрасенъ,
Чудесенъ, силенъ, громокъ, ясенъ;

„Дивиться вкругъ себя людей
Всегда толпами собираетъ;
Но если онъ водой своей
Удобно всѣхъ не напояетъ,
Коль рветъ брега, и въ быстротахъ
Его нѣтъ выгодъ смертнымъ:—ахъ!

„Не лучше ль менѣе извѣстнымъ,
А болѣе полезнымъ быть;
Подобясь ручейкамъ прелестнымъ,
Поля, луга, сады кропить
И тихимъ вдалекѣ журчаньемъ
Потомство привлекать съ вниманьемъ?

„Пусть на обросшій дерномъ холмъ
Пріидетъ путникъ и возсядетъ
И, наклонясь своимъ челомъ
На подписанье гроба, скажетъ:
— Не только славный лишь войной,
Здѣсь скрытъ великій мужъ душой.—

„О! будь безсмертенъ, витязь бранный,
Когда ты весь соблюлъ свой долгъ!“
Вѣщалъ сѣдиной мужъ вѣнчанный
И, въ небеса воззрѣвъ, умолкъ.
Умолкъ—и гласъ его промчался,
Гласъ мудрый всюду раздавался.

Но кто тамъ идетъ по холмамъ,
Глядясь, какъ мѣсяцъ, въ воды черны?
Чья тѣнь спѣшитъ по облакамъ
Въ воздушныя жилища горни?
На темномъ взорѣ и челѣ
Сидитъ глубока дума въ мглѣ!

Какой чудесный духъ крылами
Отъ сѣвера паритъ на югъ?
Вѣтръ медленъ течь его стезями:
Обозрѣваетъ царства вдругъ;
Шумитъ и, какъ звѣзда, блистаетъ,
И искры въ слѣдъ свой разсыпаетъ.

Чей трупъ, какъ на распутьи мгла,
Лежитъ на темномъ лонѣ нощи?
Простое рубище чресла,
Два лепта покрываютъ очи,

Прижаты къ хладной груди персты,
Уста безмолвствуютъ отверзты!

Чей одръ — земля; кровъ — воздухъ синь;
Чертоги — вкругъ пустынны виды?
Не ты ли, Счастья, Славы сынъ,
Великолѣпный князь Тавриды?
Не ты ли съ высоты честей
Незапно палъ среди степей?

Не ты ль наперсникомъ близъ трона
У сѣверной Минервы былъ,
Во храмѣ Музъ — другъ Аполлона,
На полѣ Марса вождемъ слылъ;
Рѣшитель думъ въ войнѣ и мирѣ,
Могущъ — хотя и не въ порфирѣ?

Не ты ль, который взвѣсить смѣлъ
Мощь Росса, духъ Екатерины,
И, опершись на нихъ, хотѣлъ
Вознесть твой громъ на тѣ стремнины,
На коихъ древній Римъ стоялъ
И всей вселенной колебалъ?

Не ты ль, который орды сильны
Сосѣдей хищныхъ истребилъ,
Пространны области пустынны
Во грады, въ нивы обратилъ,
Покрылъ Понтъ Черный кораблями,
Потрясъ среду земли громами?

Не ты ль, который зналъ избрать
Достойный подвигъ росской силѣ,
Стихіи самыя попрать
Въ Очаковѣ и въ Измаилѣ,
И твердой дерзостью такой
Быть дивомъ храбрости самой?

Се ты, отважнѣйшій изъ смертныхъ!

Парящій замыслами умъ!
Не шелъ ты средь путей извѣстныхъ,
Но проложилъ ихъ самъ—и шумъ
Оставилъ по себѣ въ потомки;
Се ты, о чудный вождь Потемкинъ!

Се ты, которому врата
Торжественныя созидали;
Искусство, разумъ, красота
Недавно лавръ и миртъ сплетали,
Забавы, роскошь вкругъ цвѣли
И счастье съ славой слѣдомъ шли.

Се ты, небеснаго плодъ дара
Кому едва я посвятилъ;
Въ созвучность громкаго Пиндара
Мою настроить лиру мнилъ;
Воспѣлъ побѣду Измаила,
Воспѣлъ... Но смерть тебя скосила!

Увы! и хоровъ сладкій звукъ
Моихъ въ стенанье превратился;
Свалилась лира съ слабыхъ рукъ,
И я тамъ въ слезы погрузился,
Гдѣ бездны разноцвѣтныхъ звѣздъ
Чертогъ являли райскихъ мѣстъ.

Увы! и громы онѣмѣли,
Ревущіе тебя вокругъ;
Полки твои осиротѣли,
Наполнили рыданьемъ слухъ;
И все, что близъ тебя блистало,
Уныло и печально стало.

Потухъ лавровый твой вѣнокъ,
Гранена булава упала,
Мечъ въ полножны войти чуть могъ,
Екатерина возрыдала!

Полсвѣта потряслось за ней
Незапной смертію твоей!

Оливы свѣжи и зелены
Принесъ и бросилъ Миръ изъ рукъ;
Родства и дружбы вопли, стоны
И Музъ ахейскихъ жалкій звукъ
Вокругъ Перикла раздается;
Маронъ по Меценатѣ рвется;

Который почестей въ лучахъ,
Какъ нѣкій царь, какъ бы на тронѣ,
На сребророзовыхъ коняхъ,
На златозарномъ фаэтонѣ
Во сонмѣ всадниковъ блисталъ
И въ смертный черный одръ упалъ!

Гдѣ слава? гдѣ великолѣпье?
Гдѣ ты, о сильный человѣкъ?
Маѳусаила долголѣтье
Лишь было бъ сонъ, лишь тѣнь нашъ вѣкъ.
Вся наша жизнь не что иное,
Какъ лишь мечтаніе пустое...

Иль нѣтъ!—тяжелый нѣкій шаръ,
На нѣжномъ волоскѣ висящій,
Въ который бурь, громовъ ударъ
И молніи небесъ ярящи
Отвсюду безпрестанно бьютъ
И, ахъ! зефиры легки рвутъ.

Единый часъ, одно мгновенье
Удобны царства поразить,
Одно стихіевъ дуновенье
Гигантовъ въ прахъ преобразить;
Ихъ ищутъ мѣста—и не знаютъ:
Въ пыли героевъ попираютъ!

Героевъ? – Нѣтъ! но ихъ дѣла
Изъ мрака и вѣковъ блистаютъ;
Нетлѣнна память, похвала
И изъ развалинъ вылетаютъ;
Какъ холмы, гробы ихъ цвѣтутъ;
Напишется Потемкинъ трудъ.

Театръ его былъ край Эвксина,
Сердца обязанныя—храмъ;
Рука съ вѣнцомъ—Екатерина;
Гремяща слава—ѳиміамъ;
Жизнь—жертвенникъ торжествъ и крови,
Гробница—ужаса, любови.

Когда багровая луна
Сквозь мглу блистаетъ темной нощи,
Дуная мрачная волна
Сверкаетъ кровью, и сквозь рощи
Вкругъ Измаила вѣтръ шумитъ
И слышенъ стонъ,—что Турокъ мнитъ?

Дрожитъ—и во очахъ сокрытыхъ
Еще ему штыки блестятъ,
Гдѣ сорокъ тысячъ вдругъ убитыхъ
Вкругъ гроба Вейсмана лежатъ;
Мечтаются ему ихъ тѣни,
И Россъ въ крови ихъ по колѣни!

Дрожитъ—и обращаетъ взглядъ
Онъ робко на окрестны виды:
Столпы на небесахъ горятъ
По сушѣ, по морямъ Тавриды!
И мнитъ, въ Очаковѣ что вновь
Течетъ его и мерзнетъ кровь.

Но въ ясный день, средь свѣтлой влаги,
Какъ ходятъ рыбы въ небесахъ
И вьются полосаты флаги,

Нашъ флотъ на вздутыхъ парусахъ
Вдали бѣлѣетъ на лиманахъ:
Какое чувство въ Россіянахъ?

Восторгъ, восторгъ они, а страхъ
И ужасъ Турки ощущаютъ;
Имъ мохъ и терны во очахъ,
Намъ лавръ и розы расцвѣтаютъ
На мавзолеяхъ у вождей,
Властителей земель, морей.

Подъ древомъ, при зарѣ вечерней,
Задумчиво Любовь сидитъ,
Отъ цитры вѣтерокъ весенній
Ея повсюду голосъ мчитъ;
Перлова грудь ея вздыхаетъ,
Геройскій образъ оживляетъ.

Поутру солнечнымъ лучемъ
Какъ монументъ златый зажжется,
Лежатъ объяты серны сномъ
И паръ вокругъ холмовъ вiется,—
Пришедши, старецъ надпись зритъ:
„Здѣсь трупъ Потемкина сокрытъ!“

Алцибіадовъ прахъ!—И смѣетъ
Червь ползать вкругъ его главы?
Взять шлемъ Ахилловъ не робѣетъ,
Нашедши въ полѣ, Өирсъ?—Увы!
И плоть, и грудь коль истлѣваетъ,
Что жъ нашу славу составляетъ?

Лишь истина даетъ вѣнцы
Заслугамъ, кои не увянутъ;
Лишь истину поютъ пѣвцы,
Которыхъ вѣчно не престанутъ
Гремѣть перуны сладкихъ лиръ;
Лишь праведника святъ кумиръ!

Услышьте жъ, Водопады міра!
О славой шумныя главы!
Вашъ свѣтелъ мечъ, цвѣтна порфира,
Коль правду возлюбили вы;
Когда имѣли только мѣту,
Чтобъ счастіе доставить свѣту.

Шуми, шуми, о водопадъ!
Касаяся странамъ воздушнымъ,
Увеселяй и слухъ, и взглядъ
Твоимъ стремленьемъ свѣтлымъ, звучнымъ,
И въ поздней памяти людей
Живи лишь красотой твоей!

Живи! — и тучи пробѣгали
Чтобъ рѣдко по водамъ твоимъ,
Въ умахъ тебя не затмевали
Разжженный громъ и черный дымъ;
Чтобъ былъ вблизи, вдали любезенъ
Ты всѣмъ; сколь дивенъ, столь полезенъ.

И ты, о водопадовъ мать!
Рѣка, на Сѣверѣ гремяща,
О Суна! коль съ высотъ блистать
Ты можешь — и, отъ зарь горяща,
Кипишь и сѣешься дождемъ
Сафирнымъ, пурпурнымъ огнемъ:

То тихое твое теченье,—
Гдѣ ты сама себѣ равна,
Мила, быстра и не въ стремленьѣ,
И въ глубинѣ твоей ясна,
Важна безъ пѣны, безъ порыву,
Полна, велика безъ разливу,

И, безъ примѣса чуждыхъ водъ
Поя златые въ нивахъ броги,
Великолѣпный свой ты ходъ
Вливаешь въ свѣтлый сонмъ Онеги,—

Какое зрѣлище очамъ!
Ты тутъ подобна небесамъ.

XLIV. КЪ КАЛЛІОПѢ [41].

Сойди, безсмертная, съ небесъ
Царица пѣсней, Калліопа!
И громкую трубу твою,
Иль лучше лиру нѣжно-звучну,
Иль, если хочешь, голосъ твой
Ты согласи со мной.

Ужъ, кажется, я слышу бѣгъ
Твоихъ по арфѣ рѣзвыхъ перстовъ,
Какъ гибкій при моряхъ тростникъ
Отъ порханья звенитъ зефировъ,
Далекимъ вторясь шумомъ волнъ,
Таковъ твоихъ струнъ звонъ.

Ужъ въ легкихъ сизыхъ облакахъ
Прекрасна дѣва съ неба сходитъ:
Смѣющійся въ очахъ сапфиръ,
Стыдливыя въ ланитахъ розы,
Багряную въ устахъ зарю,
Въ власахъ я злато зрю.

Во сладкомъ изступленьи семъ
Весь Сѣверъ зрится мнѣ эдемомъ,
И осень кажется весной;
Въ кристальныхъ льдахъ зрю лѣсъ зеленый,
Въ тѣняхъ ночныхъ поля златы,
А по снѣгамъ цвѣты.

Во мглѣ темнозеленой тамъ,
Я вижу, нѣкто древъ подъ сводомъ
Лѣпообразенъ, статенъ, младъ:
Вокругъ главы его сіяютъ
Струями межъ листовъ лучи,
У ногъ шумятъ ключи.

Кто сей, къ которому идетъ
Толь весело любезна дѣва,
Какъ къ брату своему сестра,
Какъ къ жениху въ чертогъ невѣста?
Зрю сходство въ ихъ очахъ, чертахъ,
Какъ будто въ близнецахъ.

Кто ты, божественна чета?
Какъ огнь, со пламенемъ сближаясь,
Единъ составить хочешь лучъ!
Не ты ли свѣта богъ прекрасный
Пришелъ съ небесъ на землю вновь
Торжествовать любовь?

Уже согласіе сердецъ
На нѣжныхъ арфахъ раздается;
Безмолвно слушаетъ земля;
Склонились башни, рощи, горы,
Ревущій водометъ утихъ;
Стоитъ—глядитъ на нихъ.

На мягкой шелковой травѣ,
Въ долинѣ, миромъ осѣненной,
Гдѣ шепчетъ съ розой чуть зефиръ,
Чуть синій ключъ журча вiется,
Чуть дышитъ воздухъ-ароматъ,
Возлюбленны сидятъ.

Вокругъ ихъ страстныхъ горлицъ вздохъ,
Пѣснь лебедей вдали несется,
Обнявшися кусты стоятъ,
Роскошствуетъ во всемъ природа;
Все нѣжитъ, оживляетъ кровь,
Все чувствуетъ любовь.

Стрѣла ея средь ихъ сердецъ,
Какъ лучъ межъ двухъ холмовъ кристальныхъ,
По ихъ краямъ съ небесъ летя,

Сперва скользитъ, не проницаетъ;
Но отъ стекла въ стеклѣ блеститъ,
И роза въ нихъ горитъ.

Съ Олимпа множествомъ очесъ
Сквозь твердь на нихъ янтарну смотритъ
Безсмертныхъ ликъ, и мать боговъ,
Какъ водъ въ струяхъ звѣзда вечерня,
Съ высотъ любуется собой,
Въ нихъ видя образъ свой.

Все улыбается на нихъ,
Все пламень чистый, непорочный,
Въ сердцахъ ихъ нѣжныхъ и младыхъ
Родящійся, благословляетъ.
Всѣмъ добродѣтель въ нихъ видна,
Какъ въ воздухѣ луна.

Въ златый, блаженный древній вѣкъ,
Въ красы земны облекшись, боги
Являлися между людьми,
Чтобъ въ образѣ царей, героевъ,
Устраивать блаженство ихъ
Примѣромъ дѣлъ благихъ.

Такъ, кажется, и въ нихъ боговъ,
Ихъ чадъ, или монарховъ племя
Мой восхищенный видитъ духъ:
Онъ бодръ —и броситъ громы въ злобу;
Она нѣжна — и сотворитъ
Въ себѣ невиннымъ щитъ.

О, коль благословенъ тотъ вѣкъ,
Когда цвѣтущу, благовонну
Подобны древу своему
Сіи младыя вѣтви будутъ!
Въ тѣняхъ ихъ опочіетъ миръ,
И гласъ раздастся лиръ.

Но не въ мечтѣ ль, иль въ явѣ я
Съ Діаной Аполлона вижу?
Нѣтъ, нѣтъ!—Се, тотъ младый герой,
Тотъ отрокъ мой порфирородный,
Я чье рожденье воспѣвалъ,
Возросъ и возмужалъ.

Се онъ, которому дары
Сносили Геньи къ колыбели,
И надѣлили всѣмъ его,
Чтобъ быть на тронѣ человѣкомъ,
А въ человѣкѣ божествомъ,
Всѣхъ согрѣвать лучемъ.

Се онъ съ избранною своей!
Гордись, моя, гордися, лира,
Пророчествомъ теперь твоимъ;
Уже оно почти сбылося:
Мой полубогъ почти ужъ богъ;
Онъ всѣхъ сердца возжегъ.

Россія! радостный токъ слезъ
Пролей, и возведи вкругъ взоры,
И виждь: въ трофеяхъ у тебя,
Какъ садъ, Екатерины племя
Цвѣтетъ! Да поднебесной всей
Онъ дастъ царицъ, царей!

Премудрость возлелѣетъ ихъ;
Народы, утомясь раздоромъ,
Упросятъ ихъ собой владѣть.—
Пѣвица славы, Калліопа!
Останься въ звѣздной вѣкъ странѣ:
Они здѣсь Музы мнѣ.

XLV. КЪ Н. А. ЛЬВОВУ [42].

Стократъ благословенъ тотъ смертный,
Кого не тяготитъ печаль,
Ни зависть потаеннымъ вздохомъ,
Ни гордость громогласнымъ смѣхомъ
Не жмутъ, не гонятъ отъ двора.

Сокрыта жизнь твоя въ деревнѣ
Течетъ теперь, о милый Львовъ!
Какъ свѣтлый межъ цвѣтовъ источникъ
Въ лѣсу дремучемъ. Пусть другіе,
Взмостясь, изъ терема глядятъ,

Какъ на златыя колесницы
Зѣваетъ чернь; какъ ратный строй
Въ глаза ей мещетъ блескъ отъ ружей
И какъ она, волнамъ подобно,
Отъ бурь, отъ всадниковъ бѣжитъ;

Какъ витязи въ вѣкахъ позднѣйшихъ
Въ мѣди иль въ мраморѣ себя
Со удивленьемъ созерцаютъ
И плещутъ ужъ заранѣ въ длани,
Что ихъ народъ боготворитъ.

Но ты уменъ: ты постигаешь,
Что тотъ любимецъ лишь небесъ,
Который подъ шумкомъ потока
Иль сладко спитъ, иль воспѣваетъ
О Богѣ, дружбѣ и любви.

Востокъ и западъ разстилаютъ
Ему свой пурпуръ по путямъ;
Ему благоухаютъ травы,
Древесны помаваютъ вѣтви
И свищетъ громко соловей.

За нимъ раскаянье не ходитъ
Ни между нивъ, ни по садамъ,
Ни по холмамъ, покрытымъ стадомъ,
Ни межъ озеръ и кущъ пріятныхъ;
Но всюду радость и восторгъ.

Труды крѣпятъ его здоровье;
Какъ воздухъ, кровь его легка;
Поутру, какъ зефиръ, летаетъ
Веселы обозрѣть работы,
А завтракать спѣшитъ въ свой домъ.

Тутъ нѣжна, милая супруга—
Какъ ленъ пушистъ, ея власы,—
Снѣгоподобною рукою
Взявъ шито, брано полотенце,
Стираетъ потъ съ его чела;

Цѣлуя раскраснѣвши щеки,
На пяльцы посмотрѣть велитъ,
Гдѣ по соломѣ разной шерстью
Луга, цвѣты, пруды и рощи
Градской своей подругѣ шьетъ.

„О, если бы“, она вѣщаетъ,
„Могло искусство, какъ природа,
Вливать въ сердца свою пріятность,
Сіи картины наши сельски
Къ намъ нашихъ созвали бъ друзей!

„Моя подруга черноброва,
Любезна, мила горожанка,
На нивахъ златомъ здѣсь плѣнившись,
Престала бъ наряжать въ шумиху
Свой въ градѣ храмовидный домъ“.

„Ахъ, милая“! онъ отвѣчаетъ
Съ улыбкой и со вздохомъ ей:
„Ужель тебѣ то не извѣстно,

Что ослѣпленнымъ жизнью дворской
Природа самая мертва“?

XLVI. НА ПАНИХИДУ ЛЮДОВИКА XVI [43].

Звукъ слышу мусикійскій въ стонѣ,
Во мракѣ громъ, во блескѣ ликъ.
Здѣсь къ небу вознесенъ на тронѣ,
А тамъ—на плахѣ Людовикъ!
О ужасъ! о превратность міра!
О оборотъ стыда, честей!
Попранна тамъ въ крови порфира,
А здѣсь приносятъ жертву ей!
Кто жъ славы намъ прямой содѣтель?
Никто, никто,—лишь добродѣтель.

Лишь добродѣтель есть любезна
Плѣненнымъ истиной сердцамъ;
Въ чертогѣ, въ хижинѣ почтенна
Она вездѣ, по всѣмъ странамъ.
На тронѣ Филаретъ, въ темницѣ,
Какъ праведникъ, всегда почтенъ;
Въ пыли Отрепьевъ, въ багряницѣ,
Какъ извергъ, завсегда презрѣнъ,
Не тронъ, не подвиги чьи громки,
Чтутъ безпристрастные потомки,—

Лишь добродѣтель. Ей священный
Повѣренъ ключъ вести честь въ храмъ.
О палачи царя презрѣнны!
Отвѣтствуйте теперь вы намъ,
Отвѣтствуйте намъ, Петіоны:
Почто монарха и отца
Заслуги, вѣру и законы
Попрали вы, о злы сердца!
Почто невиннаго убили
И вѣкъ пятномъ нашъ обагрили?

„Любовь къ отечеству велѣла“,
Вы ищете отвѣтъ намъ дать.
Она вдохнуть вамъ въ грудь умѣла,
Чтобъ руки на царя поднять?
О ухищренье! о коварство!
Любовь къ отечеству кротка;
Она не разрушаетъ царство,
И нѣжная ея рука
Всегда гражданъ щадить умѣла:
Главу ль ей отдѣлить отъ тѣла?

Давно надменья, властолюбья
Сію личину знаемъ мы;
Ее и Кромвель бралъ въ орудья,
И ею Брутъ слѣпилъ умы.
Открыта днесь сердецъ ихъ склонность
И мнимыхъ цѣль геройскихъ дѣлъ;
Но пусть тотъ вѣру, сей же вольность
Какъ будто защищать хотѣлъ;
А вашей лютости звѣриной,
Цареубійцы, что причиной?

Тѣнь Людовика зрю стоящу
Окровавленную средь васъ,
На лобномъ мѣстѣ возносящу
Послѣдній вамъ свой скорбный гласъ:
„Что, дѣти, что, народъ мой славный,
Что вамъ такое сдѣлалъ я?
Вы скиптръ вручили мнѣ державный:
Чѣмъ постыдилась власть моя?
Вы имя мнѣ Благаго дали,
Вы благости мои вкушали.

„Не я ли дверь отверзъ темницы,
Гдѣ васъ томила строга власть?
Не я ли слезы стеръ вдовицы
И сирыхъ успокоилъ часть?
Не я ль не пролилъ капли крови
Во все владычество мое,

Но какъ отецъ, весь полнъ любови,
Всю жизнь мою, все бытіе
На ваши посвятивъ блаженства,
Искалъ вамъ благъ всѣхъ совершенства.

„Желали вы имѣть свободу,
Чтобы законы написать,—
Я отдалъ всѣ права народу
И всю мою вамъ царску власть.
Желали, чтобъ я, снявъ корону,
Со всѣми вами равенъ былъ,—
Ни слезъ не испустивъ, ни стону,
Я съ вами гражданиномъ слылъ.
Желали вы, чтобъ я судился,—
И я предъ вами, правъ, явился.

„Желали вы“... Но, тѣнь святая!
Довольно; скройся въ облакахъ!
Душъ нашихъ больше не смущая,
Живи, ликуй на небесахъ!
Твою невинность всякій знаетъ,
Вселенною оправданъ ты;
Потомство руки простираетъ
На гробъ; на образъ твой цвѣты
И мы съ слезами разсыпаемъ,
Твоихъ тирановъ проклинаемъ.

Греми, проклятіе, всемѣстно
И своды храма потряси,
И правосудіе небесно
Скорѣй на злобу ниспроси!
Греми, о Муза! и искусствомъ
Подвигни къ жалости сердца,
Наполнь однимъ Европу чувствомъ
Къ отмщенью царскаго вѣнца!
Греми!—Но се ревутъ ужъ громы,
На крыліяхъ Орловъ несомы.

XLVII. АМУРЪ И ПСИХЕЯ [44].

Амуру вздумалось Психею,
Рѣзвяся, поймать,
Опутаться цвѣтами съ нею
И узелъ завязать.

Прекрасна плѣнница краснѣетъ
И рвется отъ него,
А онъ какъ будто бы робѣетъ
Отъ случая сего.

Она зоветъ своихъ подружекъ,
Чтобъ узелъ развязать,
И онъ своихъ крылатыхъ служекъ,
Чтобъ помочь имъ подать.

Пріятность, младость къ нимъ стремятся,
И имъ служить хотятъ;
Но узники не суетятся,—
Какъ вкопаны стоятъ.

Ни крылышкомъ Амуръ не тронетъ,
Ни лукомъ, ни стрѣлой;
Психея не бѣжитъ, не стонетъ:
Свились, какъ листъ съ травой.

Такъ будь, чета, вѣкъ нераздѣльна,
Согласіемъ дыша:
Та цѣпь тверда, гдѣ сопряженна
Съ любовію душа.

XLVIII. ХРАПОВИЦКОМУ [45].

Товарищъ давній, вновь сосѣдъ,
Пріятный, острый Храповицкой!
Ты умный мнѣ даешь совѣтъ;
Чтобы владычицѣ киргизской

Я пѣсни пѣлъ
И лирой ей хвалы гремѣлъ.

Такъ, такъ! за средственны стишки
Монисты, гривны, ожерелья,
Безцѣнны перстни, камешки
Я бралъ съ нея бы за бездѣлья,
И былъ, гудкомъ [a],
Давно мурза съ большимъ усомъ.

Но ежели наложенъ долгъ
Мнѣ отъ судебъ и вышня трона,
Чтобъ нэ лучистый, милый богъ
Съ высотъ лазурна Геликона
Меня внушалъ,
Но я экстракты бъ сочинялъ;

Былъ чтецъ и пономарь Ѳемиды,
И ей служилъ предъ алтаремъ,
Какъ омофоромъ отъ обиды
Однихъ покрывъ, другихъ мечемъ
Своимъ страшитъ,
И счастье всѣмъ она даритъ:

То какъ Якобія оставить,
Котораго весь міръ тѣснитъ?
Какъ Логинова дать оправить [b],
Который золотомъ гремитъ?
Боговъ пѣвецъ
Не будетъ никогда подлецъ.

Ты самъ со временемъ осудишь
Меня за мглистый ѳиміамъ;
За правду жъ чтить меня ты будешь:
Она любезна всѣмъ вѣкамъ;
Въ ея вѣнцѣ
Свѣтлѣетъ царское лице.

XLIX. ПОМОЩЬ БОЖІЯ [46].

Возвелъ я мысленные взоры
Въ небесны лучезарны горы, —
И помощь мнѣ оттоль пришла.
Я помощь сильную пріемлю
Отъ Сотворившаго всю землю
И въ небѣ звѣзды безъ числа.

Ноги моей въ поползновенье,
Ниже въ малѣйшее смятенье,
Онъ не допуститъ, и хранитъ.
Хранитъ меня и не воздремлетъ,
И всѣмъ моимъ Онъ нуждамъ внемлетъ,
И свыше на меня глядитъ.

Господь, Господь—мой покровитель,
Помощникъ, жезлъ и подкрѣпитель,
И щитъ Онъ на груди моей;
Ни солнце въ день не опаляетъ,
Ни лунный свѣтъ не ужасаетъ
Меня въ тьмѣ блѣдностью своей.

Вездѣ со мною пребываетъ,
Сопутствуетъ, остерегаетъ
Отъ всякаго меня Онъ зла,
Блюдетъ мой входъ и исхожденье,
Предупреждаетъ искушенье,
Чтобъ злость вредить мнѣ не могла.

L. ЛАСТОЧКА [47].

О домовитая ласточка!
О милосизая птичка!
Грудь краснобѣла, касаточка,
Лѣтняя гостья, пѣвичка!
Ты часто по кровлямъ щебечешь;

Надъ гнѣздышкомъ сидя, поешь;
Крылышками движешь, трепещешь,
Колокольчикомъ въ горлышкѣ бьешь.
Ты часто по воздуху вьешься,
Въ немъ смѣлые круги даешь;
Иль стелешься долу, несешься,
Иль въ небѣ, простряся, плывешь
Ты часто во зеркалѣ водномъ
Подъ рдяной играешь зарей,
На зыбкомъ лазурѣ бездонномъ
Тѣнью мелькаешь твоей.
Ты часто, какъ молнія, рѣешь
Мгновенно туды и сюды;
Сама за собой не успѣешь
Невидимы видѣть слѣды;
Но видишь тамъ всю ты вселенну,
Какъ будто съ высотъ на коврѣ:
Тамъ башню, какъ жаръ позлащенну,
Въ чешуйчатомъ флотъ тамъ сребрѣ;
Тамъ рощи въ одеждѣ зеленой,
Тамъ нивы въ вѣнцѣ золотомъ,
Тамъ холмъ, синій лѣсъ отдаленной;
Тамъ мошки толкутся столпомъ,
Тамъ гнутся съ утеса въ понтъ воды,
Тамъ ластятся струи къ брегамъ.
Всю прелесть ты видишь природы,
Зришь лѣта роскошнаго храмъ;
Но видишь и бури ты черны,
И осени скучной приходъ,
И прячешься въ бездны подземны,
Хладѣя зимою какъ ледъ.
Во мракѣ лежишь бездыханна;—
Но только лишь придетъ весна,
И роза вздохнетъ лишь румяна,
Встаешь ты отъ смертнаго сна;
Встанешь, откроешь зѣницы—
И новый лучъ жизни ты пьешь;

Сизы расправя косицы,
Ты новое солнце поешь.

Душа моя! гостья ты міра!
Не ты ли перната сія?—
Воспой же безсмертіе, лира!
Возстану, возстану и я;
Возстану—и въ безднѣ эѳира
Увижу ль тебя я, Плѣнира?

LI. НА ГРОБЪ ЕКАТЕРИНЫ ЯКОВЛЕВНЫ ДЕРЖАВИНОЙ[48].

Гдѣ добродѣтель? гдѣ краса?
Кто мнѣ слѣды ея примѣтитъ?
Увы! здѣсь дверь на небеса....
Сокрылась въ ней—да Солнце встрѣтитъ!

LII. РАДОСТЬ О ПРАВОСУДІИ.

Хвала всевышнему Владыкѣ!
Великость Онъ явилъ свою:
Вельможъ меня поставилъ въ ликѣ,
Да чудеса Его пою.

Пришли, пришли тѣ дни святые,
Да правый судъ я покажу,
Колеблемы столпы земные
Закономъ Божьимъ утвержу.

Скажу я грѣшнымъ: „Не грѣшите;“
Надменнымъ: „Не вздымайте рогъ,
Въ безуміи не клевещите,
Несправедливъ что будто Богъ“.

Отъ запада и отъ востока,
Отъ горъ, пустыней и морей

Нѣтъ человѣка безъ порока,
Безъ слабостей и безъ страстей.

Но Богъ есть Судія единый,
Владыка и Правитель всѣхъ;
Онъ сихъ возводитъ на вершины,
А понижаетъ долу тѣхъ.

Вина багряна чаша цѣльна,
Изъ коей сладки перлы бьютъ,
Въ Его рукѣ всѣмъ растворенна;
Но дрожди грѣшники піютъ.

Отъ арфы радость да прольется
Въ хваленіе Тебѣ, мой Богъ!
Неправыхъ выя да согнется,
А правыхъ вознесется рогъ!

LIII. КЪ ЛИРѢ[49].

Звонкопріятная лира!
Въ древни златые дни міра
Сладкою силой твоей
Ты и боговъ, и царей,
Ты и народы плѣняла.

Гласъ тихострунный твой, звоны,
Сердце прельщающи тоны
Съ дебрей, вертеповъ, степей
Птицъ созывали, звѣрей,
Холмы и дубы склоняли.

Нынѣ желѣзные ль вѣки?
Тверже ль кремней человѣки?
Сами не знаясь съ тобой,
Свѣтъ не плѣняютъ игрой,
Чужды красотъ доброгласья.

Доблестью чужды плѣняться,
Къ злату, къ сребру лишь стремятся,
Помнятъ себя лишь однихъ.
Слезы не трогаютъ ихъ,
Вопли сердецъ не доходятъ;

Души всѣ льда холоднѣе.
Въ комъ же я вижу Орфея?
Кто Аристонъ сей младой,
Нѣженъ лицомъ и душой,
Нравовъ благихъ преисполненъ?

Кто сей любитель согласья?
Скрытый зиждитель ли счастья?
Скромный смиритель ли злыхъ?
Дней гражданинъ золотыхъ,
Истый любимецъ Астреи!

LIV. ВЕЛЬМОЖА [50].

Не украшеніе одеждъ
Моя здѣсь Муза прославляетъ,
Которое въ очахъ невѣждъ
Шутовъ въ вельможи наряжаетъ;
Не пышности я пѣснь пою;
Не истуканы за кристалломъ,
Въ кивотахъ блещущи металломъ,
Услышатъ похвалу мою.

Хочу достоинства я чтить,
Которыя собою сами
Умѣли титла заслужить
Похвальными себѣ дѣлами;
Кого ни знатный родъ, ни санъ,
Ни счастіе не украшали;
Но кои доблестью снискали
Себѣ почтенье отъ гражданъ.

Кумиръ, поставленный въ позоръ
Несмысленную чернь прельщаетъ;
Но коль художниковъ въ немъ взоръ
Прямыхъ красотъ не ощущаетъ;
Се образъ ложныя молвы,
Се глыба грязи позлащенной!
И вы, безъ благости душевной,
Не всѣ ль, вельможи, таковы?

Не перлы персскія на васъ,
И не бразильски звѣзды ясны;
Для возлюбившихъ правду глазъ
Лишь добродѣтели прекрасны:
Онѣ суть смертныхъ похвала.
Калигула! твой конь въ сенатѣ
Не могъ сіять, сіяя въ златѣ:
Сіяютъ добрыя дѣла.

Оселъ останется осломъ,
Хотя осыпь его звѣздами;
Гдѣ должно дѣйствовать умомъ,
Онъ только хлопаетъ ушами.
О! тщетно Счастія рука,
Противъ естественнаго чина,
Безумца рядитъ въ господина
Или въ шумиху дурака.

Какихъ ни вымышляй пружинъ,
Чтобъ мужу бую умудриться,—
Не можно вѣкъ носить личинъ,
И истина должна открыться.
Когда не свергъ въ бояхъ, въ судахъ,
Въ совѣтахъ царскихъ, супостатовъ:
Всякъ думаетъ, что я Чупятовъ[a]
Въ марокскихъ лентахъ и звѣздахъ.

Оставя скипетръ, тронъ, чертогъ,
Бывъ странникомъ, въ пыли и въ потѣ,

Великій Петръ, какъ нѣкій богъ,
Блисталъ величествомъ въ работѣ:
Ночтенъ и въ рубищѣ герой!
Екатерина въ низкой долѣ
И не на царскомъ бы престолѣ
Была великою женой.

И впрямь, коль самолюбья лесть
Не обуяла въ умъ надменный:
Что наше благородство, честь,
Какъ не изящности душевны?
Я князь—коль мой сіяетъ духъ;
Владѣлецъ—коль страстьми владѣю;
Боляринъ — коль за всѣхъ болѣю,
Царю, закону, церкви другъ.

Вельможу должны составлять
Умъ здравый, сердце просвѣщенно;
Собой примѣръ онъ долженъ дать,
Что званіе его священно,
Что онъ орудье власти есть,
Подпора царственнаго зданья.
Вся мысль его, слова, дѣянья
Должны быть — польза, слава, честь.

А ты, второй Сарданапалъ [b]!
Къ чему стремишь всѣхъ мыслей бѣги?
На то ль, чтобъ вѣкъ твой протекалъ
Средь игръ, средь праздности и нѣги?
Чтобъ пурпуръ, злато всюду взоръ
Въ твоихъ чертогахъ восхищали,
Картины въ зеркалахъ дышали,
Мусія, мраморъ и фарфоръ?

На то ль тебѣ пространный свѣтъ,
Простерши раболѣпны длани,
На прихотливый твой обѣдъ
Вкуснѣйшихъ яствъ приноситъ дани,

Токай густое льетъ вино,
Левантъ—съ звѣздами кофе жирный,
Чтобъ не хотѣлъ за трудъ всемірный
Мгновенье бросить ты одно?

Тамъ воды въ просѣкахъ текутъ
И, съ шумомъ вверхъ стремясь, сверкаютъ,
Тамъ розы сродь зимы цвѣтутъ,
И въ рощахъ нимфы воспѣваютъ,
На то ль, чтобы на все взиралъ
Ты окомъ мрачнымъ, равнодушнымъ,
Средь радостей казался скучнымъ
И въ пресыщеніи зѣвалъ?

Орелъ, по высотѣ паря,
Ужъ солнце зритъ въ лучахъ полдневныхъ;
Но твой чертогъ едва заря
Румянитъ сквозь завѣсъ червленныхъ;
Едва по зыблющимъ грудямъ
Съ тобой лежащія Цирцеи
Блистаютъ розы и лилеи;
Ты съ ней покойно спишь,... а тамъ?—

А тамъ израненный герой,
Какъ лунь, во браняхъ посѣдѣвшій [c],
Начальникъ прежде бывшій твой,
Въ переднюю къ тебѣ пришедшій
Принять по службѣ твой приказъ,
Межъ челядью твоей златою,
Поникнувъ лавровой главою,
Сидитъ и ждетъ тебя ужъ часъ!

А тамъ—вдова стоитъ въ сѣняхъ [d]
И горьки слезы проливаетъ,
Съ груднымъ младенцемъ на рукахъ
Покрова твоего желаетъ:
За выгоды твои, за честь
Она лишилася супруга;

Въ тебѣ его знавъ прежде друга,
Пришла мольбу свою принесть.

А тамъ—на лѣстничный восходъ
Прибрелъ на костыляхъ согбенный,
Безстрашный, старый воинъ тотъ,
Тремя медальми украшенный,
Котораго въ бою рука
Избавила тебя отъ смерти:
Онъ хочетъ руку ту простерти
Для хлѣба отъ тебя куска.

А тамъ—гдѣ жирный песъ лежитъ,
Гордится вратникъ галунами,—
Заимодавцевъ полкъ стоитъ,
Къ тебѣ пришедшихъ за долгами.
Проснися, Сибаритъ!—ты спишь,
Иль только въ сладкой нѣгѣ дремлешь;
Несчастныхъ голосу не внемлешь
И въ развращенномъ сердцѣ мнишь:

„Мнѣ мигъ покоя моего
Пріятнѣй, чѣмъ въ исторьи вѣки;
Жить для себя лишь одного,
Лишь радостей умѣть пить рѣки,
Лишь вѣтромъ плыть, гнесть чернь ярмомъ;
Стыдъ, совѣсть—слабыхъ душъ тревога!
Нѣтъ добродѣтели! нѣтъ Бога!“—
Злодѣй... увы!.. и грянулъ громъ.

Блаженъ народъ, который полнъ
Благочестивой вѣры къ Богу,
Хранитъ царевъ всегда законъ,
Чтитъ нравы, добродѣтель строгу
Наслѣднымъ перломъ женъ, дѣтей,
Въ единодушіи — блаженство,
Во правосудіи—равенство,
Свободу—во уздѣ страстей!

Блаженъ народъ, гдѣ царь главой,
Вельможи — здравы члены тѣла,
Прилежно долгъ всѣ правятъ свой,
Чужаго не касаясь дѣла;
Глава не ждетъ отъ ногъ ума
И силъ у рукъ не отнимаетъ [e];
Ей взоръ и ухо предлагаетъ,
Повелѣваетъ же сама.

Симъ твердымъ узломъ естества
Коль царство лишь живетъ счастливымъ, —
Вельможи! славы, торжества
Иныхъ вамъ нѣтъ, какъ быть правдивымъ,
Какъ блюсть народъ, царя любить,
О благѣ общемъ ихъ стараться,
Змѣей предъ тропомъ не сгибаться,
Стоять — и правду говорить.

О росскій бодрственный народъ,
Отечески хранящій нравы!
Когда разслабъ весь смертныхъ родъ,
Какой ты не причастенъ славы?
Какихъ въ тебѣ вельможей нѣтъ?
Тотъ храбрымъ былъ средь бранныхъ звуковъ,
Здѣсь далъ безстрашный Долгоруковъ
Монарху грозному отвѣтъ.

И въ наши вижу времена
Того я славнаго Камилла [f],
Котораго труды, война
И старость духъ не утомила.
Отъ грома звучныхъ онъ побѣдъ
Сошелъ въ шалашъ свой равнодушно
И отъ сохи опять послушно
Онъ въ полѣ марсовомъ живетъ.

Тебѣ, герой, желаній мужъ,
Не роскошью вельможа славный,

Кумиръ сердецъ, плѣнитель душъ,
Вождь, лавромъ, маслиной вѣнчанный,
Я праведну здѣсь пѣснь воспѣлъ!
Ты ею славься, утѣшайся,
Борись вновь съ бурями, мужайся,
Какъ юный возносись орелъ.

Пари —и съ высоты твоей
По мракамъ смутнаго эѳира
Громовой пролети струей,
И, опочивъ на лонѣ мира,
Возвесели еще царя;
Простри твой поздній блескъ въ народѣ,
Какъ отдаетъ свой долгъ природѣ
Румяна вечера заря!

LV. НА ВЗЯТІЕ ВАРШАВЫ [51].

Пошелъ—и гдѣ тристаты злобы?
Чему коснулся, все сразилъ!
Поля и грады стали гробы;
Шагнулъ—и царство покорилъ!
О Россъ! о подвигъ исполина!
О всемогущая жена!
Безсмертная Екатерина!
Куда? и что еще?—Уже полна
Великихъ вашихъ дѣлъ вселенна.
Какъ ночью звѣздъ стезя, по небу протяженна,
Дѣяній вашихъ цѣпь въ потомствѣ возблеститъ
И мудрыхъ удивитъ.—
Ужъ ваши имена,
Тріумфъ, побѣды, трудъ не скроютъ времена:
Какъ молньи быстрыя, вкругъ міра будутъ течь.
Полсвѣта очертилъ блистающій вашъ мечъ;
И славы громъ,
Какъ шумъ морей, какъ гулъ воздушныхъ споровъ,

Изъ дола въ долъ, съ холма на холмъ,
Изъ дебри въ дебрь, отъ рода въ родъ,
Прокатится, пройдетъ,
Промчится, прозвучитъ
И въ вѣчность возвѣститъ,
Кто былъ Суворовъ:
По бранямъ—Александръ, по доблести—стоикъ,
Въ себѣ ихъ совмѣстилъ и въ обоихъ великъ.

Черная туча, мрачныя крыла
Съ цѣпи сорвавъ, весь воздухъ покрыла;
Вихрь полуночный, летитъ богатырь!
Тма отъ чела, съ посвиста пыль!
Молньи отъ взоровъ бѣгутъ впереди,
Дубы грядою лежатъ позади.
Ступитъ на горы—горы трещатъ,
Ляжетъ на воды—воды кипятъ,
Граду коснется—градъ упадаетъ,
Башни рукою за облакъ кидаетъ;
Дрогнетъ природа, блѣднѣя, предъ нимъ;
Слабыя трости щадятся лишь имъ.
Ты ль—Геркулесъ нашъ новый, полночный,
Бурѣ подобный, быстрый и мочный?
Твой ли, Суворовъ, се образъ побѣдъ?
Трупы враговъ и лавры—твой слѣдъ!
Кѣмъ ты когда бывалъ побѣждаемъ?
Все ты всегда вездѣ превозмогъ!
Новый трофей твой днесь созерцаемъ:
Тронъ подъ тобой, корона у ногъ,—
Царь въ полону!—Ужасъ ты злобнымъ,
Кто былъ царицѣ твоей непокорнымъ.

И се—въ небесномъ вертоградѣ
На злачныхъ вижу я холмахъ,
Благоуханныхъ рощъ въ прохладѣ,
Въ прозрачныхъ, радужныхъ шатрахъ,
Предъ сонмами блаженныхъ Россовъ,

Въ бесѣдѣ ихъ вождей, царей,--
Нашъ звучный Пиндаръ, Ломоносовъ,
Сидитъ и лирою своей
Безплотный слухъ ихъ утѣшаетъ,
Поетъ безсмертныя дѣла.
Уже, какъ молнія, пронзаетъ
Ихъ свѣтлу грудь его хвала;
Златъ медъ блеститъ въ устахъ пунцовыхъ,
Зари играютъ на щекахъ;
На мягкихъ зыблющихъ, перловыхъ
Они возлегши облакахъ,
Небесныхъ арфъ и дѣвъ внимаютъ
Поющихъ тихострунный хоръ;
Въ безмолвьи сладко утопаютъ
И, склабя восхищенный взоръ,
Взираютъ съ высоты небесной
На храбрый, вѣрный свой народъ,
Что доблестью, другимъ извѣстной,
Еще себѣ вѣнцы беретъ,
Еще на высоту восходитъ,
Всевышняго водимъ рукой.
Великій Петръ къ нимъ взоръ низводитъ,
И въ ревности своей святой,
Какъ трубный громъ межъ горъ гремитъ,
Герой героямъ говоритъ:

„О вы, сѣдящи въ сѣни райской!
Одѣньтесь въ свѣтлы днесь зари.
Возстань, великій мужъ Пожарской!
И на Россію посмотри:
Ты усмирилъ ея крамолу,
Избралъ преемника престолу,
Разсадникъ славы насадилъ;
И се—рукой Екатерины
Твои теперь пожаты крины,
Которы сжать я укоснилъ.
Она нашъ домъ распространила

И славой всѣхъ насъ превзошла:
Строптиву Польшу покорила,
Которая твой врагъ была“.—

Прорекъ монархъ и скрылся въ сѣнь.
Герои росски всколебались,
Сѣдымъ челомъ приподнимались,
Чтобы узрѣть Варшавы плѣнъ.

Лежитъ измѣнница и взоры,
Потупя, обращаетъ вкругъ;
Терзаютъ грудь ея укоры,
Что раздражила кроткій духъ,
Склонилась на совѣтъ змѣиный,
Отвергла щитъ Екатерины [a],
Не могши дружбу къ ней сберечь.
И се—днесь надъ Сарматомъ плѣннымъ,
Навѣсясь шлемомъ опереннымъ,
Всесильный Россъ занесъ свой мечъ.

Сидитъ орелъ на гидрѣ злобной:
Подите, отнимите, львы!
Стремися съ фуріей, сонмъ грозной!
Герой, отъ Лены до Невы
Возлегши на лавровомъ полѣ,
Ни съ кѣмъ не съединяясь болѣ,
Лишь мудрой правимый главой,
Щитомъ небеснымъ осѣняясь,
На вѣру, вѣрность опираясь,
Одной васъ оттолкнетъ ногой.

О стыдъ! о срамъ неимовѣрный!
Быть Россу другомъ —и робѣть! [b]
Пожаръ тушить стараться зѣльный—
И, бывъ въ огнѣ, охолодѣть!
Мнить защищать монарши нравы—
И за корысть лишь воевать;
Желать себѣ безсмертной славы—

И, не сражаясь, отступать;
Слыть недругомъ коварству злому—
И чтить его внутрь сердца ядъ!

Но ты, народъ, подобно грому
Котораго мечи вдали звучатъ!
Доколѣ твердъ, единодушенъ,
Умѣешь смерть и скорби презирать,
Царю единому послушенъ,
И съ нимъ по вѣрѣ поборать,
По правдѣ будешь лишь войною:
Великій духъ! твой Богъ тобою!
На что тебѣ союзъ? — О Россъ!
Шагни— и вся твоя вселенна.

О ты, жена благословенна,
У коей сынъ такой колоссъ!
Къ толикимъ скиптрамъ и коронамъ,
Странамъ, владѣемымъ тобой,
Со звукомъ, громомъ и со звономъ
Еще одну, его рукой
Прими корону принесенну,
И грудь, во браняхъ утомленну,
Спѣши спокойствомъ врачевать.
Твое ему едино слово
Отраду, духъ, геройство ново
И счастье можетъ даровать.

А ты, кому и Музы внемлютъ,
Младый наперсникъ, чашникъ Кронь,
Предъ кѣмъ орелъ и громы дремлютъ
И вседробящій молній огнь!
Налей мнѣ кубокъ твой сапфирный,
Звѣздами, перлами кипящъ,
Да нектаръ твой небесный, сильный,
На лоно нѣжныхъ Музъ клонящъ,
Намѣсто громовъ, звуковъ бранныхъ,
Воспѣть меня возбудитъ миръ.

И се – уже въ странахъ кристальныхъ
Несусь, оставя дольный міръ;
Огнистый солнца конь крылатый
Летитъ по воздуху и ржетъ.
Съ ноздрей дымъ пышитъ синеватый,
Со удилъ пѣна клубомъ бьетъ,
Струями искры сыплютъ взоры;
Какъ овны, убѣгаютъ горы,
И въ божескомъ восторгѣ семъ
Я вижу въ тишинѣ полсвѣта!

Живи, цвѣти несмѣтны лѣта,
О царствующая на немъ!
Кто лучшій столькихъ странъ владѣтель,
Какъ не въ коронѣ Добродѣтель?

ХОРЪ.

Среди грома, среди звону
Торжествуй, прехрабрый Россъ!
Ты еще теперь корону
Въ даръ монархинѣ принесъ.
Славься симъ, Екатерина,
О великая жена!

Гдѣ народъ какой на свѣтѣ
Кто видалъ и кто слыхалъ,
Что въ единомъ царство лѣтѣ
И съ царемъ завоевалъ?
Славься симъ, Екатерина,
О великая жена!

Чти, вселенна, удивляйся
Нашихъ мужеству людей;
Злоба въ сердцѣ содрагайся,
Зря въ насъ твердый щитъ царей.
Славься симъ, Екатерина,
О великая жена!

Зависть, дерзость и коварство,
Преклонись, нашъ видя строй!
Безпримѣрно Русско Царство,
И младенецъ въ немъ герой.
Славься симъ, Екатерина,
О великая жена!

Царедворецъ, жившій нѣжно,
Просится на страшный бой,
Сноситъ трудъ и скорбь прилежно
И на смерть идетъ стѣной.
Славься симъ, Екатерина,
О великая жена!

Пули, ядра, раны смертны
За царя пріемлетъ въ даръ;
Награжденья намъ безсмертны—
Слово царско, слава, лавръ.
Славься симъ, Екатерина,
О великая жена!

Я всему предпочитаю
За отечество лить кровь;
Я Плѣниру забываю
И пою къ нему любовь.
Славься симъ, Екатерина,
О великая жена!

Утѣшайся восхищеньемъ
Чадъ, о матерь! таковымъ,
Ихъ нелестнымъ поклоненьемъ
Добродѣтелямъ твоимъ:
Славься симъ, Екатерина,
О великая жена!

1795.

LVI. НА КОНЧИНУ ВЕЛИКОЙ КНЯЖНЫ ОЛЬГИ ПАВЛОВНЫ[52].

Ночь лишь седьмую
Мрачнаго трона
Степень прешла,
Съ росска Сіона
Звѣзду златую
Смерть сорвала.
Лучъ, покатяся
Съ синяго неба,
Въ безднѣ погасъ!

Утренняя, ясна,
Тѣнь золотая!
Кратокъ твой блескъ.
Ольга прекрасна,
Ольга драгая!
Тѣнь твой былъ вѣкъ.
Что твое утро
Въ вѣчности цѣлой?
Менѣй, чѣмъ мигъ!

Юная роза
Лишь развернула
Алый шипокъ,
Вдругъ отъ мороза
Въ лонѣ уснула,
Свянулъ цвѣтокъ.
Такъ и съ царевной:
Нѣтъ ужъ въ ней жизни,
Смерть на челѣ!

Къ отчему лону,
Къ матери нѣжной,

Къ братьямъ, сестрамъ,
Къ скипетру, трону,
Къ бабкѣ любезной,
Къ вѣрнымъ рабамъ,
Милый младенецъ,
Ты ужъ съ улыбкой
Рукъ не простешь.

Ликъ полутонный,
Тихое пѣнье,
Мрачность одеждъ,
Вздохи и стоны,
Слезно теченье,
Въ дымѣ блескъ свѣчъ,
Порда царицы [a]
Блѣдность, безмолвье—
Страшный позоръ!

Гдѣ вы стѣснились?
Что окружили?
Чей видимъ трупъ?
Иль вы забылись,
Въ гробъ положили
Спящаго тутъ
Ангела въ тѣлѣ?—
Ольга прекрасна
Ангелъ былъ нашъ.

Вижу въ сіяньѣ
Грады эѳира,
Солнцы кругомъ!
Вижу собранье
Горняго міра;
Ангеловъ сонмъ,
Руки простерши,
Ольгу пріемлютъ
Въ свѣтлый свой полкъ

Вижу блаженну
Чистую душу
Всю изъ огня,
Въ свѣтъ облеченну;
Въ райскую кущу
Идетъ дитя;
Зритъ на Россію
Зритъ на Петрополь,
Зритъ на родныхъ.

Зритъ на піиту,
Жизнь и успенье
Кто ея пѣлъ,
Чей въ умиленьѣ
Дождь по ланиту
Искрой летѣлъ;
Слышитъ звукъ лиры,
Томные гласы
Пѣсни моей.

Міра Содѣтель,
Святость и прочность
Царства суть чьи!
Коль добродѣтель
И непорочность
Слуги твои,
Коихъ ко смертнымъ
Ты посылаешь
Стражами быть:

Даждь, да надъ нами
Ольги блаженной
Плаваетъ духъ;
Чтобъ, какъ очами,
Надъ полвселенной
Неба сей другъ
Зрѣлъ надъ звѣздами.

Дланью багряной
Сыпалъ къ намъ свѣтъ;

Племя Петрово,
Екатерины,
Здравьемъ чело,
Сѣнь бы лаврова,
Мирные крины,
Все намъ цвѣло;
Дни бы златые,
Сребряны росы
Съ облакъ лились;

Не было бъ царства
Въ свѣтѣ другого
Счастливѣй насъ;
Яда коварства,
Равенства злого,
Буйства заразъ,
Вольности мнимой,
Ангелъ хранитель,
Насъ ты избавь!

И средь эѳира,
Въ добри тьмозвѣздной,
Въ райской тиши,
Гдѣ днесь Плѣнира,
Другъ мой любезной,
Сердца, души
Въ ней половину,
Геній Россіи,
Призри мою!

LVII. КЪ АНЖЕЛИКѢ КАУФМАНЪ[53].

Живописица преславна,
Кауфманъ, подруга Музъ!
Если въ кисть твою вліянна

Свыше живость, чувство, вкусъ,
И, списавъ Данаевъ древнихъ
Намъ богинь и красныхъ женъ,
Порежить въ своихъ безцѣнныхъ
Ты могла картинахъ тлѣнъ:
Напиши мою Милену,
Бѣлокурую лицомъ,
Стройну станомъ, возвышенну,
Съ гордымъ нѣсколько челомъ;
Чтобъ похожа на Миневру
Съ голубыхъ была очей,
И любовну искру перву
Ты зажги въ душѣ у ней;
Чтобъ, на всѣхъ взирая хладно,
Полюбила лишь меня;
Чтобы, сердце безотрадно
Въ гробъ съ Плѣнирой схороня,
Я нашелъ бы въ ней обратно
И, плѣнясь ея красой,
Оживился бы стократно
Молодой моей душой.

LVIII. ПРИГЛАШЕНІЕ КЪ ОБѢДУ [54].

Шекснинска стерлядь золотая,
Каймакъ и борщъ уже стоятъ;
Въ графинахъ вина, пуншъ, блистая
То льдомъ, то искрами, манятъ;
Съ курильницъ благовонья льются,
Плоды среди корзинъ смѣются,
Не смѣютъ слуги и дохнуть,
Тебя стола вкругъ ожидая;
Хозяйка статная, младая
Готова руку протянуть.

Приди, мой благодѣтель давный,
Творецъ чрезъ двадцать лѣтъ добра!

Приди,—и домъ, хоть не нарядный,
Безъ рѣзьбы, злата и сребра,
Мой посѣти: его богатство—
Пріятный только вкусъ, опрятство
И твердый мой, нельстивый нравъ.
Приди отъ дѣлъ попрохладиться
Поѣсть, попить, повеселиться
Безъ вредныхъ здравію приправъ.

Не чинъ, не случай и не знатность
На русскій мой простой обѣдъ
Я звалъ,—одну благопріятность;
А тотъ, кто дѣлаетъ мнѣ вредъ,
Пирушки сей не будетъ зритель.
Ты, ангелъ мой, благотворитель!
Приди—и насладися благъ;
А вражій духъ да отженется,
Моихъ пороговъ не коснется
Ничей недоброхотный шагъ!

Друзьямъ моимъ я посвящаю,
Друзьямъ и красотѣ сей день;
Достоинствамъ я цѣну знаю,
И знаю то, что вѣкъ нашъ тѣнь;
Что лишь младенчество проводимъ,
Уже ко старости приходимъ,
И Смерть къ намъ смотритъ чрезъ заборъ:
Увы! то какъ не умудриться,
Хоть разъ цвѣтами не увиться
И не оставить мрачный взоръ?

Слыхалъ, слыхалъ я тайну эту,
Что иногда груститъ и царь;
Ни ночь, ни день покоя нѣту,
Хотя имъ вся покойна тварь.
Хотя онъ громкой славой знатенъ,
Но ахъ! и тронъ всегда ль пріятенъ
Тому, кто вѣкъ свой въ хлопотахъ?

Тутъ зритъ обманъ, тамъ зритъ упадокъ:
Какъ бѣдный часовой тотъ жалокъ,
Который вѣчно на часахъ!

Итакъ, доколь еще ненастье
Не помрачаетъ красныхъ дней,
И приголубливаетъ Счастье
И гладитъ насъ рукой своей;
Доколѣ не пришли морозы,
Въ саду благоухаютъ розы,
Мы поспѣшимъ ихъ обонять.
Такъ! будемъ жизнью наслаждаться,
И тѣмъ, чѣмъ можемъ, утѣшаться,—
По платью ноги протягать.

А если ты иль кто другіе [a]
Изъ званыхъ, милыхъ мнѣ гостей,
Чертоги предпочтя златые
И яства сахарны царей,
Ко мнѣ не срядитесь откушать;
Извольте мой вы толкъ прослушать:
Блаженство не въ лучахъ порфиръ,
Не въ вкусѣ яствъ, но въ нѣгѣ слуха,
Но въ здравьи и спокойствѣ духа.
Умѣренность есть лучшій пиръ.

LIX. АНАКРЕОНЪ У ПЕЧКИ [55].

Случись Анакреону
Марію посѣщать;
Межъ ними Купидону,
Какъ бабочкѣ, летать.

Леталъ божокъ крылатый
Красавицы вокругъ,
И стрѣлы онъ пернаты
Накладывалъ на лукъ.

Стрѣлялъ съ ея небесныхъ
И голубыхъ очей,
И съ розъ въ устахъ прелестныхъ,
И на грудяхъ съ лилей.

Но арфу какъ Марія
Звончатую взяла,
И въ струны золотыя
Свой голосъ издала,

Подъ алыми перстами
Порхалъ рѣзвѣе богъ,
Остръйшими стрѣлами
Разилъ сердца и жогъ.

Анакреонъ у печки
Вздохнулъ тогда сидя:
„Какъ бабочка отъ свѣчки,
Сгорю“, сказалъ, „и я“.

LX. СОЛОВЕЙ.

На холмѣ, сквозь зеленой рощи,
При блескѣ свѣтлаго ручья,
Подъ кровомъ тихой майской нощи,
Вдали я слышу соловья.
По вѣтрамъ легкимъ, благовоннымъ,
То свистъ его, то звонъ летитъ;
То, шумомъ заглушаемъ водянымъ,
Вздыханьемъ сладостнымъ томитъ.

Пѣвецъ весеннихъ дней пернатый,
Любви, свободы и утѣхъ!
Твой гласъ отрывный, перекаты
Отъ грома къ нѣжности, отъ нѣгъ
Ко плескамъ, трескамъ и перунамъ,
Средь позднихъ, раннихъ красныхъ зарь

Раздавшись неба по лазурямъ,
Въ безмолвіе приводятъ тварь,

Молчитъ пустыня изумленна
И ловитъ громъ твой жадный слухъ;
На крыльяхъ эха раздробленна
Пѣняетъ пѣснь твоя всѣхъ духъ.
Тобой цвѣтущій долъ смѣется,
Дремучій лѣсъ пускаетъ гулъ,
Рѣка бѣгущая чуть льется,
Стоящій холмъ чело нагнулъ.

И, свѣсясь со скалы кремнистой,
Густокудрява мрачна ель
Напѣвъ твой яркій, голосистый
И разсыпную, звонку трель,
Какъ очарованна, внимаетъ;
Не смѣетъ двигнуться луна
И свѣтъ свой слабо ниспускаетъ:
Восторга мысль моя полна!

Какая громкость, живость, ясность
Въ созвучномъ пѣніи твоемъ,
Стремительность, пріятность, каткость
Между колѣнъ и перемѣнъ!
Ты щелкаешь, крутишь, поводишь,
Журчишь и стонешь въ голосахъ;
Въ забвенье души ты приводишь
И отзываешься въ сердцахъ.

О, если бы одну природу
Съ тобою взялъ я въ образецъ,
Воспѣлъ боговъ, любовь, свободу:
Какой бы славный былъ пѣвецъ!
Въ моихъ бы пѣсняхъ жаръ и сила
И чувства были, вмѣсто словъ;
Картину, мысль и жизнь явила
Гармонія моихъ стиховъ.

Тогда бъ, подобно Тимотею,
Въ шатрѣ персидскомъ я возлегъ
И сладкой лирою моею
Царево сердце двигать могъ:
То, вспламеня любовной страстью,
Къ Таисѣ бы его склонялъ;
То, возбудя грозой, напастью,
Копье ему на брань вручалъ.

Тогда бы я между прудами
На мягку мураву возсѣлъ,
И арфы съ тихими струнами
Пріятность сельской жизни пѣлъ;
Тогда бы Нимфа мнѣ внимала,
Боясь въ зерцало водъ взглянуть,
Сквозь дымку бы едва дышала
Ея высока, нѣжна грудь.

Иль, храбрыхъ Россіянъ дѣлами
Плѣнясь бы, духомъ возлеталъ,
Героевъ полкъ подъ облаками
Въ сіяньи звѣздъ я созерцалъ:
О, коль бы ихъ воспѣлъ я сладко,
Гремя поэзіей моей
Отважно, быстро, плавно, кратко,
Какъ ты, о дивный соловей!

LXI. НА КОНЧИНУ БЛАГОТВОРИТЕЛЯ[56].

Прежде неже умрещи. ты,
добро твори другу .. .. и
освяти душу твою, яко нѣсть
во адѣ взыскати сладости.
Сирах. гл. 14, ст. 13,
16, 17.

И ты, нашъ Несторъ долголѣтный!
Нить прервалъ нѣжныхъ чувствъ своихъ;
Сто лѣтъ прошли — и не примѣтны;
Погасло солнце дней твоихъ!

Глава сребрится сѣдинами
И грудь хотя горитъ звѣздами,
Но протекла Невы струя:
Пресѣклась, Бецкой, жизнь твоя.

Пресѣклась жизнь, но справедлива
Хвала твоя не умерла!
Тѣхъ гробъ, тѣхъ персть краснорѣчива,
О коихъ говорятъ дѣла.
Воззримъ ли зданій на громады,
На храмы Музъ, на храмъ Паллады,
На брегъ, на домъ Петровъ, на садъ:
И камни о тебѣ гласятъ!

Но коль живые монументы,
Краснѣйши памятниковъ сихъ,
Которыхъ сгладить элементы
Не могутъ дланью силъ своихъ,
Я вижу! Вижу въ человѣкахъ,
Въ различныхъ состояньяхъ, лѣтахъ,
Ты сколько обязалъ сердецъ!
Коликихъ счастья былъ творецъ!

Тамъ зодчій зиждетъ храмъ молитвы,
Каменосѣчецъ—царскій зракъ,
Геройски живописецъ битвы
Одушевляетъ на стѣнахъ;
Тамъ жены, дѣвы благонравны
Одежды въ даръ шьютъ домотканны
Мужьямъ и женихамъ своимъ,
И вѣрностью гордятся къ нимъ.

А тамъ, изъ праха извлеченный,
Чужую грудь младенецъ пьетъ;
Убогій, нуждами стѣсненный,
Открытую казну беретъ:
Согбенны старцы и вдовицы,
Питаясь отъ твоей десницы,

Отцомъ своимъ тебя зовутъ,
И слезы о тебѣ всѣ льютъ.

Льютъ огнь сердецъ, и ты достоинъ,
Другъ человѣковъ, жертвы сей!
Мой лирный гласъ тебѣ настроенъ,
Чтобъ доблести воздать твоей:
Да имя, столь намъ драгоцѣнно,
Пребудетъ ввѣкъ благословенно,
И въ Россахъ да не умрешь ты,—
Еще произрастишь цвѣты

И болѣе плоды прекрасны,
Чѣмъ тѣ, ты кои самъ вкушалъ,
Когда художества изящны
И воспитанье насаждалъ;
Чтобъ въ родъ великія картины
Петровыхъ дѣлъ, Екатерины,
Отъ мраморовъ пускали шумъ
И двигли къ размышленью умъ!

На колесницѣ лучезарной
Когда надменный Фаэтонтъ,
Летя стезей небесъ янтарной,
На землю сыплетъ и на понтъ
Кровавы искры по аэру,
Гремитъ, трясетъ возжженну сферу
И звучнымъ буйствомъ таковымъ
Вьетъ вихремъ за собою дымъ:

Тогда мужъ мудрый, благотворный,
Кротчайшу славу возлюбя,
На трудъ полезный, благородный
Свою всю жизнь употребя,
Сиротъ, науки лобызаетъ,
Приличнѣй жертвы посвящаетъ,
Чѣмъ горды божеству мечты:
Лучъ милости былъ, Бецкой, ты!

Кто въ браняхъ лилъ потоки крови,
Кто грады въ прахъ преобращалъ,—
Ты, милосердья полнъ, любови,
Спасалъ, хранилъ, училъ, питалъ;
Кто блескъ любилъ,—ты устранялся;
Кто богатѣлъ,—ты ущедрялся;
Кто расточалъ,—ты жизнь берегъ;
Кто для себя,—ты жилъ для всѣхъ.

Сіе сравненье безпристрастно
Пускай прочтетъ твой самый врагъ,
Увидитъ зрѣлище прекрасно
Въ твоихъ преклонныхъ даже дняхъ:
Какъ огнь лампады ароматный,
Горѣлъ, погасъ, пустилъ пріятный
Вкругъ запахъ ты. Послѣдній вздохъ
И мысль твоя --щедротъ былъ Богъ.

Но коль несчастны человѣки,
Неблагодаренъ смертныхъ родъ!
То всѣ доказываютъ вѣки,
Что лишь за громомъ громъ идетъ.
Увы! когда въ предѣлахъ свѣта
Убійцъ бываетъ слава пѣта,
Тогда забытъ отецъ семействъ!
Исторія есть цѣпь злодѣйствъ.

Почій покойно, персть почтенна!
Мірская слава только дымъ;
Небесна истина священна
Надъ гробомъ вопіетъ твоимъ:
„О смертные! добро творите·
И души ваши освятите,
Доколѣ не прешли сей свѣтъ;
Безъ добрыхъ дѣлъ блаженства нѣтъ“.

LXII. ПРИНОШЕНІЕ МОНАРХИНѢ[57].

Что смѣлая рука Поэзіи писала,
Какъ Бога, истину, Фелицу во плоти
И добродѣтели твои изображала,
Дерзаю къ твоему престолу принести,
Не по достоинству изящнѣйшаго слога,
Но по усердію къ тебѣ души моей.
Какъ жертву чистую, возженную для Бога,
Прими съ небесною улыбкою твоей,
Прими и освяти твоимъ благоволеньемъ,
И Музѣ будь моей подпорой и щитомъ,
Какъ мнѣ была и есть ты отъ клеветъ спасеньемъ.
Да веселясь она и съ бодрственнымъ челомъ,
Пойдетъ сквозь тьму временъ и станетъ средь потомковъ,
Суда ихъ не страшась, твои хвалы вѣщать;
И алчный червь когда, межъ гробовыхъ обломковъ,
Оставшій будетъ прахъ костей моихъ глодать:
Забудется во мнѣ послѣдній родъ Багрима [a],
Мой вросшій въ землю домъ никто не посѣтитъ;
Но лира коль моя въ пыли гдѣ будетъ зрима
И древнихъ струнъ ея гдѣ голосъ прозвенитъ,
Подъ именемъ твоимъ громка она пребудетъ;
Ты славою,—твоимъ я эхомъ буду жить.
Героевъ и пѣвцовъ вселенна не забудетъ:
Въ могилѣ буду я, но буду говорить.

LXIII. ХАРИТЫ [b].

По слѣдамъ Анакреона
Я хотѣлъ воспѣть Харитъ.
Фебъ во гнѣвѣ съ Геликона
Мнѣ предсталъ и говоритъ:
„Какъ! и ты уже небесныхъ
Дѣвъ желаешь воспѣвать?
Столько прелестей безсмертныхъ

Хочетъ смертный описать!
Но бывалъ ли на высокомъ
Ты Олимпѣ у боговъ?
Обнималъ ли бреннымъ окомъ
Ты веселье ихъ пировъ?
Видѣлъ ли Харитъ предъ ними,
Какъ подъ звукъ пріятныхъ лиръ
Плясками онѣ своими
Восхищаютъ горній міръ;
Какъ съ протяжнымъ, тихимъ тономъ
Важно павами плывутъ;
Какъ съ веселымъ, быстрымъ звономъ
Голубками воздухъ вьютъ;
Какъ вокругъ онѣ спокойно
Величавый мещутъ взглядъ;
Какъ ихъ всѣ движенья стройно
Взору, сердцу говорятъ?
Какъ хитоны ихъ эфирны,
Льну подобные власы,
Очи свѣтлыя, сафирны,
Помрачаютъ всѣхъ красы?
Какъ богини всѣмъ соборомъ
Признаютъ: имъ равныхъ нѣтъ.
И Минерва важнымъ взоромъ
Улыбается имъ вслѣдъ?
Словомъ, видѣлъ ли картины,
Непостижныя уму?“ —
„Видѣлъ внукъ Екатерины“,
Я отвѣтствовалъ ему.
Богъ Парнасса усмѣхнулся;
Давъ мнѣ лиру, отлетѣлъ.
Я струнамъ ея коснулся
И младыхъ Харитъ воспѣлъ.

LXIV. НА ТЩЕТУ ЗЕМНОЙ СЛАВЫ [59].

Услышьте всѣ, живущи въ мірѣ,
Убогихъ и богатыхъ сонмъ,
Ходящи въ рубищѣ, въ порфирѣ,
Склонитеся ко мнѣ челомъ!
Языкъ мой истину вѣщаетъ,
Премудрость сердце говоритъ;
Что свыше духъ святый внушаетъ,
Моя то лира днесь звучитъ.

Не убоюсь во дни я злые,
Коль сильный гнать меня начнетъ,
Опершись на столбы златые,
Богатствъ пятой меня попретъ;
Въ день лютъ—братъ брату не спасенье,
Не замѣнитъ души душой;
У смерти тщетно искупленье,
Цѣны нѣтъ жизни никакой.

Пускай же князи процвѣтаютъ,
Не чая гибели своей;
Но коль и мудры умираютъ
И погребаются землей
Равно съ безумцами вседневно:
За гробомъ долженъ всякъ своимъ
Свой санъ, сокровище безцѣнно,
Оставить по себѣ другимъ.

Ахъ, тщетно смертны мнятъ въ надменьѣ,
Что ввѣкъ ихъ зданья не падутъ;
Что титлъ и славы расширенье
Потомки въ надписяхъ почтутъ.
Увы! вся власть и честь земная
Минуетъ съ нами, будто тѣнь:
Затмитъ лишь солнце тма нощная,
Гдѣ звукъ? гдѣ блескъ? гдѣ свѣтлый день?

Гдѣ скиптръ,—коль только добродѣтель
Не освѣщала жизни путь,
И хвалъ тщеславье лишь содѣтель,
По насъ которыя поютъ?
Ахъ! глупому равны мы стаду,
Косой что гонитъ къ гробу Смерть:
Въ ней праведникъ одинъ въ награду
Удобенъ утро жизни зрѣть.

Не вѣчно бездна духъ обыметъ,
Но онъ ее переживетъ.
Господь мою какъ душу приметъ
И облечетъ безсмертья въ свѣтъ:
Воззритъ она на долгоденство
Тогда, безъ зависти, того,
Кто честь, богатство, благоденство
Умножилъ дому своего.

По смерти не возьметъ съ собою
Никто вещей своихъ драгихъ;
Блаженный жизнью здѣсь святою
Блажится межъ духовъ благихъ;
А если здѣсь не освятится
И въ злобѣ вѣкъ свой проведетъ,
Между благими не вселится,
Его не облистаетъ свѣтъ.

Отъ нашей воли то зависитъ,
Чтобъ здѣсь и тамъ блаженнымъ быть,
Себя унизить иль возвысить,
Погребсть во тмѣ иль освѣтить.
На высшей степени мы власти
Свою теряемъ высоту:
Въ порочныя упадшій страсти
Подобенъ человѣкъ скоту.

LXV. НА РОЖДЕНІЕ ЦАРИЦЫ ГРЕМИСЛАВЫ.

Л. А. НАРЫШКИНУ [60].

Живи и жить давай другимъ,
Но только не на счетъ другого;
Всегда доволенъ будь своимъ,
Не трогай ничего чужого:
Вотъ правило, стезя прямая
Для счастья каждаго и всѣхъ!

Нарышкинъ! коль и ты привѣтствомъ
Къ веселью всѣмъ твой домъ открылъ,
Такимъ любезнымъ, скромнымъ средствомъ
Богатыхъ съ бѣдными сравнилъ:
Прехвальна жизнь твоя такая.
Блаженъ творецъ людскихъ утѣхъ!

Пускай богачъ тамъ, по разсчету
Назнача день, зоветъ гостей,
Златой родни, кліентовъ роту
Прибавитъ къ пышности своей;
Пускай они, предъ нимъ ставъ строемъ,
Кадятъ, вздыхаютъ—и молчатъ.

Но мнѣ пріятно тамъ откушать,
Гдѣ дружескій, незванный столъ;
Гдѣ можно говорить и слушать
Тара-бара про хлѣбъ и соль;
Гдѣ гость хозяина покоемъ,
Хозяинъ гостемъ дорожатъ;

Гдѣ скука и тоска забыта,
Семья учтива, не шумна;
Важна хозяйка, домовита [a],
Досужа, ласкова, умна;
Гдѣ лишь пріязнью, хлѣбосольствомъ
И взоромъ ищутъ угождать.

Что нужды мнѣ, кто по паркету
Подъ часъ и кубари спускалъ [b],
Смотрѣлъ въ толкучемъ рынкѣ свѣту,
Народны мысли замѣчалъ
И могъ при случаѣ посольствомъ,
Перомъ и шпагою блистать [c]!

Что нужды мнѣ, кто, все зефиромъ
Съ цвѣтка лишь на цвѣтокъ летя,
Доволенъ былъ собою, міромъ,
Шутилъ, рѣзвился, какъ дитя;
Но если онъ съ столь легкимъ нравомъ
Всегда былъ добрый человѣкъ,

Всегда жилъ весело, пріятно
И не гонялся за мечтой;
Жалѣлъ о тѣхъ, кто жилъ развратно,
Плясалъ и самъ подъ тонъ чужой:
Хвалю тебя,—ты въ смыслѣ здравомъ
Пресчастливо провелъ свой вѣкъ.

Какой театръ, какъ всю вселенну,
Ядущихъ и ядому тварь,
За твой я вижу столъ вмѣщенну,
И ты сидишь, какъ сирскій царь,
Въ соборѣ цѣлыя природы,
Въ семьѣ твоей—какъ Авраамъ!

Оставя короли престолы
И ханы у тебя гостятъ [d];
Киргизцы, Нѣмчики, Моголы
Салму и соусы ѣдятъ:
Какіе разные народы,
Языкъ, одежда, лица, станъ!

Какой предметъ, какъ на качеляхъ
Предъ домъ твой соберется чернь,
На свѣтлыхъ праздничныхъ недѣляхъ,

Вертится въ воздухѣ весь день!
Покрыта площадь пестротою,
Чепцовъ и шапокъ милліонъ!

Какой восторгъ!—Какъ все играетъ,
Все скачетъ, пляшетъ и поетъ,
Все въ улицѣ твоей гуляетъ,
Кричитъ, смѣется, ѣстъ и пьетъ!
И ты, народной сей толпою
Такъ веселъ, гордъ, какъ Соломонъ!

Блаженъ и мудръ, кто въ ближнихъ ставитъ
Блаженство купно и свое,
Свою по вѣтру лодку правитъ,
И непорочно житіе
О камень золъ не разбиваетъ
И къ пристани безъ бурь плыветъ!

Левъ именемъ—звѣриный царь,
Ты родомъ—богатырь, сынъ барскій;
Ты сердцемъ—стольникъ, хлѣбодаръ;
Ты должностью—конюшій царскій;
Твой домъ утѣхой расцвѣтаетъ,
И всякъ подъ тѣнь его идетъ.

Идутъ прохладой насладиться,
Музыкой душу напитать;
То тѣмъ, то сѣмъ повеселиться,
Въ бостонъ и въ шашки поиграть;
И словомъ, радость всю, забаву
Столицы ты къ себѣ вмѣстилъ.

Бывало, даже сами боги,
Наскуча жить въ своемъ раю,
Оставя радужны чертоги,
Заходятъ въ храмину твою [e]:
О! если бъ ты и Гремиславу
Къ себѣ царицу заманилъ,

И ей въ забаву, хоть тихонько,
Осмѣлился въ ушко сказать:
„Кто вѣкъ провелъ столь славно, громко [f],
Тотъ можетъ въ праздникъ погулять
И зрѣть людей блаженныхъ чувство
Въ ея пресвѣтло рождество!“

Въ цвѣтахъ другой нѣтъ розы въ мірѣ:
Такой царицы міръ не зритъ!
Любовь и власть въ ея порфирѣ
Благоухаетъ и страшитъ.
Такъ знаетъ царствовать искусство
Лишь въ Гремиславѣ — божество.

LXVI. НА КОНЧИНУ ГРАФА ОРЛОВА [61].

Что слышу я? Орёлъ изъ стаи той высокой,
Котора въ воздухѣ плыла
Впереди Минервы свѣтлоокой,
Когда она съ Олимпа шла,—
Орелъ, который надъ Чесмою
Предъ флотомъ Россіянъ леталъ,
Внезапно роковой стрѣлою
Сраженный, съ высоты упалъ!

Увы! гдѣ, гдѣ его подъ солнцемъ днесь паренье?
Гдѣ по морямъ его слѣды?
Гдѣ бурно громовъ устремленье
И пламенны межъ тучъ бразды?
Гдѣ быстрыя всезрящи очи
И грудь, отважности полна?
Все, все сокрылъ мракъ вѣчной ночи:
Осталась слава лишь одна!

LXVII. НА ПОКОРЕНІЕ ДЕРБЕНТА [62].

Герой, который мной воспѣтъ,
Что счастья надѣленъ рукою
И храбростью, и красотою
Въ любви и въ брани для побѣдъ!
Уже ты днесь не по фортунѣ,
По подвигамъ твоимъ почтенъ.

Едва оставилъ ты гражданъ,
Привязанныхъ къ тебѣ любовью,
Ужъ мечъ твой обагрился кровью
Противныхъ Россамъ Персіянъ;
Но гордый врагъ простеръ лишь выю,
Ты подарилъ ему животъ!

Екатеринины лучи
Умножилъ ты побѣдой новой;
Славнѣе тѣмъ вѣнецъ лавровой,
Что взялъ Петровы ты ключи.
Въ столѣтнемъ старцѣ Дарій зрится [a],
А юный Александръ—въ тебѣ!

О радость! се валятъ ужъ къ намъ
Слоны, богатствомъ нагруженны,
Коврами Инда покровенны [b]!
Народъ по стогнамъ, по домамъ!
Сребро и золото лієтся,
Какъ съ неба благотворный дождь!

Но знай: какъ свѣтлый метеоръ,
Такъ блескъ тріумфовъ пролетаетъ:
Почти тогда жъ и исчезаетъ,
Коль скоро удивляетъ взоръ;
А добродѣтели святыя,
Какъ въ небѣ звѣзды, вѣкъ горятъ.

Но кто перунъ небесъ несетъ
И вдохновенъ душой Беллоны [c],

Кому чертежъ даютъ Платоны
И кротости кто вслѣдъ идетъ,—
Тотъ можетъ многими путями
Войти безсмертія во храмъ.

LXVIII. НА КРЕЩЕНІЕ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА [63].

Блаженная Россія!
Среди твоихъ чудесъ
Отъ высоты святыя
Еще залогъ небесъ
Прими и веселися,
Сугубымъ блескомъ освѣтися!

Се нынѣ Духъ Господень
На отрока сошелъ;
Прекрасенъ, благороденъ
И, какъ заря, расцвѣлъ
Онъ въ пеленахъ лучами:
Дитя равняется съ царями.

Родителямъ по крови,
По сану--исполинъ;
По благости, любови,
Полсвѣта властелинъ:
Онъ будетъ, будетъ славенъ,
Душой Екатеринѣ равенъ.

LXIX. ПОТОПЛЕНІЕ [64].

Изъ-за облакъ мѣсяцъ красный
Всталъ и смотрится въ рѣкѣ;
Сквозь туманъ и мракъ ужасный
Путникъ ѣдетъ въ челнокѣ.

Блескъ луны предъ нимъ сверкаетъ;
Онъ гребетъ чрезъ волнъ и тьму;
Мысль веселье воображаетъ;
Берегъ видится ему.

Но челнокъ вдругъ погрузился;
Путникъ мрачну пьетъ волну;
Сколь ни силился, ни бился,
Камнемъ внизъ пошелъ ко дну.

Се видъ жизни скоротечной!
Сколь надежда намъ ни льсти,
Всѣ потонемъ въ жизни вѣчной...
Дружба и любовь, прости!

LXX. ПОБѢДА КРАСОТЫ [65].

Какъ храмъ ареопагъ Палладѣ,
Нептуна презря, посвятилъ,
Притекъ къ аѳинской левъ оградѣ
И ревомъ городу грозилъ.

Она копья непобѣдима
Ко ополченью не взяла,
Противу льва неукротима
Съ Олимпа Геву призвала.

Пошла—и подъ оливой стала,
Блистая легкою броней;
Младую Нимфу обнимала,
Сидящую въ тѣни вѣтвей.

Левъ шелъ—и подъ его стопою
Приморскій влажный брегъ дрожалъ;
Но, встрѣтясь вдругъ со красотою,
Какъ солнцемъ пораженный, сталъ.

Вздыхалъ и палъ къ ногамъ левъ сильный,
Прелестну руку лобызалъ,
И чувства кроткія, умильны
Въ сверкающихъ очахъ являлъ.

Стыдлива дѣва улыбалась,
На молодаго льва смотря;
Кудрявой гривой забавлялась
Сего звѣринаго царя.

Минерва мудрая познала
Его родящуюся страсть,
Цвѣточной цѣпью привязала
И отдала любви во власть.

Не разъ потомъ уже случалось,
Что умъ смирялъ и ярость львовъ;
Красою мужество сражалось,
И побѣждала все—любовь.

LXXI. НАДГРОБІЕ ШЕЛЕХОВУ [66].

Колумбъ здѣсь росскій погребенъ:
Преплылъ моря, открылъ страны безвѣстны;
Но зря, что все на свѣтѣ тлѣнъ,
Направилъ паруса во океанъ небесный.

LXXII. КРЕЗОВЪ ЭРОТЪ [67].

Я у Креза зрѣлъ Эрота:
Онъ расплакавшись сидѣлъ
Среди мраморнаго грота,
Окруженный лѣсомъ стрѣлъ.

Пустъ колчанъ былъ, лукъ изломанъ,
Опущенна тетива,
Факелъ хладомъ околдованъ,
Чуть струилась синева.

„Что, сказалъ я, такъ слезами
Льется сей крылатый богъ?
Иль толикими стрѣлами
Въ сердце чье попасть не могъ?

Иль его безсиленъ пламень?
Тщетенъ токъ опасныхъ слезъ“?
Ахъ! нашла коса на камень:
Знать, любить не можетъ Крезъ.

LXXIII. ПЧЕЛКА.

Пчелка златая,
Что ты жужжишь?
Все вкругъ летая,
Прочь не летишь?
Или ты любишь
Лизу мою?

Соты ль душисты
Въ желтыхъ власахъ,
Розы ль огнисты
Въ алыхъ устахъ,
Сахаръ ли бѣлый
Грудь у нея?

Пчелка златая,
Что ты жужжишь?
Слышу, вздыхая,
Мнѣ говоришь:
„Къ меду прилипнувъ,
„Съ нимъ и умру.

LXXIV. ПАМЯТНИКЪ.

Я памятникъ себѣ воздвигъ чудесный, вѣчный;
Металловъ тверже онъ и выше пирамидъ:

Ни вихрь его, ни громъ не сломитъ быстротечный
И времени полетъ его не сокрушитъ.

Такъ!—весь я не умру; но часть меня большая,
Отъ тлѣна убѣжавъ, по смерти станетъ жить,
И слава возрастетъ моя, не увядая,
Доколь Славяновъ родъ вселенна будетъ чтить.

Слухъ пройдетъ обо мнѣ отъ Бѣлыхъ водъ до Черныхъ,
Гдѣ Волга, Донъ, Нева, съ Рифея льетъ Уралъ;
Всякъ будетъ помнить то въ народахъ неисчетныхъ,
Какъ изъ безвѣстности я тѣмъ извѣстенъ сталъ,

Что первый я дерзнулъ въ забавномъ русскомъ слогѣ
О добродѣтеляхъ Фелицы возгласить,
Въ сердечной простотѣ бесѣдовать о Богѣ
И истину царямъ съ улыбкой говорить.
О Муза! возгордись заслугой справедливой
И, презритъ кто тебя, сама тѣхъ презирай;
Непринужденною рукой, неторопливой,
Чело твое зарей безсмертія вѣнчай.

LXXV. НАДГРОБНАЯ ИМПЕРАТРИЦѢ ЕКАТЕРИНѢ II[68]

Россія! се Екатерина,
Владычица твоя и мать!
Ея вселенной половина
Души не возмогла вмѣщать.
Се въ гробѣ образецъ царей!
Рыдай... рыдай... рыдай о ней.

Се та, что духъ вливала славы,
Героевъ сотворить могла,
Жестокіе смягчала нравы
И ангелъ во плоти была!
Се въ гробѣ образецъ царей!
Рыдай... рыдай... рыдай о ней.

Се та, что сгибъ сердецъ всѣхъ знала,
Пленяла маніемъ очесъ,
Законы подданнымъ писала,
Европѣ судъ и перевѣсъ!
Се въ гробѣ образецъ царей!
Рыдай... рыдай... рыдай о ней.

Се та, что скипетръ самовластья
Щедротой знала позлащать,
Свободу въ жизни, сладость счастья
Всѣмъ состояньямъ проливать!
Се въ гробѣ образецъ царей!
Рыдай... рыдай... рыдай о ней.

Се та, что и въ врагахъ почтенье
Къ себѣ умѣла возбудить,
Въ друзьяхъ любовь и обоженье,
А вообще весь міръ дивитъ!
Се въ гробѣ образецъ царей!
Рыдай... рыдай... рыдай о ней.

LXXVI. ЭПИТАФІЯ ЕКАТЕРИНѢ II.

Сія гробница той ковчегомъ мрачнымъ стала,
Которыя вѣнецъ, какъ солнца лучъ, горѣлъ,
Души—Россія не вмѣщала,
А славѣ—вѣчность лишь предѣлъ.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1 Имя Всемила, подобное всѣмъ искусственнымъ именамъ, которыя составлялись въ былое время нашими писателями, употреблялось въ литературѣ вѣроятно и прежде Державина; но оно стало встрѣчаться въ ней особенно послѣ изданія сочиненій его въ 1808 г., напр. въ повѣсти Миловзоръ г-жи Новоперовой и въ балладѣ Грамматина: Усладъ и Всемила.

2 Старѣйшее изъ всѣхъ изданныхъ стихотвореній Державина на подобный предметъ.

a—Отвсюду Божій внукъ, бичъ царствъ земныхъ, темнѣетъ.

Божій внукъ—такъ называли себя нѣкоторые султаны (Пам. отеч. м.).

b—Голицынъ—князь Александръ Михайловичъ, который въ началѣ войны былъ назначенъ главнокомандующимъ первой дѣйствующей арміи, но вскорѣ отозванъ; такъ какъ однакожъ онъ между тѣмъ взялъ Хотинъ (9 Сентября 1769 г.), то Екатерина пожаловала его фельдмаршаломъ.

c—Смыслъ тотъ, что взятіе Бендеръ можетъ привести потомство въ сомнѣніе, дѣйствительно ли такой подвигъ совершенъ человѣкомъ, а не полубогомъ.

d—Долгоруковъ—князь Василій Михайловичъ, прозванный Крымскимъ. Онъ покорилъ Крымъ въ двѣ недѣли, съ 15 по 29 Іюня 1771 г.

e—т. е. рукою Орлова возстань, Грецiя, поверженная Турками. Иначе слова: орляя рука не имѣли бы смысла. Стихъ этотъ замѣчателенъ какъ выраженіе политической мечты, именно тогда пробудившейся въ умѣ Екатерины и долго потомъ ее занимавшей.

3 Генералъ-аншефъ Александръ Ильичъ Бибиковъ былъ посланъ, въ концѣ 1773 года, въ Казань для усмиренія Пугачевскаго бунта. Дождавшись тамъ войска и окончивъ нужныя распоряженія, онъ отправился въ Оренбургъ, но на пути занемогъ отъ чрезмѣрныхъ напряженій и умеръ въ Бугульмѣ 9 Апрѣля 1774, 44-хъ лѣтъ отъ роду. Державинъ, котораго онъ передъ отъѣздомъ изъ Петербурга принялъ къ себѣ на службу, находился въ то время, по его порученію, около Саратова и, сильно пораженный неожиданною вѣстью о кончинѣ любимаго начальника, написалъ эти стихи.

Окончательная редакція этой оды относится къ 1790-мъ годамъ: въ рукописи этого времени настоящая ода помѣщена еще безъ большихъ перемѣнъ; но на поляхъ, рукою И. И. Дмитріева, написаны многіе стихи, а мѣстами и цѣлыя строфы ея вновь, болѣе гладкимъ языкомъ. Однакожъ Державинъ послѣ передѣлалъ большую часть оды иначе, принявъ только нѣкоторыя изъ

предложенныхъ ему перемѣнъ. Любопытно видѣть, какъ Дмитріевъ поправлялъ Державина, и какъ послѣдній смотрѣлъ на эти поправки.

a—«Онъ былъ охотникъ до наукъ, особливо до стихотворства, и подъ особливымъ его попеченіемъ была въ измайловскомъ полку школа, изъ коей многіе вышли съ талантами люди».

b—Произвольно составленное слово облегшися, въ смыслѣ опершись, употреблено также, но съ другимъ удареніемъ, во 2-мъ стихѣ оды Ключъ (см. подъ 1779 годомъ). Впрочемъ, въ одной рукописи оды на смерть Бибикова мы находимъ: облокотясь; въ другой: тамъ опершись.

c—«Въ Минервѣ подразумѣвается императрица» (Об. Д.) Многіе давали Екатеринѣ это названіе: и Вольтеръ въ 1769 г. сказалъ ей въ стансахъ, написанныхъ по случаю взятія Хотина:

«O Minerve du Nord! ô toi, soeur d'Apollon!»
(Oeuvres de Voltaire, изд. Beuchot, т. XII, стр. 544).

d—«Симъ подразумѣвается печальная по немъ супруга» (Об. Д.).

e—Изъ этого стиха видно, что по тогдашнимъ понятіямъ Державина стихи элегическаго содержанія легче всякихъ другихъ могли обойтись безъ рѳмы.

f—«Онъ со славою служилъ въ прусскую семилѣтнюю войну и взялъ генерала Вернера въ плѣнъ; въ Польшѣ съ успѣхомъ начальствовалъ противъ конфедератовъ въ 1772 и 73» (Об. Д.).

g—«Умирая говорилъ онъ: Не жалѣю о дѣтяхъ и женѣ: государыня призритъ ихъ; жалѣю объ отечествѣ» (Пушкинъ, въ концѣ главы V-й Ист. Пуг. бунта).

h—Бибиковъ умеръ весною. Державинъ находился тогда въ степяхъ, гдѣ, какъ онъ объясняетъ при Читалагайскихъ одахъ, нѣкоторые труженики надѣли волосяныя рубахи, наложили на себя постъ и молились о душѣ усопшаго.

j—По смерти Бибикова власть новаго главнокомандующаго, князя Щербатова, была ограничена; въ дѣйствіяхъ начальниковъ не было единодушія, и Пугачевъ опять усилился.

k—Фридрихъ II очень уважалъ Бибикова какъ полководца, и во время польской кампаніи изъявлялъ ему желаніе увидѣться съ нимъ.

l—У Римлянъ ставили гробницы при дорогахъ, чтобы чаще напоминать живымъ объ умершихъ; такъ произошло выраженіе: Sta, viator! Эту форму обращенія въ эпитафіи новые поэты переняли у древнихъ такъ же неосновательно, какъ и многое другое.

m—По свидѣтельству составителя Записокъ о жизни и службѣ Бибикова (стр. 322) и по замѣчанію Пушкина (Примѣч. 19 къ гл. V Ист. Пуг. бунта), эту строфу предполагалось вырѣзать на гробницѣ Бибикова.

4 Это стихотвореніе и слѣдующее за нимъ были написаны по тому поводу, что тогда изготовлялась Фальконетомъ статуя Петра Великаго, окончательно отлитая въ 1777 году, и безъ сомнѣнія въ Петербургѣ было много толковъ по этому обстоятельству.

a—Писатели восемнадцатаго вѣка часто употребляли слово: правы въ смыслѣ: законы.

5 Написано по поводу пикниковъ, которые бывали у Мельгунова на принадлежавшемъ ему, нынѣ Елагиномъ островѣ, и въ которыхъ Державинъ также принималъ участіе.

Островъ этотъ назывался въ то время Мишинымъ (Зап. Порошина, стр. 342) или Мельгуновскимъ: онъ вначалѣ былъ дачею вице-канцлера Шафирова, а потомъ графа Ягужинскаго. Послѣ Мельгунова владѣлъ имъ оберъ-гофмейстеръ Иванъ Перфильевичъ Елагинъ. Въ собственность императорской фамиліи пріобрѣтенъ онъ отъ графа Григорія Владиміровича Орлова, при Александрѣ I.

6 Эта пьеса находится уже въ старѣйшей рукописи Державина (1776 г.) подъ заглавіемъ: Остроуміе; но окончательно она была отдѣлана для Собесѣдника и явилась въ Ш ч. этого журнала (1783, стр. 115) съ подписью: Х. Х****.

По поводу этихъ стиховъ Добролюбовъ говоритъ: «Отъ безсилія передъ вопросами, требующими серіознаго размышленія и положительныхъ знаній, развился въ то время и остался, кажется, надолго въ употребленіи у полузнаекъ особенный родъ остроумія, который хорошо очерченъ въ стихахъ г. Х. Х****. Нечего говорить о томъ», замѣчаетъ черезъ нѣсколько страницъ тотъ же авторъ, «каковъ долженъ былъ сдѣлаться въ жизни человѣкъ, потерявшій всякій страхъ передъ какимъ-нибудь судомъ внѣшнимъ и не имѣющій благородства внутренняго. Самый грубый, самый гадкій эгоизмъ дѣлался пружиной для всѣхъ дѣйствій, и—распложались люди такого рода, какіе описаны въ стихахъ Модное остроуміе».

а—Здѣсь слово случай употреблено въ смыслѣ успѣха, силы при дворѣ.

7 Она была положена на музыку придворнымъ «гуслистомъ» Трутовскимъ и сдѣлалась въ публикѣ любимою пѣснею, особливо на дружескихъ пирахъ (Об. Д.).

а—Макао—карточная игра, бывшая тогда въ модѣ.

b—т. е. кружка, пѣнящаяся пивомъ, съ грепками. «У гражданъ гулякъ обыкновенная пріятельская попойка изъ старинныхъ серебряныхъ кружекъ, наполненныхъ сушенымъ хлѣбомъ съ лимонною коркою и налитыхъ пополамъ англійскимъ и рускимъ виномъ» (Об. Д.).

8 Написано на сговоръ Державина съ первой женой его, Екатериной Яковлевной Бостидонъ, отецъ которой, по происхожденію португалецъ, былъ прежде камердинеромъ императора Петра Ш, а мать кормилицей великаго князя Павла Петровича. Екатерина Яковлевна родилась 8 ноября 1760; Державинъ вѣнчался съ нею 18 апрѣля 1778; умерла же она 15 іюля 1794 года.

9 Успокоенное невѣріе появилось незадолго до тѣхъ пьесъ, которыя въ С.-Петербургскомъ Вѣстникѣ обратили на себя общее вниманіе: въ сентябрѣ напечатана была ода На смерть князя Мещерскаго, въ октябрѣ Ключъ и т. д.

а—Поэтъ говоритъ тутъ, конечно не отъ собственнаго своего лица, а отъ лица человѣка вообще: когда онъ писалъ эти стихи, ему было уже 36 лѣтъ.

10 Написано въ похвалу Хераскова, вѣроятно, по поводу появленія его Россіяды: статья объ этой поэмѣ помѣщена въ августовской книжкѣ С.-Петербургск. Вѣстника 1779 г. (ч. IV, стр. 124), а ода Ключъ напечатана въ этомъ журналѣ въ октябрѣ того же года (ч. IV, стр. 267). Ключъ, къ которому обращается Державинъ, находился въ Гребеневѣ, подмосковномъ имѣніи Хераскова, въ то время куратора московскаго университета. Державинъ, знакомый съ Херасковымъ еще въ 1775 году, конечно, бывалъ не разъ въ Гребеневѣ и, можетъ быть, еще осенью 1778, когда ѣхалъ съ женою въ Казань.

Идею для этой пьесы могла подать ему ода Горація Къ ключу Бандузіи (кн. Ш, ода 13, см. Оды Горація въ переводѣ г. Фета, стр. 86), которую онъ долженъ былъ знать по нѣмецкому переводу Рамлера. Впослѣдствіи она была переведена у насъ Бобровымъ (Моск. журналъ 1792, ч. VII, стр. 111).

а—Лучшая эпиграмма на Хераскова отпущена Державинымъ безъ умысла въ одѣ Ключъ.—Вода стихотворства, говоря о поэзіи Хераскова, выраженіе удивительно вѣрное и забавное! (Кн. Вяземскій, Сѣв. Цвѣты на 1827 г., стр. 157). Но Державинъ думалъ о Касталькомъ ключѣ.

11 Подъ «порфироднымъ отрокомъ» разумѣется великій князь Александръ Павловичъ, родившійся 12 декабря 1777 года, «въ день, когда солнце»,

замѣчаетъ Державинъ (Об.), «оборачивается на весну». На это событіе онъ тогда же сочинилъ оду въ Ломоносовскомъ вкусѣ; но находя, что она не соотвѣтствуетъ его собственному дарованію, онъ ее уничтожилъ и потомъ написалъ эти стихи, которые самъ онъ называетъ «аллегорическимъ сочиненіемъ» (Об.).

a—Впослѣдствіи Державинъ гордился тѣмъ, что въ этихъ стихахъ онъ предугадалъ будущее.

12 О князѣ Александрѣ Ивановичѣ Мещерскомъ извѣстно очень не многое. Изъ Записокъ Порошина (напр. стр. 16) видно, что онъ, какъ президентъ главнаго магистрата въ Петербургѣ, 1764 и 1765 годахъ иногда являлся къ великому князю Павлу и представлялъ ему петербургскихъ купцовъ съ хлѣбомъ солью.

Мещерскій и Перфильевъ любили роскошную жизнь и хлѣбосольство. Державинъ познакомился съ ними вскорѣ послѣ Пугачевщины, когда онъ, возвратясь изъ командировки, поселился опять въ Петербургѣ и сдѣлался вхожъ во многіе знатные дома (Записки его, Русск. Бес., стр. 116). Онъ бывалъ на пышныхъ пирахъ Мещерскаго и, вдругъ услышавъ о его смерти, выразилъ свое впечатлѣніе въ этой одѣ, посвященной другу умершаго, Перфильеву. Здѣсь въ первый разъ талантъ Державина обнаружился съ замѣчательнымъ блескомъ. И. И. Дмитріевъ, какъ онъ самъ разсказывалъ графу Д. Н. Блудову, былъ такъ пораженъ этими стихами, когда прочиталъ ихъ въ журналѣ, что пожелалъ узнать имя неподписавшагося автора. Вскорѣ послѣ того ему дѣйствительно удалось видѣть Державина; но лично они еще довольно долго не были знакомы (Ср. Записки Дмитріева, Москвит. 1842, № 1, стр. 150).

Основная мысль этой оды, грозное владычество Смерти, встрѣчается часто у Горація. Самое извѣстное мѣсто, которому подражали во всѣхъ литературахъ, находится въ 4-й одѣ I-й книги (къ Секстію):

Pallida mors aequo pulsat pede pauperum tabernas
Regumque turres.

Въ переводѣ г. Фета: «Смерть блѣдная равно стучитъ своей пятою
Въ лачуги бѣдняковъ и терема царей».

Ср. также у Горація оды 3 и 18 во II-й книгѣ.

Узрѣлъ я только сей лишь свѣтъ.

Мысль эта была нерѣдко разрабатываема европейскими поэтами семнадцатаго и восемнадцатаго столѣтія; но едва ли кто другой развилъ ее въ такихъ яркихъ образахъ, какъ Державинъ.

a—Здѣсь поэтъ обращается не къ погребальному звону колокола, какъ нѣкоторые думаютъ, а къ бою часовъ. Иначе выраженія: глаголъ временъ и твой стонъ приближаетъ меня къ гробу не имѣли бы основанія. Словомъ стонъ Державинъ не въ одномъ этомъ мѣстѣ означаетъ звукъ хода часовъ.

b—По мнѣнію А. Д. Галахова, Державинъ подражалъ здѣсь одному мѣсту оды Галлера На вѣчность. Въ самомъ дѣлѣ, онъ могъ прочитать ее, около времени сочиненія своей оды, въ переводѣ, напечатанномъ въ декабрской книжкѣ С.-Петерб. Вѣстника 1778 г.

c—Сравненіе библейское, встрѣчающееся напр. въ 102 псалмѣ, стихъ 15: «человѣкъ, яко трава дніе его» и т. д.

d—У Поповскаго въ переводѣ «Опытъ о человѣкѣ» есть стихъ:

«Онъ только для того, чтобъ умереть, родится»,

которому, по мнѣнію С. П. Шевырева (Біогр. Словарь профессоровъ и пр., ч. II, стр. 315), Державинъ подражалъ въ этомъ мѣстѣ.

e—«Стихи прекрасные въ поэтическомъ отношеніи», замѣчаетъ г. Галаховъ. «но они грѣшатъ противъ астрономіи: солнцы и звѣзды—одно и то же».

Можно однакожъ возразить, что подъ солнцами разумѣются одни неподвижныя звѣзды, тогда какъ звѣздами вообще называются и планеты.

f—Ср. у Горація кн. II, ода 10 (къ Лицинію):

....feriuntque summos
Fulmina montes,

что г. Фетъ перевелъ такъ:

....Громамъ нѣтъ ближе цѣли,
Какъ горные хребты.

g—Такъ писалъ Державинъ на 37-мъ году жизни. Совсѣмъ иначе Пушкинъ: не достигнувъ еще и 30-ти лѣтъ, онъ прощался съ молодостію. Державинъ вполнѣ сознаетъ свое поэтическое призваніе и встрѣчается со славою не прежде, какъ когда ему уже почти подъ сорокъ.

h—Эти слова ясно показываютъ, что извѣстность Державина росла по мѣрѣ появленія новыхъ его произведеній въ печати, хотя и безъ подписи его имени, и что онъ зналъ о впечатлѣніи, какое они производили.

13 Бѣлоруссія досталась Россіи по первому раздѣлу Польши, въ 1772 г. Весною 1780 государыня предприняла путешествіе, отчасти для обозрѣнія новой области, но болѣе для свиданія съ Іосифомъ II, съ которымъ она предполагала тогда заключить тѣсный союзъ. 9-го мая Екатерина отправилась изъ Царскаго села; 24-го прибыла она въ Могилевъ, гдѣ ее ожидалъ уже австрійскій императоръ. Первые дни іюня провела она въ Смоленскѣ, гдѣ тогда генералъ-губернаторомъ былъ князь Николай Васильевичъ Репнинъ. Въ ночь на 12-е іюня государыня возвратилась въ Царское село. Во время отсутствія ея генералъ-фельдмаршалъ князь Александръ Михайловичъ Голицынъ открылъ Петербургскую губернію на основаніи учрежденія о губерніяхъ 1775 г., которое постепенно приводилось въ дѣйствіе (С.-Петерб. Вѣстникъ за май и іюнь, 1780, ч. V, стр. 395, 398 и 468).

На пути, особенно въ Бѣлоруссіи, императрицу безпрестанно привѣтствовали стихами, изъ которыхъ послѣ составилось цѣлыхъ семь печатныхъ сборниковъ на восьми языкахъ: латинскомъ, греческомъ, еврейскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ, итальянскомъ, польскомъ и отчасти русскомъ (см. Бакмейстера Russische Bibliothek, часть VI, стр. 546, и ч. VII, стр. 173).

Ода Державина была написана 20 мая и въ этомъ же мѣсяцѣ помѣщена въ С.-Петербургскомъ Вѣстникѣ (ч. V, стр. 375). Тогда же онъ отправилъ ее чрезъ канцелярію своего начальника, князя А. А. Вяземскаго, къ императрицѣ въ Бѣлоруссію; но, какъ самъ онъ сознается (Об.), ода не обратила на себя никакого вниманія.

a—Эта страфа передаетъ содержаніе одного изъ барельефовъ сенатской залы, которой устройство поручено было Державину, служившему тогда экзекуторомъ 1-го департамента. На барельефѣ изображены были:
Истина, Человѣколюбіе и Совѣсть; Минерва, представлявшая императрицу, вводила ихъ въ храмъ правосудія; на нихъ сходило въ видѣ обелиска сіяніе, которое лучами своими поражало Злость и Яведу.

b—Т. е. гласъ твоихъ подданныхъ взываетъ.

c—Т. е. освяти своимъ присутствіемъ новое устройство петербургской губерніи, вводимое безъ тебя.

d—Великіе князья Александръ и Константинъ были тогда еще младенцы; наслѣдникъ в. к. Павелъ оставался съ супругою своей въ Петербургѣ (Об. Д.). Послѣднее замѣчаніе противорѣчитъ однакожъ свѣдѣнію, находящемуся въ прежнемъ заглавіи оды): вѣроятно, Павелъ Петровичъ жилъ въ одномъ изъ загородныхъ дворцовъ.

14 Курскому купцу Михаилу Сергѣевичу Голикову, содержателю питейныхъ сборовъ въ Петербургѣ и Москвѣ съ 1779 по 1783 годъ. Товарищами его по откупу были: двоюродный братъ его, курскій же купецъ, Иванъ Ивановичъ Голиковъ, впослѣдствіи пріобрѣтшій извѣстность изданіемъ Дѣяній Петра Великаго, и еще нѣсколько петербургскихъ купцовъ. Сумма, которую они обязались ежегодно платить въ казну, составляла 2.320,000 рублей. (С.-Петерб. Вѣстникъ, 1778 г., май; ч. I, стр. 418). Извѣстно, что оба Голиковы попали въ бѣду; по словамъ Державина (Об.), Михаилъ Сергѣевичъ, испортивъ свои дѣла дурнымъ управленіемъ откупа и роскошною жизнію, отданъ былъ подъ судъ за непозволенный привозъ французской водки. Державинъ жилъ недалеко отъ Голикова на Сѣнной площади (примѣч. въ Смирд. изд. 1847), когда онъ написалъ это посланіе, желая, какъ говоритъ Остоловъ (Ключъ къ соч. Д., стр. 51), обратить своего сосѣда къ умѣренности и осторожности. Въ изданіи же 1808 г., ч. I, xxxv, явилось заглавіе: Къ первому сосѣду, для отличія этой пьесы отъ другой: Ко второму сосѣду.

a—Аліатико, италіянское вино, котораго родина—Ареццо въ Тосканѣ.

b—Съ Италіянкою, которая жила у Голикова. Ср. съ 2-ю и 3-ею строфами этой оды 6-ую и 7-ую въ одѣ Фелица, подъ 1782 г.

c—См. примѣчаніе e.

d—Есть ли это фигуральное выраженіе мысли, что мѣсто, занимаемое Петербургомъ, нѣкогда было покрыто лѣсомъ, или тутъ скрывается намекъ на какую-нибудь дѣйствительно бывшую незадолго передъ тѣмъ опустошительную бурю—этого поэтъ не объяснилъ намъ. Впрочемъ, весьма вѣроятно, что тутъ разумѣется большое наводненіе, бывшее въ Петербургѣ 10 сентября 1777 г. Современники разсказываютъ, что отъ бури, сопровождавшей это наводненіе, въ лѣсу, находившемся на Васильевскомъ островѣ, пропала большая часть лучшихъ и самыхъ высокихъ деревьевъ.

e—Голиковъ, еще прежде снявъ откупа въ Сибири, жилъ тамъ до переѣзда своего въ Петербургъ. Тамъ оставилъ онъ жену свою, обнадеживая ее, что скоро возвратится (Об. Д.).

f—Въ Смирдинскихъ изданіяхъ 1847 и 1851 г. это мѣсто обезображено опечаткой, представляющей совершенную безсмыслицу: Въ твой парнасъ:—беги себя! По странному недоразумѣнію, Добролюбовъ, въ одномъ изъ примѣчаній къ своей статьѣ о Собесѣдникѣ, приписалъ это измѣненіе самому Державину (Соч. Добролюбова, т. I, стр. 87).

15 Эта пьеса, которой мысль почерпнута изъ 127-го псалма*, сочинена для камергера Алексѣя Андреевича Ржевскаго, предсѣдателя медицинской коллегіи. Съ нимъ Державинъ былъ въ то время друженъ. Первая жена поэта нарисовала силуэты всего семейства Ржевскихъ; на оборотѣ рисунка Державинъ написалъ эти стихи. Впослѣдствіи, когда Ржевскій былъ сенаторомъ и совѣстнымъ судьею, случилось обстоятельство, поссорившее обоихъ пріятелей (см. Записки Держ., Русск. Бесѣда, стр. 356, и Объясненія его).

.... Красой и нравами—жена.

a—Въ первоначальной редакціи послѣдніе два стиха начинали 2-ю строфу, но переставлены по отмѣткѣ И. И. Дмитріева въ рукописи 1790-хъ гг.

.... И въ жизни всякое добро.

b—Противъ этой и предыдущей строфы Дмитріевъ на поляхъ тетради написалъ: «Прекрасно!»

16 Эта знаменитая ода, которой содержаніе заимствовано изъ 81-го псалма, была нѣсколько разъ передѣлываемая Державинымъ. Первоначальная редакція, впослѣдствіи совершенно измѣненная, сохранилась только въ тетрадкѣ, писаной рукою самого поэта около 1780 г., и не безъ труда могла быть разобрана посреди множества помарокъ.

---

* 128-го по библіи западныхъ христіанъ.

Но содержаніе этой оды, по тогдашнему состоянію русскаго общества, должно было въ глазахъ многихъ казаться слишкомъ смѣлымъ: неизвѣстно, по распоряженію ли правительства, или по осмотрительности самой редакціи журнала, книжка Вѣстника, открывшаяся этими стихами, была пріостановлена, и первый листокъ, который они въ ней занимали замѣненъ другимъ, гдѣ съ обѣихъ сторонъ разгонисто напечатана переводная повѣсть Розалія, прежде начинавшаяся только на 316-й страницѣ.

Не ранѣе какъ шесть лѣтъ спустя, когда Державинъ былъ губернаторомъ въ Тамбовѣ, ода эта была дѣйствительно выпущена въ свѣтъ въ петербургскомъ еженедѣльномъ изданіи Ѳ. Туманскаго: Зеркало Свѣта, № 53.

Въ концѣ царствованія Екатерины поэтъ едва не подвергся дѣйствительнымъ непріятностямъ за эту оду, включенную имъ въ рукопись стихотвореній, которую онъ поднесъ государынѣ въ 1795 г. Передъ императрицею успѣли очернить Державина внушеніемъ, что тотъ же самый псаломъ во время французской революціи былъ парафразированъ якобинцами и пѣтъ на парижскихъ улицахъ. Екатерина стала показывать Державину холодность. Шепотомъ говорили, что Шешковскому уже велѣно допросить его. Къ счастью, онъ вовремя узналъ объ этихъ козняхъ. На обѣдѣ у графа А. И. Мусина-Пушкина Булгаковъ, прежде бывшій посланникомъ въ Константинополѣ, спросилъ Державина: «Что ты, братецъ пишешь за якобинскіе стихи?» и прибавилъ, что двору не можетъ быть пріятно переложеніе 81-го псалма. «Царь Давидъ», сказалъ Державинъ: «не былъ якобинецъ; слѣдовательно, пѣсни его не могутъ быть никому противны». Возвратясь домой, онъ въ оправданіе свое написалъ записку подъ заглавіемъ Анекдотъ, которую и распространилъ при дворѣ; она произвела на всѣхъ самое благопріятное дѣйствіе.

17 Въ 1781 г. была напечатана, въ небольшомъ числѣ экземпляровъ, написанная Екатериною для пятилѣтняго внука ея, великаго князя Александра Павловича, Сказка о царевичѣ Хлорѣ. Хлоръ былъ сынъ князя, или царя кіевскаго, во время отсутствія отца похищенный ханомъ киргизскимъ. Желая повѣрить молву о способностяхъ мальчика, ханъ ему приказалъ отыскать розу безъ шиповъ. Царевичъ отправился съ этимъ порученіемъ. Дорогой попалась ему на встрѣчу дочь хана, веселая и любезная Фелица. Она хотѣла идти провожать царевича, но ей помѣшалъ въ томъ суровый мужъ ея, султанъ Брюзга, и тогда она выслала къ ребенку своего сына Разсудокъ. Продолжая путь, Хлоръ подвергся разнымъ искушеніямъ, и между прочимъ его зазвалъ въ избу свою мурза Лѣнтягъ, который соблазнами роскоши старался отклонить царевича отъ предпріятія, слишкомъ труднаго. Но Разсудокъ насильно увлекъ его далѣе. Наконецъ они увидѣли передъ собою крутую каменистую гору, на которой растетъ роза безъ шиповъ, или, какъ одинъ юноша объяснилъ Хлору, добродѣтель. Съ трудомъ взобравшись на гору, царевичъ сорвалъ этотъ цвѣтокъ и поспѣшилъ къ хану. Ханъ отослалъ его вмѣстѣ съ розой къ кіевскому князю. «Сей обрадовался столько пріѣзду царевича и его успѣхамъ, что забылъ всю тоску и печаль.... Здѣсь сказка кончится, а кто больше знаетъ, тотъ другую скажетъ».

Эта сказка подала Державину мысль написать оду къ Фелицѣ (богинѣ блаженства, по его объясненію этого имени): такъ какъ императрица любила забавныя шутки, говоритъ онъ, то ода эта и была написана во вкусѣ ея, на счетъ ея приближенныхъ. Но Державинъ боялся дать хоть этимъ стихамъ, въ чемъ съ нимъ согласны были и друзья его, Н. А. Львовъ и В. В. Капнистъ. Ода сдѣлалась извѣстною по нескромности О. П. Козодавлева, который, живя въ одномъ домѣ съ поэтомъ, однажды случайно увидѣлъ ее и выпросилъ на короткое время. Вскорѣ послѣ того княгиня Е. Р. Дашкова, въ качествѣ директора академіи наукъ, предприняла изданіе Собесѣдника любителей россійскаго слова и открыла одою Державина I-ю книжку этого журнала, вышедшую 20 мая 1783 г., въ субботу (С.-Петерб. Вѣдом. того

года № 40). Тамъ на стр. 5—14 эта ода напечатана безъ всякой подписи, подъ заглавіемъ: Ода къ премудрой киргизкайсацкой царевнѣ Фелицѣ, писанная нѣкоторымъ татарскимъ мурзою, издавна поселившимся въ Москвѣ, а живущимъ по дѣламъ своимъ въ Санктпетербургѣ. Переведена съ арабскаго языка 1782 г.

Въ Объясненіяхъ своихъ поэтъ замѣчаетъ, что онъ назвалъ Екатерину киргизъ-кайсацкою царевною еще и потому, что у него были деревни въ тогдашней оренбургской области, по сосѣдству съ киргизскою ордою, подвластною императрицѣ. Нынѣ эти имѣнія находятся въ бузулуцскомъ уѣздѣ самарской губерніи.

Ода къ Фелицѣ доставила Державину богатый подарокъ отъ императрицы (золотую табакерку съ 500 червонцевъ) и честь представленія ей въ Зимнемъ дворцѣ; но вмѣстѣ съ тѣмъ возбудила противъ него гоненіе тогдашняго начальника его, генералъ-прокурора кн. Вяземскаго. Вообще, это сочиненіе имѣло рѣшительное вліяніе на всю дальнѣйшую судьбу поэта.

Новая ода произвела много шуму при дворѣ и въ петербургскомъ обществѣ. Екатерина разсылала ее (конечно въ отдѣльныхъ оттискахъ) къ своимъ приближеннымъ и въ каждомъ экземплярѣ подчеркивала то, что прямѣе относилось къ лицу, которому онъ былъ назначенъ. Слава Державина утвердилась; она откликнулась и въ Собесѣдникѣ, гдѣ съ тѣхъ поръ заговорили о немъ и въ прозаическихъ статьяхъ, и въ стихахъ, называя его мурзою, арабскимъ переводчикомъ и т. п.

По поводу похвальныхъ стиховъ Державину, появившихся вслѣдъ за Фелицею, г. Галаховъ такъ опредѣляетъ значеніе этой оды въ нашей литературѣ: «Стихотвореніе, подписанное буквами О. К. (Осипъ Козодавлевъ), «говоритъ, что Державинъ продолжалъ новый путь на Парнассъ, что

. . . . кромѣ пышныхъ одъ,
Во стихотворствѣ есть «иной, хорошій родъ».

«Признаки этого новаго стихотворнаго рода указаны его противоположностью пышнымъ одамъ. Оды, замѣчаетъ Собесѣдникъ въ одной статьѣ, «наполненныя именами баснословныхъ боговъ, наскучили и служатъ пищею мышамъ и крысамъ; Фелица написана совсѣмъ «инымъ слогомъ, какъ прежде такого рода стихотворенія писались. «Въ другомъ стихотвореніи, Кострова, также признается за Державинымъ слава обрѣтенія новаго и непротоптаннаго пути: ибо въ то время, какъ «слухъ нашъ отъ оглохъ отъ громкихъ тоновъ, Державинъ сумѣлъ «безъ лиры и Пегаса воспѣть простымъ слогомъ дѣянія Фелицы; «ему дана была способность и важно пѣть и играть на гудкѣ.... Назвавъ Державина пѣвцомъ Фелицы, современники его дали знать, что «особенность его, какъ поэта, ярко выступила въ этой пьесѣ. Справедливое «проименованіе до сихъ поръ не потеряло своей силы: для насъ Державинъ «тоже пѣвецъ Фелицы; пѣвцомъ Фелицы останется онъ и для дальнѣйшаго «времени» (Предисловіе къ Исторической Хрестоматіи нов. періода русск. словесности, т. I, стр. п).

Какъ образчикъ мнѣнія современниковъ о Фелицѣ, приведемъ сужденіе Радищева: «Преложи многія строфы изъ оды къ Фелицѣ, а особливо гдѣ мурза описываетъ самъ себя,... безъ стиховъ останется почти та же поэзія» (Соч. Радищева, ч. IV, стр. 82).

а—Около того времени императрица занималась сочиненіемъ разныхъ законовъ, какъ то: Дворянской грамоты, Устава благочинія и другихъ положеній (Об. Д.).

ь—Карты составляли при русскомъ дворѣ восемнадцатаго столѣтія ежедневное занятіе; во дворцѣ императрицы Елисаветы приближенныя къ ней дамы играли въ фараонъ съ утра до вечера и далеко за полночь. Это было хорошо извѣстно Екатеринѣ II, которая, бывши великой княгиней, сама должна

была принимать участіе въ такомъ препровожденіи времени (Mém. de Cath. II, стр. 68, 76 и 94).

Державинъ, представляя себя, какъ выразилъ онъ и въ первоначальномъ заглавіи оды (см. примѣч. 1-е, стр. 130), однимъ изъ мурзъ или приближенныхъ киргизской царевны, предполагаетъ въ своемъ лицѣ соединеніе разныхъ недостатковъ, подмѣченныхъ имъ въ тогдашнихъ вельможахъ. Впрочемъ, онъ и въ другихъ случаяхъ любилъ называть себя мурзою, въ знакъ своего происхожденія отъ мурзы Багрима, выѣхавшаго изъ Золотой орды въ Россію въ четырнадцатомъ столѣтіи, при Василіи Темномъ. — Карточною игрою самъ Державинъ въ молодости иногда увлекался до страсти; вскорѣ по возвращеніи въ Петербургъ, послѣ Пугачевщины, въ концѣ 1775 г., онъ на оставшіеся у него 50 руб. выигралъ въ короткое время 40,000 (Записки Держ., Русск. Бес., стр. 37, 44, 111). Потомъ, познакомясь съ княземъ Вяземскимъ, онъ «часто у него бывалъ и проводилъ съ нимъ дни, забывая время въ карточной, тогда бывшей въ модѣ, игрѣ въ вистъ» (тамъ же, стр. 122). Впослѣдствіи Державинъ хотя и не оставлялъ совсѣмъ карточной игры, однакожъ не предавался ей болѣе съ увлеченіемъ.

c—Екатерина не умѣла сочинять стиховъ, о чемъ часто упоминаетъ въ письмахъ къ Вольтеру. Куплеты и аріи для драматическихъ сочиненій Екатерины писались, по ея порученію, И. П. Елагинымъ, А. В. Храповицкимъ и другими.

d—Императрица не жаловала масоновъ и въ ложи къ нимъ не ѣзжала, какъ дѣлали многіе знатные (Об. Д.).

e—Въ IV-й книжкѣ Собесѣдника (стр. 11) какой-то критикъ, назвавшій себя Невѣждой, возсталъ противъ нѣкоторыхъ выраженій Фелицы и, между прочимъ, противъ этого стиха. «Мнѣ показалась», говоритъ, «мысль неправильна. Глаголъ нѣжить значитъ удовлетвореніе пріятнымъ ощущеніямъ какой-нибудь тѣлесной вещи; а чувства суть сами инструменты къ сему удовлетворенію; потому и сумнѣваюсь, можно ли сказать: зрѣніе нѣжить, вкусъ, слухъ нѣжить, и проч.» На эти замѣчанія помѣщены въ выноскахъ и возраженія Державина, которому княгиня Дашкова предварительно сообщила критику неизвѣстнаго. «Ежели», отвѣчалъ Державинъ, «нѣтъ у г. Невѣжды прекрасной женщины, которая бы пріятными своими объятіями нѣжила его осязаніе; то не благоволитъ ли онъ приказать себя кому хорошенько ожечь или высѣчь? Когда сіе ему сдѣлаетъ хотя небольшую боль, то, вѣроятнѣе всѣхъ ученыхъ доказательствъ, изъ собственнаго своего опыта познаетъ онъ, что оскорблять чувства, слѣдовательно, и нѣжить можно (Прим. сочинителя оды)».—«Опроверженія Державина оставили автора критики совершенно въ дуракахъ. (Сочиненія Добролюбова, т. I, стр. 67).

f—Графъ Сегюръ говоритъ въ своихъ Запискахъ (Mémoires и проч. Paris, 1843, т. I, стр 477): «Всякій, кто имѣлъ чинъ выше полковничьяго, долженъ былъ ѣздить въ каретѣ, запряженной четверкой или шестеркой лошадей, съ бородатымъ кучеромъ въ кафтанѣ и двумя форейторами».

g—Сегюръ, который былъ посломъ при русскомъ дворѣ съ 1785 по 1789 г., разсказываетъ въ своихъ Запискахъ (т. II, стр. 385): «Въ Россіи были еще вельможи, которые, по старому обычаю, содержали при себѣ шутовъ любимцевъ. У князя Потемкина былъ такой шутъ по имени Моссъ (Mosse): онъ былъ оригиналенъ, имѣлъ довольно познаній и, посреди разныхъ проказъ, позволялъ себѣ часто выходки очень колкія и смѣлыя». У гр. Орлова Чесменскаго также былъ шутъ, который оставался при немъ еще и тогда, когда этотъ вельможа доживалъ свой вѣкъ въ Москвѣ (Memoirs of the pr. Daschkaw. London, 1840, ч. II, стр. 232).

h—Вся эта строфа относится отчасти къ Потемкину же, но болѣе къ графу Алексѣю Григорьевичу Орлову, охотнику до конскихъ скачекъ (Об. Д.).

j—Графъ Петръ Ивановичъ Панинъ любилъ псовую охоту (Об. Д.).

k—Семенъ Кирилловичъ Нарышкинъ (род. 1710, ум. 1775), бывшій тогда оберъ-егермейстеромъ, первый завелъ роговую музыку (Об. Д.).

l—Въ сказкѣ Екатерины о царевичѣ Хлорѣ являются между другими лицами мурза Лѣнтягъ и султанъ Брюзга. Первый живетъ въ нѣгѣ и роскоши, а второй никогда не смѣется и сердится на другихъ за улыбку. Сколько извѣстно, императрица разумѣла подъ Лѣнтягомъ Потемкина, а подъ Брюзгою—Вяземскаго (Об. Д.).

m—Эта мысль была совершенно согласна со взглядомъ самой Екатерины на ученыхъ.

n—Намекъ на то, что Екатерина отказалась отъ наименованій Великой, Премудрой, Матери отечества, которыя въ 1767 г. были поднесены ей сенатомъ и депутатами, созванными для составленія проекта новаго уложенія (Полн. Собр. Зак. т. XVIII, № 12.978).

o—Императрица, подобно Траяну, была очень снисходительна къ людямъ, злорѣчиво отзывавшимся о ея слабостяхъ (Об. Д.). Въ Наказѣ (гл. XX: статья 482) читаемъ: «Слова не составляютъ вещи, подлежащей преступленію; часто они не значатъ ничего сами по себѣ, но по голосу, какимъ оныя выговариваютъ: часто, пересказывая тѣ же самыя слова, не даютъ имъ того же смысла; сей смыслъ зависитъ отъ связи, соединяющей оныя съ другими вещьми. Иногда молчаніе выражаетъ больше, нежели всѣ разговоры. Нѣтъ ничего, что бы въ себѣ столь двойнаго смысла замыкало, какъ все сіе. Такъ какъ же изъ сего дѣлать преступленіе толь великое, каково оскорбленіе величества, и наказывать за слова такъ, какъ за самое дѣйствіе?»

p—При императрицѣ Аннѣ случалось, что когда двое между собою пошепчутся, то они подозрѣвались въ зломъ умыслѣ и по чьему-либо доносу попадали въ Тайную канцелярію. То же бывало иногда и съ тѣми, которые на публичныхъ пиршествахъ не выпивали большаго бокала крѣпкаго вина, подносимаго за здравіе государыни, и потому принимались за недоброжелателей ея (Об. Д.).

r—Тогда же считалось за великое преступленіе, если въ императорскомъ титулѣ что-нибудь было подскоблено или поправлено.

s—Горе было также тому, кто хотя ненарочно ронялъ изъ рукъ монету съ портретомъ императрицы; клеветнику стоило только донесть, что такой-то бросилъ изображеніе лица ея. По одному крику: Я знаю за собой слово и дѣло государево, тотъ, на кого это было сказано, былъ забираемъ подъ крѣпкую стражу и отвозимъ къ тайному розыску; домъ же его весь кругомъ запечатывался (Об. Д.).

t—Относится къ бывшей при Аннѣ Іоанновнѣ шутовской свадьбѣ князя Голицына, для которой на Невѣ построенъ былъ особый ледяной домъ съ ледяною баней (Об. Д.).

u—Императрица Анна любила окружать себя шутами, которыхъ въ ея царствованіе было много. Когда она въ придворной церкви слушала обѣдню, эти шуты садились въ лукошки въ той комнатѣ, чрезъ которую ей надобно было проходить изъ церкви во внутренніе свои покои, и кудахтали какъ насѣдки, что, разумѣется, производило общій хохотъ (Об. Д.).

q—Подобное поученіе есть дѣйствительно въ азбукѣ, составленной Екатериною для внуковъ ея, великихъ князей Александра и Константина (Об. Д.).

x—По поводу этихъ двухъ стиховъ критикъ, упомянутый въ примѣчаніяхъ 10-мъ и 23-мъ, замѣтилъ: «Звуки блистать не могутъ: звѣздамъ свойственно блистать, а звукамъ гремѣть. Я думаю, что всѣ метафоры должны быть основаны на возможности дѣйствительной или мысленной».—«Въ натуральномъ смыслѣ», отвѣчалъ Державинъ, «конечно, звѣзды блистаютъ, а звуки звучатъ; но въ витіеватомъ или фигуральномъ, а особливо стихотворцы въ пренесеніи

одного свойства къ другому, несходственному или совсѣмъ противному, то есть въ метафорахъ, обыкновенно говорятъ, напримѣръ, вмѣсто славныя дѣла отличаются — славныя дѣла блистаютъ, красота сіяетъ, пламень жретъ, земля стонетъ, хотя первая лучей, второй зѣва, а третья гласу не имѣютъ, подобно какъ брега — рукъ, а г. Ломоносовъ написалъ: брега Невы руками плещутъ» и т. д. (См. возраженіе Державина Невѣждѣ между сочиненіями его въ прозѣ).

19 Написана вскорѣ по полученіи подарка за оду къ Фелицѣ и появилась тогда же во II-й части Собесѣдника, вышедшей 24 іюня 1783 г. (стр. 142).

a—Тогдашній начальникъ Державина, генералъ-прокуроръ князь Вяземскій, не любилъ поэзіи и говорилъ про тѣхъ, которые писали стихи: «Когда имъ заниматься дѣлами, когда у нихъріемы на умѣ?» и вообще онъ думалъ, что стихотворцы къ дѣламъ неспособны (Об. Д.).

20 Эту оду Державинъ написалъ для отраженія тѣхъ разнородныхъ обвиненій, которыя взводились на него за Фелицу, оскорбившую самолюбіе многихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ возбудившую противъ него зависть. Въ Объясненіяхъ своихъ онъ очень опредѣленно означаетъ день сочиненія Видѣнія мурзы, именно 9 мая 1783 г.; но это показаніе сомнительно, потому что 1-я книжка Собесѣдника, въ которой напечатана была Фелица, появилась не прежде 20 мая; Видѣніе же мурзы могло быть написано только спустя нѣсколько времени: не должно ли, вмѣсто мая, читать іюня? Нельзя думать, чтобъ ошибка относилась къ году, ибо пьеса должна была быть написана тогда, когда впечатлѣнія, произведенныя Фелицею, были еще свѣжи. Видѣніе мурзы, по рѣдкости нѣкоторыхъ выходокъ противъ сильныхъ людей, не могло быть напечатано тогда же; притомъ оно оставалось долго недоконченнымъ. Въ Запискахъ своихъ (Русск. Бес., стр. 246) Державинъ говоритъ, что кончилъ эту оду, также какъ и оду Богъ, въ Нарвѣ, куда онъ ѣздилъ весной 1784 г.

a—Въ царскосельскомъ дворцѣ находится донынѣ одна комната, вся убранная янтаремъ; другая была изъ розовой фольги съ серебряною рѣзьбой.

b—Намекъ на золотую табакерку съ 500 червонцевъ, пожалованную Державину вскорѣ послѣ появленія оды къ Фелицѣ. Въ старину, когда въ Россіи табаку еще не нюхали и табакерокъ не знали, употреблялись ящички другаго рода или досканцы, въ которыхъ сохраняли мушки, булавки и тому подобныя мелкія принадлежности женскаго туалета (Об. Д.). Такой ящичекъ (boîte à mouches) императрица Елисавета Петровна носила въ карманѣ своего платья (Mém. de Ceth. II, стр. 156).

c—Эти стихи (63—82) содержатъ описаніе портрета, сдѣланнаго, по мысли Н. А. Львова, извѣстнымъ живописцемъ Левицкимъ для графа Безбородко; нынѣ этотъ портретъ находится въ императорской публичной библіотекѣ, которой онъ былъ предоставленъ министерствомъ двора по ходатайству бывшаго директора ея, барона М. А. Корфа.

d—Виссонъ (у Грековъ byssos) — тонкая драгоцѣнная ткань у древнихъ, особливо въ Египтѣ, составъ которой объясняется различно.

e—Лента владимірскаго ордена, который императрица, по написаніи ею учрежденія о губерніяхъ, возложила на себя, какъ награду за труды свои, объявивъ себя гросмейстеромъ этого ордена (Об. Д.). Учрежденіе о губерніяхъ, изданное 7 ноября 1775 г., приводилось въ исполненіе мало по малу. Орденъ св. Владиміра былъ учрежденъ въ 1782 г. въ день коронованія императрицы.

f—Державинъ вспоминаетъ, какъ онъ былъ представленъ государынѣ за оду къ Фелицѣ. Представленіе было въ воскресенье, въ Кавалергардской комнатѣ Зимняго дворца, при многихъ другихъ лицахъ. Государыня, остановясь поодаль отъ него, нѣсколько разъ окинула его быстрымъ взоромъ съ ногъ до

головы и наконецъ подала ему руку. Ея величественнаго вида при этомъ онъ никогда не могъ забыть (Об. Д.).

g—Т. е. не пой какъ Сирены, во вредъ добродѣтели. Въ Московскомъ журналѣ было напечатано: На добродѣтели не строй.

h—Намекъ на Потемкина, который только тогда и былъ доволенъ, когда чего дожидался; а какъ скоро получалъ, то опять предавался скукѣ. Онъ посылалъ по имперіи нарочныхъ за арбузами, за огурцами и т. п. (Об. Д.).

j—«Древніе поэты героевъ своихъ помѣщали въ число созвѣздій и свѣтилъ небсныхъ».

21 Княгиня Дашкова, будучи директоромъ академіи наукъ и издавая Собесѣдникъ, желала, въ угожденіе императрицѣ, «сдѣлать въ своемъ журналѣ привѣтствіе Потемкину» и просила Державина написать что-нибудь въ честь ему. Исполняя эту просьбу, поэтъ назвалъ вельможу Рѣшемысломъ по имени лица выведеннаго Екатериной въ Сказкѣ о царевичѣ Февѣе, и подъ которымъ она разумѣла Потемкина (Об. Д.). Эта сказка, какъ и выше названная о царевичѣ Хлорѣ, была написана въ назиданіе великаго князя Александра Павловича, издана же въ 1782 г. Въ ней описывается мудрое воспитаніе и успѣшное развитіе въ разумѣ и смиренномудріи молодаго Февея отъ дѣтства его до женитьбы. Настоящее стихотвореніе было тогда же напечатано на первыхъ страницахъ VI части Собесѣдника подъ заглавіемъ: Ода великому боярину и воеводѣ Рѣшемыслу, писанная подражаніемъ одѣ къ Фелицѣ 1783 году. Подъ послѣднею строфою было подписано: «сочинялъ З . . . .»; заглавіе же объяснено выноскою: «Рѣшемыслъ былъ ближній вельможа Таоау, царя китайскаго, котораго супруга, то есть царица, ѣзжала на оленяхъ златорогихъ и одѣвалася соболиными одѣялами, о чемъ читатель вѣрнѣе можетъ справиться въ книжкѣ о царевичѣ Февеѣ, напечатанной въ здѣшней академіи прошлаго 1782 года, которая повѣсть и взята въ основаніе сей оды».

a—Это выраженіе показываетъ, что Державинъ, по примѣру современныхъ ему германскихъ поэтовъ, сознательно подражалъ Горацію, что мы уже видѣли въ одахъ Ключъ и На смерть князя Мещерскаго, подъ 1779 г. У римскаго поэта перенялъ онъ сатирическій и нравоучительный характеръ, который съ означеннаго времени сталъ болѣе прежняго отличать его поэзію.

b—Въ Сказкѣ о Февеѣ разсказано, что у какого-то сибирскаго народа на Иртышѣ былъ царь китайскаго происхожденія, по имени Тао-ау; его прекрасная супруга ѣзжала на златорогихъ оленяхъ: «посадили ее въ сани, запряженныя шестью оленями; у оленей рога были вызолочены, хомуты же горностаевы съ яхонтовыми пряжками».

‘ . . . . царицѣ той,
Которая въ здоровьи маломъ и проч.

Сибирская царица часто хворала, пока жила въ нѣгѣ, пила и кушала не вовремя и спала днемъ подъ лисьимъ одѣяломъ. Въ сказкѣ говорится: «Нашли ее лежащею, протянувъ ноги на постелѣ мягкой, покрыта была одѣяломъ бархата краснаго, подбито одѣяло чернолисьимъ мѣхомъ. Цвѣтъ лица ея былъ блѣденъ, глаза слабости крайней, жаловалась ломомъ въ ногахъ, безсонницею и отвращеніемъ отъ всякой пищи. Онъ (врачъ) навѣдался объ образѣ ея жизни, услышалъ, что царица лежитъ день и ночь въ теплой горницѣ, не дѣлаетъ движенія ни малѣйшаго и воздухомъ свѣжимъ не пользуется, кушаетъ повсечасно что ни вздумаетъ, спитъ днемъ, ночь пробалагуриваетъ съ барынями и барышнями, кои перемѣнно гладятъ ей ноги и сказываютъ ей сказки, либо вѣсти кто что дѣлаетъ или не дѣлаетъ, кто что говоритъ или не говоритъ». Въ этихъ чертахъ государыня слегка пошутила на счетъ предмѣстницы своей, императрицы Елисаветы, которая мало занималась дѣлами, блистая славой и красотой и любя роскошь (Об. Д.). «У императрицы не было опредѣленныхъ часовъ ни

для отхода ко сну, ни для вставанья, ни для обѣда, ни для ужина, ни для туалета» (Mem. de Caih. II, стр. 218).

c—Здѣсь разумѣется Екатерина II, которая обыкновенно вставала уже въ 7-мъ часу утра и почти никогда не ложилась въ полдень отдыхать (Об. Д.). Въ Сказкѣ о Февеѣ боярин Рѣшемыслъ привелъ къ своей хворой царицѣ врача, по совѣту котораго она перемѣнила образъ жизни и совершенно поправилась въ здоровьи, такъ что у ней даже родился сынъ, прозванный Февеемъ, т. е. краснымъ солнышкомъ.

d—Намекъ на сатирическіе разсказы, которые императрица помѣщала въ Собесѣдникѣ подъ заглавіемъ Были и небылицы.

e—Хотя Державинъ въ своихъ стихахъ иногда и шутилъ на счетъ Потемкина, но этотъ вельможа никогда не дѣлалъ ему зла и даже подъ конецъ жизни оказывалъ ему особенное расположеніе.

f—Это выраженіе взято Державинымъ изъ печатавшихся въ Собесѣдникѣ Былей и небылицъ Екатерины. Въ одномъ мѣстѣ этихъ разсказовъ оно объяснено слѣдующимъ образомъ: «Всѣ тѣ, кои мѣшкаютъ на одномъ мѣстѣ, не дѣлая ничего или то, въ чемъ нужда не настоитъ, тогда, когда предпріяли или опредѣлили дѣлать что-нибудь иное, какъ то: ѣхать, идти, спать, писать, кушать, или что бъ то ни было такое, а вмѣсто того сидятъ, говорятъ, изъ комнаты въ комнату бродятъ, или съ лѣстницы на лѣстницу всходятъ безъ дѣла, всѣ тѣ люди поступкомъ своимъ походятъ на кубаря: кубарь же кубаритъ» Собесѣдн. ч. III, стр. 139).

g—Здѣсь разумѣется участіе Потемкина въ первой турецкой кампаніи.

h—Потемкинъ, командуя войсками въ Крыму, позволилъ тамошнимъ Татарамъ выселяться, куда кто захочетъ. Въ облегченіе арміи онъ выпросилъ для нея у императрицы новую покойную форму: военнослужащимъ даны были просторные мундиры, разрѣшено не пудриться и отрѣзать косы, введенныя по прусскому образцу, а зимой носить коты и шубы (Об. Д.).

Вельможей, должность представляешь.

j—Державинъ, не будучи въ то время лично знакомъ съ Потемкинымъ и воздавая ему честь только по желанію княгини Дашковой, хвалилъ въ лицѣ его вообще достоинства вельможи (Об. Д.).

22 Уже въ старѣйшей рукописи Державина (1776 г.) находятся три басни; впослѣдствіи онъ написалъ ихъ еще восемнадцать и собралъ въ отдѣльную тетрадь съ видимымъ намѣреніемъ издать всѣ вмѣстѣ. Однакожъ при жизни его была напечатана только одна эта. Она явилась въ VIII-й части Собесѣдника, стр. 62, подъ заглавіемъ: Басня: Заслуги часто измѣряемъ мы несправедливо.

23 Еще 8 апрѣля 1783 г. изданъ былъ указъ о принятіи Крыма въ подданство Россіи; 28 іюля послѣдовалъ о томъ именной указъ новороссійскому генералъ-губернатору, т. е. Потемкину; а наконецъ, 28 декабря, состоялся трактатъ по этому предмету съ Турціею (См. Полн. собр. зак. т. XXI). Ода написана была вскорѣ по полученіи извѣстія объ этомъ трактатѣ и напечатана въ XI ч. Собесѣдника (стр. 132), вышедшей 20 февраля 1784 г. Тогдашнее заглавіе было: Ода на присоединеніе безъ военныхъ дѣйствій къ Россійской державѣ таврическихъ и кавказскихъ областей или на учиненный договорами съ Оттоманскою портою миръ 1874 года. Замѣтимъ, что еще прежде того, въ IX ч. Собесѣдника, явилась Ода на взятіе подъ россійскую державу Крыма и Кубани, «присланная отъ неизвѣстнаго». Державинъ, написавъ всю свою оду на тотъ же предметъ бѣлыми стихами, нашелъ нужнымъ оговориться на счетъ этой вольности, которой онъ не позволялъ себѣ со времени оды На смерть Бибикова и передъ новыми стихами его прочли въ Собесѣдникѣ слѣдующее письмо въ редакцію; «Господа издатели! Не безъизвѣстно, что древніе писали стихи безъ риѳмъ.

чему и новѣйшіе лучшіе авторы иностранные подражали и подражаютъ. Для опыта, покажется ли и нашей почтенной публикѣ сей образъ на нашемъ языкѣ стихотворства и можно ли продолжать оный, написана сія ода, которую, ежели будетъ достойна, прошу напечатать. Пребываю и проч.».

Въ своемъ Разсужденіи о лирической поэзіи (1811—1813 г., см. сочиненія Державина въ прозѣ) онъ видитъ въ риѳмѣ одно изъ существенныхъ отличій новой поэзіи отъ древней и, приведя для примѣра стихи, написанные имъ въ двоякомъ видѣ, замѣчаетъ: «Думаю, что въ послѣдней (т. е. въ поэзіи по образцу древней) больше свободы, больше изліянія жара, когда гармонія, на риѳмахъ не запинаясь, течетъ безпрерывно, подобно быстрой рѣкѣ, струя за струею. Но надобно къ сему болѣе природнаго дара, нежели искусства».

a—Перо графа Безбородко, водимое по мыслямъ князя Потемкина, получило успѣхъ, т. е чрезъ совѣтъ пріобрѣтенъ Крымъ» (Об. Д.).

b—«Отношеніе къ Константину Палеологу, царю константинопольскому, съ котораго смертью пало греческое царство, и что намѣсто его возрастаетъ великій князь Константинъ Павловичъ, котораго государыня желала возвесть на престолъ, изгнавъ Турковъ изъ Европы, и для того онъ обученъ былъ греческому языку. Какіе замыслы! Человѣкъ замышляетъ, а Богъ исполняетъ» (Об. Д.).

c—По разсказу Гомера, Цирцея обратила товарищей Одиссея въ свиней; но онъ спасъ и себя и ихъ съ помощію травы, полученной отъ Меркурія. Державинъ, представляя себѣ, что прежній образъ возвратила имъ Минерва, не совсѣмъ вѣренъ греческому миѳу.

d—Въ рукописи 1790-хъ гг. кто-то вмѣсто этого предлагалъ: «Гомеръ исходитъ изъ пигмея».

24 Въ вѣкъ Державина духовная поэзія была въ большомъ ходу по всей Европѣ. Почти у каждаго поэта XVIII-го столѣтія можно найти одно или нѣсколько стихотвореній, посвященныхъ прославленію Бога. Даже Вольтеръ написалъ въ молодости оду Le vrai Dieu (см. Oeuvres de Voltaire, изданіе Beuchot, т. XII, стр. 407). Этому направленію послѣдовали и русскіе поэты, начиная съ Ломоносова и Сумарокова. Съ тѣхъ поръ, какъ Державинъ сталъ участвовать въ журналахъ, на страницахъ ихъ нерѣдко являлись стихи подобнаго содержанія.

Естественно, что Державинъ, увлекаемый общимъ направленіемъ, пытался создать что-нибудь замѣчательное въ томъ же родѣ.

Оду Богъ началъ онъ еще въ 1780 г. по возвращеніи отъ заутрени Свѣтлаго Христова воскресенья; но должностныя занятія и столичныя развлеченія долго не давали ему кончить ее. Наконецъ, весною 1784 г., онъ, оставивъ службу по неудовольствіямъ съ княземъ Вяземскимъ, отправился въ Нарву и тамъ дописалъ давно занимавшую его оду (подробный разсказъ о томъ см. въ его Объясненіяхъ и Запискахъ). Она явилась въ XIII ч. Собесѣдника (стр. 125), вышедшей 23 апрѣля 1784 года.

Изъ всѣхъ стихотвореній этого рода ни одно нигдѣ не имѣло такого шумнаго успѣха, какъ ода Богъ. Она пріобрѣла европейскую извѣстность и переведена на языки: нѣмецкій, французскій, англійскій, италіянскій, испанскій, польскій, чешскій, латинскій и японскій.

a—«Авторъ, кромѣ богословскаго православной нашей вѣры понятія, разумѣлъ тутъ три лица метафизическія, т. е. безконечное пространство, безпрерывную жизнь въ движеніи вещества и неокончаемое теченіе времени, которыя Богъ въ себѣ совмѣщаетъ» (Об. Д.).

25 Написано въ то время, когда Державинъ былъ олонецкимъ губернаторомъ. Эта должность, которую онъ занималъ менѣе года, совершенно отвлекала его отъ поэзіи, такъ что, сколько извѣстно, онъ никакого другаго стихотворенія не написалъ въ Петрозаводскѣ. Поводъ къ пьесѣ Уповающему на свою силу подали Державину неудовольствія его съ олонецкимъ генералъ-

губернаторомъ, Т. И. Тутолминымъ; заимствовавъ мысль ея изъ 146 псалма, онъ излилъ тутъ убѣжденіе въ своей правотѣ. Строфы 4-я и 5-я содержатъ явные намеки на Тутолмина.

26 Писано въ послѣднее время пребыванія Державина въ Тамбовѣ, 1 ноября 1788 г., когда долго не было извѣстій изъ-подъ Очакова. Съ конца 10-ой строфы поэтъ обращается къ князю Сергѣю Ѳедоровичу Голицыну, который тогда, въ чинѣ генералъ-поручика, находился въ арміи Потемкина, а впослѣдствіи занималъ важныя военныя должности (род. 1748, ум. 1810 г.). Стихотвореніе было назначено для супруги его, княгини Варвары Васильевны, урожденной Энгельгардтъ, племянницы Потемкина, которая между тѣмъ оставалась въ селѣ Зубриловкѣ. Это богатое имѣніе, съ каменнымъ господскимъ домомъ, прекрасно построеннымъ между двумя обширными садами, расположено живописно на высокомъ берегу Хопра (нынѣ въ Балашовскомъ уѣздѣ, Саратовской губерніи) и принадлежитъ въ настоящее время внуку тогдашняго владѣльца, князю Александру Ѳедоровичу Прозоровскому-Голицыну. Мы посѣтили Зубриловку лѣтомъ 1862 года. Старый домъ поддерживается, или, точнѣе, возобновляется въ прежнемъ видѣ; стѣны его внутри увѣшаны портретами знаменитыхъ предковъ хозяина. Супруга нынѣшняго владѣльца, княгиня Марья Александровна, связана съ домомъ Державина и узами родства, и семейными преданіями: она по отцу—внучка друга и родственника его, Н. А. Львова.

a—Колпикъ, или колпица, птица бѣлаго цвѣта, изъ отдѣла голенастыхъ, которая водится въ южной Россіи.

b—Дяди ея, Потемкина, который любилъ ее, какъ отецъ. Мать ея была родная сестра Потемкина, вышедшая за Энгельгардта, который еще до возвышенія шурина своего умеръ маіоромъ.

27 Эти стихи написаны въ Москвѣ въ началѣ 1789 г., по случаю взятія Очакова Потемкинымъ 6 декабря 1788 г. и, по словамъ Остолопова, тогда же отправлены къ этому вельможѣ «отъ неизвѣстнаго автора, объ имени котораго не зналъ онъ (будто бы) до самой кончины своей».

a—Осада Очакова шла сначала неудачно: при дворѣ были весьма дурные толки о Потемкинѣ, «и едва ему не отказано отъ команды».

28 Писано въ первые мѣсяцы 1789 года, когда Державинъ, отрѣшенный отъ тамбовскаго губернаторства, жилъ въ Москвѣ, находясь подъ судомъ. Какъ самъ онъ говоритъ въ Объясненіяхъ своихъ, мысль этого стихотворенія почерпнута изъ псалма 103.

a—Державинъ сохранилъ въ своемъ переложеніи три греческія слова, употребленныя въ славянскомъ переводѣ псалма: въ стихѣ 11-мъ библейскаго текста—онагръ (дикій оселъ), въ 17-мъ—эродій (аистъ) и въ 21-мъ—скимнъ (молодой левъ).

29 Еще древніе поэты вдохновлялись иногда идеею о счастіи. Такъ, Пиндаръ обращается къ нему въ одномъ изъ своихъ гимновъ; у Горація между одами 1-й книги есть также одна (35-я) Ad Fortunam. Это одинъ изъ обычныхъ предметовъ стихотворства и въ восемнадцатомъ столѣтіи. Тогда славилась ода Жанъ-Батиста Руссо A la Fortune, которую перевели Ломоносовъ и Сумароковъ. Ода Державина, написанная прежде этой послѣдней, отличается отъ другихъ стихотвореній на ту же тему своимъ шуточнымъ тономъ и сатирическимъ содержаніемъ. Онъ написалъ ее, находясь въ Москвѣ подъ судомъ и въ оправданіе веселой ея ироніи прибавилъ къ заглавію слова: Писано на масляницѣ, съ которыми она и явилась въ изданіи 1798 г., стр. 179.

a—«Тогда разумѣлся Надиръ, изъ разбойника сдѣлавшійся царемъ персидскимъ, а послѣ и Наполеонъ можетъ служить примѣромъ» (Об. Д.).

b—Незадолго передъ тѣмъ вошелъ въ моду магнетизмъ: жена извѣстнаго М. И. Ковалинскаго (одно время правителя канцеляріи Потемкина) позволяла

приходить къ себѣ, когда находилась въ таинственномъ усыпленіи, предсказывала будущее и читала молитвы (Об. Д.). О магнетизмѣ, какъ новомъ способѣ шарлатанства, Екатерина около этого времени переписывалась съ Циммерманомъ (см. въ ея сочиненіяхъ письмо 9 къ Ц.).—Выраженіе: «Изъ камней золото варишь» относится къ графу А. С. Строганову, который хотѣлъ быть великимъ алхимикомъ, открыть золотую тинктуру и философскій камень, и на счетъ котораго императрица сочинила особую комедію (Об. Д.). Заглавіе этой пьесы не означено Державинымъ, но очевидно, онъ разумѣлъ комедію Обольщенный, въ которой Радотовъ выставленъ алхимикомъ и кабалистомъ. Въ 8-й сценѣ 2-го дѣйствія, жена Радотова, говоритъ: «Мнѣ кажется, будто онъ бредитъ». Британгинъ, братъ ея, отвѣчаетъ: «Похоже на то, ибо онъ варитъ золото, алмазы, составляетъ изъ розы металлы» и проч.

с—Съ учрежденія въ 1782 г. владимірскаго ордена, раздача подобныхъ знаковъ отличія сдѣлалась гораздо обыкновеннѣе прежняго; тогда же стали часто отставлять бригадирами молодыхъ людей изъ гвардіи, между тѣмъ какъ при Петрѣ Великомъ почти закономъ было: только стариковъ изъ капитановъ каждаго полка, по одному въ годъ, уволнять въ бригадирскомъ чинѣ (Об. Д.).

Въ двухъ слѣдующихъ куплетахъ заключаются намеки на счастливыя военныя дѣйствія Россіи и на выгодные для нея союзы, которыми императрица пріобрѣтала политическое преобладаніе въ Европѣ, такъ что здѣсь подъ Счастіемъ должно разумѣть Екатерину (Об. Д.). Не понимая этихъ намековъ, нѣкоторые еще въ 1820 году находили въ одѣ На счастіе «стихи безъ смысла, или содержащіе площадныя только шутки (А Темзу въ фижмы наряжаешь)». Противъ этого обвиненія извѣстный В. Н. Каразинъ такъ оправдывалъ поэта въ примѣчаніяхъ къ латинскому переводу оды Богъ (Соревнователь 1820 г., ч. IX, стр. 198): «Нѣтъ строки, нѣтъ выраженія въ шуточныхъ и важныхъ стихотвореніяхъ Державина, которыя бы были имъ написаны безъ намѣренія, безъ отношенія къ лицамъ или обстоятельствамъ того времени. Екатерина и другія особы, для которыхъ преимущественно писалъ онъ, понимали все это и умѣли цѣнить». Совершенно удовлетворительное объясненіе каждаго стиха 5-й и 6-й строфы теперь трудно, потому что многія изъ этихъ шутокъ основываются, конечно, на тогдашнихъ слухахъ и толкахъ, которые угадать можно бы только посредствомъ самаго мелочнаго изслѣдованія дипломатическихъ сношеній и газетныхъ извѣстій того времени. Однакожъ многое въ этихъ стихахъ объясняется извѣстными историческими обстоятельствами. Крымъ («Тавръ») былъ завоеванъ; съ Турціею и Швеціею была война. Очаковъ взятъ зимой. Въ отношеніи къ Швеціи Екатерина говорила: «Надобно употребить въ пользу превосходство нашего флота противъ непріятельскаго и, разбивъ его на морѣ, идти къ Стокгольму». Давно шли переговоры о заключеніи четвернаго союза между Россіей, Нѣмецкой имперіей, Испаніей и Франціей для противодѣйствія Пруссіи и Англіи. Въ войнѣ съ султаномъ намъ помогала Австрія, и взятіе Очакова такъ ободрило Іосифа II, что онъ всталъ съ одра болѣзни и великолѣпно праздновалъ это событіе. Между тѣмъ была рѣчь и о привлеченіи на нашу сторону Пруссіи («Берлину фабришь ты усы»), такъ же какъ и Голландіи, которой Густавъ III предлагалъ соединиться съ нимъ. Стихъ «И Темзу въ фижмы наряжаешь» относится къ тому, что англійская королева, послѣ помѣшательства супруга ея Георга III въ концѣ 1788 г., домогалась регентства съ устраненіемъ отъ него Вельсскаго принца и записывала расположенія Россіи. Союза съ Польшею искали и Россія и Пруссія; пріобрѣтеніе Гданска (Данцига) было цѣлью берлинскаго кабинета; петербургскій же, противодѣйствія тому, выказывалъ доброжелательство къ Данцигу («Пучокъ подносишь Гданску розъ»). Данія обѣщала намъ свою помощь противъ Швеціи, но вела себя двусмысленно; вслѣдствіе чего Екатерина написала «собственноручное сильное письмо къ датскому королю» и другое къ наслѣдному принцу («На Копенгагенъ иней

сѣешь»). Венеція и Мальта, по внушеніямъ Англіи, показывали недоброжелательство къ Россіи и т. д. См. Зап. Храпов. и Спб. Вѣд. за 1788 и 1789 г.

Выходки Державина въ этихъ стихахъ показываютъ, что онъ былъ хорошо знакомъ съ современной политикой. По его общественному и гражданскому положенію, многое было ему конечно извѣстно изъ самыхъ достовѣрныхъ источниковъ; можетъ быть, иное сообщалось ему въ письмахъ изъ Петербурга: Храповицкій прежде былъ его сослуживцемъ въ сенатѣ, Львовъ служилъ при Безбородкѣ.

d—Пунтировать (или понтировать) и трантелево—термины карточной игры; оба съ французскаго: ponter, trente-elle-va.

e—Подъ Ерихонцами, или жидами, здѣсь разумѣются подъячіе (Об. Д.).

g—Слово Мартышки, какъ насмѣшка надъ мартинистами, въ первый разъ употреблено было императрицею Екатериною въ комедіяхъ Обманщикъ (дѣйствіе I, сцена 1) и Обольщенный (дѣйствіе V, сц. 14).

h—Уранги—вмѣсто орангъ-утанги. При открытіи въ Тамбовѣ народнаго училища въ 1787 г., однодворецъ Захарьинъ произнесъ рѣчь, сочиненную впрочемъ не имъ, а Державинымъ, который въ то время былъ тамъ губернаторомъ.

i—«Тутъ разумѣются намѣстники, которые всѣ почти, хотя зависѣли отъ мановенія императрицы, но чрезвычайно дурачились, представляя ея лицо, сидя великолѣпно на тронахъ, когда допускали къ себѣ, при открытіи губерній, народныхъ депутатовъ и выборныхъ судей» (Об. Д.).

k—«Въ дѣланіи макароновъ упражнялся испанскій король, а въ слесарной работѣ—французскій, Людовикъ XVI (Об. Д.). Ясно, что здѣсь подъ «Мудростью среди троновъ» должно разумѣть Екатерину II. Около того времени, когда Державинъ писалъ эти стихи, она занималась сочиненіемъ разныхъ комедій и драматическихъ пословицъ.

l—Намекъ на Были и Небылицы, которыя императрица помѣщала въ Собесѣдникѣ. Хемъ, хемъ—кашель дѣдушки, одного изъ лицъ, являющихся въ этомъ сатирическомъ сочиненіи.

Тузять иного иногда.

m—«Симъ авторъ показываетъ, что безъ всякой вины, а только по одной привязкѣ вельможъ, былъ онъ удаленъ отъ губернаторства въ Тамбовѣ» (Об. Д.).

n—Т. е. ведетъ войну съ Швеціею и Турціею. Ода На Счастіе написана во время этой двойной войны.

o—При театрахъ и на площадяхъ сдѣланы были камины, у которыхъ народъ могъ грѣться въ жестокіе морозы; для бѣдныхъ людей устроены были не только хлѣбные, но дровяные и сѣнные запасные магазины (Об. Д.).

p—Изображеніе письмоводителей у сильныхъ людей; такое мѣсто и Державинъ занималъ прежде при князѣ Вяземскомъ (Об. Д.).

q—Въ концѣ 1788 года императрица сочинила на шведскаго короля Густава III оперу, изданную въ слѣдующемъ году, вмѣстѣ съ сказкою, послужившею ей основаньемъ, подъ заглавіемъ: Сказка о Горе-богатырѣ Косометовичѣ и опера комическая, изъ словъ сказки составленная.

r—Подъ гудкомъ разумѣется здѣсь Гудовичъ, тамбовскій генералъ-губернаторъ, бывшій начальникъ Державина, «человѣкъ ума посредственнаго», по вознесенный счастіемъ; а подъ хохломъ—графъ Безбородко и вообще Малороссіяне, «знатныя роли счастливо игравшіе» (Об. Д.).

s—Первый публичный опытъ воздухоплаванья былъ сдѣланъ братьями Montgolfier въ 1783 г. (въ Версали), такъ что имя ихъ долго послѣ того гремѣло по всей Европѣ. Воздушному шару, объясняетъ Державинъ, «счастіе здѣсь тѣмъ уподобляется, что упадаетъ куда случится».

t—Вся эта строфа относится «къ графу П. В. Завадовскому, который, бывъ изъ казачьяго роду, въ канцеляріи графа Румянцова прославился сочиненіемъ пышныхъ отъ него реляцій и педантическимъ слогомъ указа при учрежденіи объ управленіи губерній, а также рѣчами, отъ лица сената императрицѣ говоренными» (Об. Д.). Въ рукописи 1790-хъ годовъ Державинъ противъ слова, славно-школярнымъ помѣстилъ слѣдующее ироническое примѣчаніе: «Я выдумываю нарочно новыя и никому непонятныя слова; а особливо ежели захочу простую мысль представить пышною, или праваго сдѣлать виноватымъ, то пишу вмѣсто умедлить—упослѣживать и т. п.».

Беатусъ братъ мой, на волахъ и проч.

u—Beatus—первое слово извѣстныхъ стиховъ (2-го эпода) Горація: Похвала сельской жизни, которымъ и Державинъ впослѣдствіи подражалъ.

30 Это—одно изъ первыхъ стихотвореній, написанныхъ Державинымъ по возвращеніи въ Петербургъ, когда дѣло объ отрѣшеніи его отъ должности тамбовскаго губернатора было окончено въ московскихъ департаментахъ сената. Въ этихъ стихахъ, которыхъ мысль почерпнута изъ псалма 100, онъ начерталъ себѣ какъ бы программу будущей своей дѣятельности.

31 Изъ 1-го псалма. По увѣренію Остолопова, Державинъ переложилъ этотъ псаломъ «наиболѣе по тому поводу, что всѣ почти русскіе стихотворцы его передагали».

32 По прибытіи въ Петербургъ послѣ увольненія отъ тамбовскаго губернаторства, Державинъ хотя и оправдался передъ императрицею, однакожъ долго не получалъ другаго мѣста. Чтобы поправить свое положеніе, онъ искалъ доступа къ тогдашнему любимцу Екатерины, П. А. Зубову, но нѣсколько разъ не заставалъ его дома. «Не осталось другаго средства», говоритъ онъ въ своихъ Запискахъ «какъ прибѣгнуть къ своему таланту; вслѣдствіе чего написалъ онъ оду Изображеніе Фелицы, и къ 22 числу сентября, ко дню коронованія императрицы, передалъ чрезъ Эмина, который въ олонецкой губерніи былъ при немъ экзекуторомъ и былъ какъ-то Зубову знакомъ. Государыня прочетши оную, приказала любимцу своему на другой день пригласить автора къ нему ужинать и всегда принимать его въ свою бесѣду... Княгиня Дашкова, по старому знакомству чрезъ первую оду Фелицѣ, напечатанную въ Собесѣдникѣ, такъ же автора, какъ и прежде, благосклонно принимала и говорила императрицѣ много о немъ хорошаго, твердя безпрестанно съ похвалою о вновь сочиненной имъ одѣ Изображеніе Фелицы». Первую мысль этой оды Державинъ почерпнулъ, конечно, изъ Ломоносовскаго подражанія 28-й одѣ Анакреона.

a—Въ этой характеристикѣ Рафаэля всего замѣчательнѣе 2-й стихъ: «Творецъ искусствомъ естества». Здѣсь выражается весьма вѣрное эстетическое понятіе: этотъ стихъ показываетъ, что Державинъ считалъ художника не подражателемъ природы, а воспроизводителемъ ея,—понятіе, до котораго умѣли возвыситься немногіе только писатели восемнадцатаго столѣтія.

Одѣнь въ доспѣхи, въ брони златы и проч.

b—«Симъ изображается восшествіе на престолъ императрицы, когда она въ воинскомъ одѣяніи ѣхала на бѣломъ бодромъ конѣ, и сама предводительствовала гвардіею, имѣя обнаженный мечъ въ рукѣ» (Об. Д.).

b—Здѣсь разумѣется манифестъ о вольности дворянства, изданный Петромъ III и подтвержденный Екатериною II (Об. Д.).

c—Въ 1785 году было образовано, по утвержденію 1775 о губерніяхъ, 41 намѣстничество и одна область (таврическая) на правахъ губерніи.

d—Наказъ комиссіи о составленіи новаго уложенія.

e—Между созванными депутатами были представители самыхъ отдаленныхъ краевъ Сибири, какъ-то: Камчадалы, Тунгузы и проч. (Об. Д.).

f—Въ февралѣ 1786 года запрещено было называть просьбы челобитными и повелѣно подписываться въ заключеніи не рабъ, а всеподданнѣйшій или вѣрный подданный (Полн. Собр. Зак. т. XXII, № 16.329).

Екатерина «позволила изъ провинцій по надобностямъ пріѣзжать депутатамъ», а «при новыхъ издаваемыхъ законахъ позволила губернскому правленію созывать палаты и представлять къ ней, буде какіе примѣтитъ недостатки или погрѣшности» (Об. Д.).

j—«Позволила дворянскимъ и купеческимъ думамъ собираться и имѣть у себя складочную свою собственную казну и запретила депутатамъ, пріѣзжающимъ къ ней, говорить ей похвальныя рѣчи; позволила гражданскія дѣла въ нижнихъ и среднихъ мѣстахъ зачинать и окончательно рѣшить дворянамъ, гражданамъ и крестьянамъ избранными изъ ихъ общества судьями, а палатамъ велѣла ревизовать сіи дѣла по аппеляціямъ, слѣдовательно, и оканчивались ими самими» (Об. Д.).

i—Слово халдей употреблено здѣсь въ смыслѣ волхвовъ, чародѣевъ, т. е. послѣдователей сектъ, которыя приписывали себѣ тайныя сношенія съ духами. «Она смотрѣла сквозь пальцы на всѣ секты, которыя только не причиняли обществу вреда. Махать—шуточное изреченіе—значитъ волочиться» (Об. Д.). Впрочемъ, слово махать употреблялось также и въ отношеніи къ женщинамъ, и тогда значило: кокетничать.

k—«Подъ симъ выраженіемъ разумѣется раздѣленіе всей имперіи на умѣренныя губерніи, въ которыхъ нѣсколькими учрежденными судами управляли губернскія правленія, каждое въ своей сферѣ, такъ что не позволено переносить дѣлъ изъ одной губерніи въ другую, изъ чего выходила такая запутанность, что разобрать было невозможно, ибо тогда равное мѣсто перерѣшало рѣшеніе другаго». (Об. Д.).

l—Во время каруселя, въ 1766 г., Екатеринѣ было 37 лѣтъ.

m—«Подъ диваномъ здѣсь надо понимать сенатъ, а подъ мурзами, пашами и визирями—сенаторовъ и прочихъ служащихъ съ ними» (Об. Д.).

n—«Изреченіе Петра В., что не надо писать законовъ, коль ихъ не исполнять; сіе подтверждала въ указахъ императрица нѣсколько разъ» (Об. Д.).

o—Словомъ совѣсть напоминается учрежденіе совѣстнаго суда (Об. Д.).

p—«Съ царствованія сей государыни вошло въ обычай писать къ ней письма чрезъ обыкновенную почту, и она нерѣдко допускала къ себѣ для объясненія, когда ее кто-нибудь о томъ просилъ» (Об. Д.).

q—Здѣсь Державинъ говоритъ о томъ, что онъ самъ испыталъ, когда, послѣ отрѣшенія его отъ должности тамбовскаго губернатора и разсмотрѣнія дѣла его въ московскомъ сенатѣ, онъ допущенъ былъ до личнаго объясненія съ императрицей.

r—Здѣсь, какъ и ниже еще въ двухъ мѣстахъ подъ Зороастромъ разумѣется Петръ Великій, котораго бюстъ, какъ извѣстно, стоялъ въ кабинетѣ императрицы.

Тобой они и померцаютъ

«Симъ, по начинающейся революціи во Франціи, предназначалась кончина Людвига XVI» (Об. Д.). Сперва было «померкаютъ».

s—1763 сентября 1 учрежденъ Воспитательный Домъ въ Москвѣ; 1767 ноября 26—запасные хлѣбные магазины.

t—Здѣсь разумѣется вызовъ иностранцевъ (манифестами 4 декабря 1762 и 22 іюля 1763) для учрежденія колоній въ малонаселенныхъ краяхъ Россіи.

u—Въ 1767 году комиссія депутатовъ подносила императрицѣ чрезъ сенатъ наименованіе Великой, Премудрой, Матери отечества, а въ 1779 петербургское дворянство просило ее принять названіе Великой. Въ оба раза она отказалась отъ этихъ титловъ.

x—Здѣсь въ первый разъ Державинъ означаетъ русское царство словомъ полсвѣта, которое послѣ часто встрѣчается у него въ этомъ смыслѣ.

y—«Подъ симъ разумѣется отважный опытъ прививанія оспы, который императрица сама надъ собою первая приказала сдѣлать, дабы подать примѣръ тѣмъ ея подданнымъ, и съ того точно времени вошло въ обыкновеніе сіе спасительное въ Россіи средство» (Об. Д.). Это было въ 1768 году: вызванный изъ Англіи врачъ Димсдэль (Dimsdale) долженъ былъ привить оспу сперва императрицѣ, потомъ наслѣднику престола в. к. Павлу Петровичу; во всѣхъ губерніяхъ были устроены оспенные дома.

z—Подъ стоглавой гидрой разумѣются вызванныя Пугачевщиною возстанія въ разныхъ мѣстахъ Россіи, а подъ фуріями—моровая язва и голодъ, происшедшіе около того же времени.

w—«Подъ сребролуннымъ государствомъ разумѣется Оттоманская Порта» (по гербу ея), «а подъ желѣзнокаменнымъ царствомъ—Швеція, которыя вдругъ возстали войною на Россію, и обѣ были побѣждены» (Об. Д.).

aa—Левъ изображенъ въ гербѣ Швеціи.

bb—Здѣсь, по Об. Д., рѣчь идетъ о Тешенскомъ мирѣ (1779 г.), который заключенъ былъ между Австріей и Пруссіей вслѣдствіе угрозы Екатерины двинуть свои войска въ подкрѣпленіе Фридриха II.

33 Въ Московскомъ журналѣ за апрѣль 1791 г. (ч. II, стр. 3), гдѣ эти стихи въ первый разъ напечатаны, дано имъ такое заглавіе: Ода къ Евтерпѣ, по случаю пляски, бывшей на мызѣ у Ивана Ивановича Шувалова 1789 г. августа 24 дня. Въ объясненіяхъ же Державина сказано, что эта пьеса сочинена по поводу частаго посѣщенія княземъ Таврическимъ Марьи Львовны Нарышкиной, дочери оберъ-егермейстера Льва Александровича.

34 Эта похвала Екатеринѣ II написана по поводу посѣщенія императрицею камеръ-фрейлины Анны Степановны Протасовой, бывшей, почти во все ея царствованіе, въ числѣ наиболѣе близкихъ къ ней лицъ. Протасова не была исключена изъ самыхъ тѣсныхъ и довѣренныхъ бесѣдъ Екатерины; въ 1787 г. она участвовала въ крымскомъ путешествіи и вмѣстѣ съ графомъ Мамоновымъ находилась при государынѣ безотлучно въ дорожномъ экипажѣ.

35 Король Густавъ III хотѣлъ воспользоваться войною Екатерины II съ Турціей для нападенія на беззащитный Петербургъ и отторженія отъ Россіи областей, нѣкогда принадлежавшихъ Швеціи. Въ іюлѣ 1788 г. открылись военныя дѣйствія какъ на морѣ, такъ и на сухомъ пути. Но шведская армія передъ Фридрихсгамомъ не хотѣла сражаться, подъ предлогомъ, что король началъ наступательную войну безъ согласія сейма. При такихъ неблагопріятныхъ для Густава обстоятельствахъ миръ былъ заключенъ въ деревнѣ Верелэ (Wereläa) на рѣкѣ Кюмени, въ августѣ 1790 года, съ сохраненіемъ тѣхъ же отношеній и границъ, какія были до начала войны. 15-го числа императрица Екатерина изъ Царскаго Села пріѣхала съ объявленіемъ мира прямо въ Казанскій соборъ и отслужила благодарственный молебенъ. На этотъ-то случай Державинъ и сочинилъ свою оду.

36 Написанъ по случаю торжества шведскаго мира, которое совершено было въ Петербургѣ 8 сентября 1790 г.

a—Львами названы Шведы по находящемуся въ государственномъ гербѣ ихъ изображенію.

37 «Подвигъ взятія Измаила затмилъ собой и величіе, и ужасы Очаковскаго штурма. Крѣпость стояла упорно, также до глубокой зимы. Она защищалась отчаянно. Потемкинъ, жившій тогда въ Бендерахъ, колебался, по обыкновенію, приступить къ рѣшительнымъ мѣрамъ. Разъ одна дама, госпожа В., гадала передъ нимъ на картахъ и сказала, что Измаилъ сдастся черезъ три недѣли. «Я умѣю гадать лучше васъ», отвѣчалъ Потемкинъ съ улыбкою, и въ ту жъ минуту послалъ къ Суворову приказаніе взять Измаилъ приступ-

помъ, во что бъ то ни стало. Приказаніе было исполнено (11 декабря 1790 г.). Какъ исполнено—не читайте исторіи... читайте оду Державина На взятіе Измаила... Она имѣетъ ужасное достоинство истины»! (Н. Надеждинъ въ брошюрѣ Свѣтл. князь Таврическій, Одесса, 1839).

О происхожденіи оды самъ Державинъ такъ разсказываетъ въ своихъ Запискахъ (Рус. Бес., стр. 301): «Съ извѣстіемъ симъ» (т. е. о взятіи Измаила) «фельдмаршалъ князь Потемкинъ прислалъ ко двору, чтобъ болѣе угодить императрицѣ, брата любимцева, Валеріана Александровича Зубова, что послѣ былъ графомъ и генералъ-аншефомъ. Въ самое то время случился въ комнатахъ фаворита и Державинъ. Онъ въ первомъ восторгѣ о сей побѣдѣ далъ слово радостному вѣстнику написать оду, которую и написалъ... Ода сія не токмо императрицѣ, ея любимцу, но и всѣмъ понравилась. Слѣдствіемъ сего было то, что онъ получилъ въ подарокъ отъ государыни богатую, осыпанную брильянтами табакерку (въ 2,000 р., какъ прибавлено въ Объясненіяхъ), и былъ принимаемъ при дворѣ еще милостивѣе. Государыня, увидѣвъ его при дворѣ въ первый разъ по напечатаніи сего сочиненія, подошла къ нему и съ усмѣшкою сказала: «Я не знала по сіе время, что труба ваша столь же громка, какъ и лира пріятна».

a—Измаильская крѣпость была обороняема тремя стами пушекъ (Об. Д.).

b—«Въ пять часовъ утра, когда пущена была третья ракета, вдругъ шесть колоннъ, среди которыхъ находился Суворовъ, сухимъ путемъ, и три на судахъ двинулись къ Измаилу» (Словарь достоп. людей, статья: Суворовъ).

c—Полковой священникъ съ крестомъ въ рукѣ первый взошелъ на городскую стѣну (Об. Д.).

d—Здѣсь разумѣются сѣверные варвары, разрушившіе западно-римскую имперію, изъ конхъ нѣкоторые вошли въ составъ Россіи (Об. Д.).

e—Здѣсь разумѣется Константинополь, почитавшійся у древнихъ за центръ земной (Об. Д.).

f—Т. е. флотъ подъ парусами (Об. Д.). Въ слѣдующихъ стихахъ, подъ сѣдою тѣнью мужа и подъ царицею, равною великимъ мужамъ, должно, конечно, разумѣть Потемкина и Екатерину.

h—«Въ Византіи находятся камни съ надписями древнихъ народовъ, которыя пророчествуютъ о взятіи сѣверными народами Константинополя; мистики находятъ о томъ пророчество и въ самомъ священномъ писаніи» (Об. Д.).

i—«Т. е. городъ Аѳины возвратить богинѣ Минервѣ, подъ которою разумѣется Екатерина» (Об. Д.).

j—«Константинополь подвергнуть державѣ в. к. Константина Павловича, къ чему покойная государыня всѣ мысли устремляла» (Об. Д.).

38 Графу Александру Сергѣевичу Строганову на день рожденія его.

39 По смѣшанной формѣ этого Описанія можетъ преставиться вопросъ, не справедливѣе ли было бы помѣстить его между сочиненіями Державина въ прозѣ. По нашему мнѣнію, говоритъ Я. Гротъ, оно болѣе относится сюда, потому что основную часть его составляютъ стихи, написанные къ Потемкинскому празднику. Къ нимъ уже послѣ придѣлано описаніе, на которое можно смотрѣть какъ на комментарій къ стихамъ.

Такъ какъ описанный Державинымъ праздникъ данъ былъ по случаю взятія Измаила, то здѣсь не излишне будетъ упомянуть о впечатленіи, произведенномъ на императрицу этимъ событіемъ. «Не Измаилъ», доносилъ ей Потемкинъ изъ Бендеръ, «но армія турецкая, состоящая въ 30-ти слишкомъ тысячахъ, истреблена въ укрѣпленіяхъ пространныхъ . . . Болѣе уже 20,000 сочтено тѣлъ, да слишкомъ 7,000 взято въ плѣнъ, а еще отыскиваютъ; знаменъ 310 уже привезено, а еще сообщаютъ; пушекъ будетъ до 300; войски ваши оказали мужество примѣрное и неслыханное и проч. Повергаю къ освященнымъ стопамъ в. и. в. командующаго штурмомъ генерала графа Суворова Рымникскаго; его подчиненныхъ, отлично храброе ваше войско и себя»

Поздравляя Потемкина съ этимъ успѣхомъ, Екатерина, между прочимъ, писала ему въ отвѣтъ: «Измаильская эскалада города и крѣпости съ корпусомъ въ половину противу турецкаго гарнизона, въ ономъ находящагося, почитается за дѣло, едва ли еще гдѣ въ исторіи находящееся, и честь приноситъ неустрашимому россійскому воинству . . . Дай Боже, чтобы успѣхи ваши заставили Турокъ взяться за умъ и скорѣе заключить миръ . . . Спасибо тебѣ, мой другъ сердечный и любезный, за всѣ добрыя и полезныя дѣла, тобою подѣланныя, за порядокъ и неустрашимость войскъ: скажи имъ спасибо отъ меня, а о награжденіи себѣ предоставляю говорить по полученіи чрезъ Попова подробности и твои представленія».

Послѣ взятія Измаила, Потемкинъ жилъ то въ Бендерахъ, то въ Яссахъ, съ безмѣрнымъ великолѣпіемъ, окруженный дворомъ, какъ государь. Тревожась по поводу разныхъ слуховъ, которые давно доходили до него изъ Петербурга, онъ просилъ у государыни позволенія пріѣхать въ столицу. Екатерина отвѣчала ему, что, какъ всегда, рада его видѣть, но вмѣстѣ напоминала, не упуститъ ли онъ тѣмъ важныя минуты, которыми можетъ воспользоваться на мѣстѣ для скорѣйшаго возстановленія мира. Поэтому она требовала, чтобъ онъ дождался извѣстій о впечатлѣніи, какое произведетъ въ Царьградѣ взятіе Измаила, и дозволяла ему пріѣхать «съ нами побесѣдовать» только въ такомъ случаѣ, если самъ онъ удостовѣрится, что его отъѣздъ дѣла не испортитъ, а о мирѣ не отдалитъ переговоровъ, или ранняго открытія новой кампаніи не остановитъ. «Въ противномъ случаѣ,» прибавляла императрица, «нахожусь въ необходимости усердно тебя просить предпочитать пользу дѣлъ и не отлучаться; но, заключа миръ, возвратиться яко миротворецъ, либо, устроя все къ принужденію Турокъ къ оному самыми дѣйствіями, тогда пріѣхать». Потемкинъ, находя, что для дѣлъ была глухая пора, пустился въ путь, но передъ выѣздомъ изъ Яссъ не забылъ однакожъ сдѣлать всѣхъ нужныхъ распоряженій для открытія новой кампаніи. 28 февраля 1791 года онъ пріѣхалъ въ Петербургъ. Екатерина, по словамъ Надеждина, приняла его съ прежнимъ радостнымъ лицомъ, съ знаками неизмѣнившейся благосклонности и уваженія, возвысившагося соразмѣрно съ заслугами. Давно уже она подарила ему Конногвардейскій домъ, построенный по плану, имъ самимъ избранному. Потомъ онъ продалъ это зданіе въ казну за 460 т. р. Когда же зашла рѣчь о построеніи ему дома, въ награду за его побѣды, онъ снова выпросилъ себѣ это зданіе, слѣдовательно, получилъ и домъ, и около полумилліона денегъ.

Новыя милости Екатерины къ Потемкину не могли скрыть отъ него перемѣны, происшедшей въ ея расположеніи; онъ видѣлъ подтвержденіе слуховъ, доходившихъ до него еще въ Молдавіи, о перевѣсѣ вліянія Зубова. Болѣзненная тоска, тайныя предчувствія снѣдали Потемкина. Онъ хотѣлъ какъ будто испытать еще послѣднее средство, чтобы доказать государынѣ, что въ преданности къ ней никто не можетъ съ нимъ сравниться. Онъ задумалъ дать ей въ своемъ Таврическомъ домѣ праздникъ, который неслыханнымъ великолѣпіемъ долженъ былъ затмить всѣ прежнія празднества этого рода.

а—Здѣсь разумѣется бывшій начальникъ Державина, генералъ-прокуроръ кн. Вяземскій, который теперь вредилъ ему при производствѣ дѣлъ въ сенатѣ. Поэтъ съ намѣреніемъ помѣстилъ тутъ эти стихи, чтобъ намекнуть на вельможъ, подобныхъ Аману. Эсѳирь, которая отъ притѣсненій послѣдняго защищала Мардохея, представляетъ здѣсь Екатерину II, бывшую на сторонѣ Державина (Об. Д.).

b—Румянцовъ, для защищенія нашей арміи отъ многочисленныхъ турецкихъ силъ, ввелъ въ употребленіе карѣ, которыя дѣйствовали артиллеріею и съ большою выгодою замѣнили тяжелыя рогатки, только замедлявшія движеніе войска при Минихѣ.

c—«Когда князь Потемкинъ о чемъ-либо размышлялъ или дѣлалъ какое-либо распоряженіе, въ такомъ случаѣ, чтобъ мысли его не разсѣялись, но

удержаны были бы при избранномъ предметѣ, бралъ онъ между перстами два дорогихъ камня и теръ одинъ объ другой или обтиралъ пилочкою серебро, или раскладывалъ разными фигурами драгоцѣнные камни и увеселялся игрою ихъ блеска».

40 Такъ названа эта ода по отношенію къ другой, написанной въ 1780 г. къ тогдашнему, первому сосѣду Державина, М. С. Голико, который жилъ противъ него на Сѣнной. Въ 1790 году Державинъ купилъ домъ на Фонтанкѣ близъ Измайловскаго моста рядомъ съ домомъ полковника Гарновскаго, котораго онъ и разумѣетъ подъ именемъ втораго сосѣда. Гарновскій всѣмъ былъ обязанъ Потемкину, служилъ у него управителемъ, завѣдывалъ его Таврическимъ домомъ и нажилъ огромное состояніе. Строя себѣ великолѣпное зданіе, походившее на дворецъ въ сравненіи съ смежнымъ домомъ, этотъ случайный богачъ смотрѣлъ презрительно на перестройки, предпринятыя въ то же время новымъ сосѣдомъ его. Домъ, построенный Гарновскимъ, до сихъ поръ извѣстенъ подъ его именемъ; бывшій домъ Державина, проданный по смерти второй жены его, занятъ нынѣ римско-католическою коллегіею.

a—Тивдія — рѣка и деревня въ олонецкой губерніи; недалеко оттуда ломка мрамора, по большей части красноватаго съ бѣлыми струями и пятнами, но отчасти и совсѣмъ бѣлаго. Рифей — древнее названіе Уральскихъ горъ. Глазумея — «лучшій цвѣточный китайскій чай» (Об. Д.).

b—Гарновскій строилъ свой домъ въ надеждѣ, что его купитъ казна для кого-нибудь изъ великихъ князей или княженъ.

c—Гарновскій, какъ повѣренный кн. Потемкина, переводилъ въ армію, во время турецкой войны, большія денежныя суммы; не отдавая въ томъ никому отчета, онъ подвергся подозрѣнію въ незаконномъ ихъ употребленіи и, по восшествіи на престолъ императора Павла, никогда не благоволившаго къ Потемкину, былъ посаженъ въ крѣпость, а домъ его за долги проданъ съ публичнаго торга. Потомъ онъ поступилъ въ казну и въ немъ помѣщены были конногвардейскія конюшни (Об. Д.). Впослѣдствіи онъ былъ обращенъ въ казармы Измайловскаго и лейбъ-егерскаго полковъ.

d—Подъ Фебомъ разумѣется здѣсь Потемкинъ (Об. Д., см. предыдущее примѣчаніе).

e—Англійская графиня Кингстонъ завѣщала Гарновскому свое имѣніе; во время своей невзгоды онъ, ходя по судебнымъ мѣстамъ, потерялъ почти все это наслѣдство и, будучи выпущенъ изъ крѣпости, содержался въ городской тюрьмѣ (Об. Д.). Графиня Кингстонъ, извѣстная своею красотою и приключеніями, пріѣхала въ 1777 г. въ Петербургъ искать счастія. Она купила близъ Невы имѣніе и поручила завѣдываніе имъ Гарновскому, который пользовался особеннымъ ея расположеніемъ. Холодность, какую императрица Екатерина оказывала графинѣ Кингстонъ, заставила ее оставить Россію; она удалилась въ Италію.

f—По смерти Потемкина, Гарновскій сталъ перевозить изъ Таврическаго дома въ свое новое зданіе многія вещи, какъ-то: картины, мебель и даже строительные матеріалы. Узнавъ о томъ, родственники покойнаго, особливо же генералъ-прокуроръ А. Н. Самойловъ, остановили чрезъ полицію это расхищеніе (Об. Д.).

g—Извѣстное преданіе о чертѣ народной любви къ боярину Артамону Сергѣевичу Матвѣеву. Подъ хижиной Петра разумѣется домикъ въ голландскомъ вкусѣ, построенный Петромъ Великимъ близъ петербургской крѣпости во время работъ при заложеніи ея. Онъ тщательно сохраняется. Словами какъ храмъ поэтъ какъ бы предугадалъ будущій характеръ этого домика, въ которомъ при императорѣ Николаѣ I устроена часовня съ чудотворными иконами, привлекающими множество богомольцевъ.

41 Написано на пріѣздъ въ Петербургъ баденской принцессы, впослѣдствіи императрицы Елисаветы Алексѣевны.

42 Искренняя дружба давно связывала Державина съ Николаемъ Александровичемъ Львовымъ. Это былъ человѣкъ, одаренный разнообразными талантами, необыкновенно любознательный и дѣятельный.

43 «Несчастный и добродѣтельный Людовикъ XVI родился нов. ст. 23 августа 1754 г., взошелъ на престолъ по смерти дяди своего 10 мая 1774 г., умерщвленъ 21 января 1793 г., слѣдовательно, царствовалъ 18 лѣтъ и 4 мѣсяца» (Зап. Храп.). 12 марта пріѣхалъ въ Петербургъ братъ Людовика графъ д'Артуа, который и оставался здѣсь до 17 апрѣля. Въ присутствіи его, 26 марта, была совершена въ католической церкви, съ музыкою извѣстнаго придворнаго капельмейстера Сарти, панихида по покойномъ королѣ, при которой, конечно, находилась и императрица съ дворомъ своимъ. На этотъ-то случай написаны стихи Державина.

44 Написано въ началѣ мая въ Царскомъ Селѣ на сговоръ великаго князя Александра Павловича съ великой княгиней Елисаветой Алексѣевной «и на хороводъ, называемый Заплетися плетень, когда женихъ и невѣста запутались въ немъ такъ лентою, что должно было разрѣзывать оную». Обрученіе царственной четы было 10 мая 1793 г. (Зап. Храп.).

45 Александръ Васильевичъ Храповицкій особенно извѣстенъ Памятными Записками, которыя онъ велъ, находясь съ 1 января 1782 по 2 сентября 1793 г. при императрицѣ Екатеринѣ II «по собственнымъ ея дѣламъ и у принятія прошеній».

а—Т. е. и посредствомъ гудка вышелъ бы въ люди.

b—Генералъ-поручикъ Иванъ Варѳоломеевичъ Якобій, бывшій иркутскій генералъ-губернаторъ, былъ подъ судомъ по обвиненію, что онъ возбуждалъ Китайцевъ къ войнѣ съ Россіею. Державинъ разсматривалъ его дѣло и призналъ его невиннымъ. Иванъ Власовичъ Логиновъ содержалъ с.-петербургскіе и московскіе питейные сборы съ 1775 по 1778 г. Съ помощью своего покровителя, Потемкина, онъ снялъ откупъ безъ представленія залоговъ и безъ переторжки и, не имѣя денегъ, склонилъ въ Москвѣ комиссаріатскаго казначея Руднева ссудить его 400,000 руб. казенныхъ денегъ. Возникшее отсюда дѣло тянулось около 20 лѣтъ и наконецъ передано было императрицей Державину, который, бывъ назначенъ вскорѣ послѣ того сенаторомъ, способствовалъ къ правильному рѣшенію его вопреки генералъ-прокурору гр. Самойлову, племяннику Потемкина: Логиновъ принужденъ былъ уплатить въ казну болѣе двухъ милліоновъ руб.

46 Въ основаніе этихъ стиховъ положенъ 120-й псаломъ. Они написаны по поводу охлажденія, которое императрица стала оказывать Державину, когда онъ возвратился къ исполненію должности послѣ болѣзни.

47 Написано, собственно, еще въ 1792 году и напечатано въ Московскомъ журналѣ за декабрь этого года.

48 Первая жена поэта похоронена въ Александро-Невской лаврѣ. На гробницѣ ея высѣчена эта надпись.

Вельможъ меня поставилъ въ ликѣ.

Это относится къ недавнему назначенію Державина въ должности сенатора и президента коммерцъ-коллегіи. См. выше, стихъ 4-го куплета пьесы Буря: «Въ сонмъ вельможъ меня поставилъ».

49 Написано ко дню имянинъ Платона Александровича Зубова 18 ноября. Изъ Записокъ Державина извѣстно, что онъ, по возвращеніи въ Петербургъ послѣ тамбовскаго губернаторства, долго не получая никакой должности, рѣшился искать покровительства Зубова, который незадолго передъ тѣмъ возвысился. Доставивъ ему, для поднесенія Екатеринѣ, Изображеніе Фелицы, Державинъ достигъ знакомства съ нимъ и вскорѣ принятъ былъ въ должность при собственныхъ дѣлахъ государыни.

50 Стихи, послужившіе началомъ этой оды, были написаны еще въ 1774 году, въ саратовскихъ колоніяхъ, вскорѣ послѣ Пугачевскаго бунта, и были написаны въ честь Румянцова.

a—Чупятовъ былъ гжатскій купецъ, торговавшій при с.-петербургскомъ портѣ пенькою. Вслѣдствіе пожара, истребившаго амбары его на биржѣ, онъ объявилъ себя банкротомъ, — какъ увѣряли нѣкоторые, притворно: избѣгая непріятностей отъ своихъ вѣрителей, онъ представился помѣшаннымъ и навѣсилъ на себя разноцвѣтныхъ лентъ и медалей, присланныхъ къ нему будто бы влюбленною въ него марокскою принценссою. Нѣкоторые насмѣшники, пользуясь этимъ, присылали къ нему по почтѣ ленты и грамоты, которыми онъ очень утѣшался (Об. Д.).

Этими стихами Державинъ хочетъ сказать, что кто не ознаменовалъ себя истинными заслугами на военномъ или на гражданскомъ поприщѣ, тотъ въ своихъ орденахъ похожъ на помѣшаннаго Чупятова.

b—Изъ послѣдующихъ объясненій Державина надобно заключать, что онъ въ этой характеристикѣ разумѣлъ Потемкина; но многія черты ея могли равно относиться и къ Зубову.

c—Лунь—бѣлая птица, родъ ястреба.—Многіе сѣдые заслуженные генералы сиживали по нѣсколько часовъ въ прихожей у Потемкина, Безбородки и другихъ вельможъ, ожидая, пока они проснутся и выйдутъ къ просителямъ (Об. Д.).

d—Вдова Костогорова. Мужъ ея, полковникъ, былъ изъ числа приближенныхъ Потемкина. Поссорясь за него, Костогоровъ долженъ былъ стрѣляться съ извѣстнымъ Иваномъ Петровичемъ Горичемъ, храбрымъ человѣкомъ, который уже послѣ былъ генералъ-аншефомъ. Послѣдній убилъ его изъ пистолета, заряженнаго тремя пулями. Вдова Костогорова, ища покровительства Потемкина, часто хаживала къ нему съ грудным младенцемъ на рукахъ и на лѣстницѣ ожидала его выхода (Об. Д.).

e—Императрица давала нерѣко волю своимъ любимцамъ вмѣшиваться въ дѣла чуждыхъ имъ частей управленія. Такъ, графъ Зубовъ, чрезъ генералъ-прокурора гр. Самойлова, дѣлалъ что хотѣлъ: по навѣталъ Трощинскаго и управлявшихъ таможнею, императрица приказала объявить Державину, чтобъ онъ, хотя и былъ призидентомъ коммерцъ-коллегіи, не отправлялъ этой должности и не мѣшался въ дѣла ея, предоставивъ дѣйствовать—по с.-петербургской таможнѣ Алексѣеву, бывшему тогда вице-губернаторомъ въ Петербургѣ, а по таврической—Пл. Зубову, который былъ генералъ-губернаторомъ екатеринославскимъ и таврическимъ.

f—Здѣсь подъ этимъ именемъ разумѣется Румянцовъ, который, по наговорамъ Потемкина, долженъ былъ не только оставить армію, но и удалиться изъ Молдавіи; по смерти же князя Таврическаго, онъ назначенъ былъ главнокомандующимъ въ Польшѣ и содѣйствовалъ Суворову къ успѣшному окончанію войны въ этой странѣ (Об. Д.). Румянцовъ, вмѣстѣ съ Пожарскимъ и Долгоруковымъ, внушалъ нашему поэту особенное уваженіе.

51 6 апрѣля 1794 г. вспыхнуло въ Варшавѣ возстаніе; на улицахъ началось кровопролитіе, продолжавшееся нѣсколько дней. Колонтай хотѣлъ-было перерѣзать всѣхъ Русскихъ; но Костюшко, провозглашенный главнымъ начальникомъ съ неограниченною властью, не допустилъ такого злодѣйства. Рескриптомъ 16 мая Румянцовъ назначенъ главнокомандующимъ съ нашей стороны; Суворовъ, которому онъ поручилъ усмиреніе мятежа, собралъ корпусъ тысячъ въ двѣнадцать, разбилъ Поляковъ внезапно сперва при Кобринѣ, потомъ у Бреста-Литовскаго и, пройдя въ три недѣли 560 верстъ, во второй половинѣ октября подступилъ къ Прагѣ, защищаемой 30,000-нымъ войскомъ и 104 пушками. Раздѣливъ войска свои на семь колоннъ, онъ назначилъ днемъ приступа 24-е число. Въ пять часовъ утра была пущена ракета: ко-

лонны двинулись и, несмотря на отчаянную оборону, Прага взята въ три часа времени въ виду столицы Польши, полагавшей на нее всю свою надежду.

а—«Т. е. Варшава или Польша приняла совѣты французскаго кабинета, отвергнувъ возмущеніемъ покровительство императрицы Екатерины« (Об. Д.).

b—Король прусскій Фридрихъ Вильгельмъ, бывшій въ союзѣ съ императрицей и совокупно съ русскими войсками атаковавшій Варшаву, ушелъ оттуда; Поляки со стыдомъ его прогнали. Политика Пруссаковъ была не чистосердечна: они съ одной стороны, казалось, шли противъ республиканскихъ нововведеній Французовъ, но въ сердцѣ были съ ними согласны и воевали изъ корысти, отчего послѣ и погибли (Об. Д.).

52 Она родилась 11 іюля 1792 г. а умерла 15 января 1795 г.

а—«Императрица сама была на погребеніи, одѣтая въ бѣломъ платьѣ, имѣя сѣдые растрепанные волосы, блѣдна и безмолвна, что составляло страшный позоръ», т. е. позорище (Об. Д.).

53 Сочинено на второй бракъ Державина—съ Дарьей Алексѣевной Дьяковой, 31 января 1795 г. Поэтъ, желая изобразить ее, обращается къ Анжеликѣ Кауфманъ точно такъ же, какъ въ Изображеніи Фелицы онъ обратился къ Рафаэлю. Въ настоящемъ случаѣ онъ избралъ Кауфманъ потому, что эта знаменитая въ то время живописица обыкновенно писала высокія и стройныя фигуры съ греческими лицами, какова была и Милена. Такъ говоритъ самъ Державинъ въ своихъ Объясненіяхъ. Анжелика Кауфманъ (въ замужествѣ Цукки, Zucchi), дочь живописца, родилась 1741 г. въ городѣ Курѣ, въ Граубинденѣ, умерла 1807 г. въ Римѣ. Уже съ 11 лѣтъ отъ роду она начала писать портреты съ удивительнымъ талантомъ; особенно прославилась она во время пребыванія своего въ Англіи и въ Италіи. Лучшимъ ея произведеніемъ считается Мадонна, въ католической церкви въ Курѣ.

54 Изъ приглашенныхъ по этому случаю лицъ поэтъ въ примѣчаніяхъ упоминаетъ князя П. А. Зубова, И. И. Шувалова и графа А. А. Безбородко.

а—Между прочими былъ званъ любимецъ императрицы кн. Зубовъ; онъ и обѣщалъ пріѣхать, но передъ обѣдомъ прислалъ сказать, что его государыня удержала. Къ нему-то и относится этотъ стихъ (Об. Д.).

55 Въ настоящей пьесѣ онъ подъ именемъ Анакреона разумѣетъ самого себя. По словамъ поэта, она написана экспромтомъ во время игранія на арфѣ Марьи Львовны Нарышкиной, той самой, которую онъ въ 1789 г. воспѣлъ подъ именемъ Евтерпы.

56 Ивана Ивановича Бецкаго, родившагося въ Стокгольмѣ 3 февраля 1704, умершаго въ Петербургѣ 31 августа 1795 года, на 92-мъ отъ рожденія. Извѣстно, что отецъ его былъ князь Иванъ Юрьевичъ Трубецкой, взятый въ плѣнъ Шведами въ нарвскомъ сраженіи, и что дѣятельность Бецкаго была главнымъ образомъ посвящена призрѣнію младенцевъ, рожденныхъ внѣ брака, и воспитанію молодаго поколѣнія, почему современники и называли его въ шутку: Бецкой, воспитатель дѣтской. По его старанію были учреждены такъ называемые Воспитательные домы для приносимыхъ дѣтей, сначала въ Москвѣ (1763), а потомъ и въ Петербургѣ (1770), также извѣстное подъ именемъ Смольнаго монастыря заведеніе для благородныхъ и мѣщанскихъ дѣвицъ (1764). Онъ былъ главнымъ попечителемъ Воспитательныхъ домовъ, шефомъ сухопутнаго шляхетнаго кадетскаго корпуса и президентомъ академіи художествъ. Въ послѣднихъ двухъ учрежденіяхъ, какъ и въ Смольномъ монастырѣ, онъ содержалъ нѣсколько дѣтей на своемъ собственномъ иждивеніи и въ духовной своей завѣщалъ изъ принадлежавшаго ему капитала въ 400.000 рублей значительныя суммы этимъ заведеніямъ. Въ память его заслугъ сенатъ, въ концѣ 1773 г., торжественно поднесъ ему золотую медаль съ портретомъ его.

57 Это Приношеніе, или, какъ мы теперь говоримъ, Посвященіе, въ первый разъ помѣщено было въ началѣ рукописи стихотвореній Державина,

поднесенной имъ государынѣ 6 ноября 1795 года и составляющей нынѣ собственность императорской публичной библіотеки.

a—Державинъ производилъ свой родъ отъ мурзы Багрима, выѣхавшаго изъ Золотой Орды при Василіи Темномъ, и, любя все необычайное, пользовался иногда въ своихъ стихахъ этимъ происхожденіемъ, чтобы придать имъ болѣе оригинальный колоритъ. Оттуда названіе мурзы, которое онъ принялъ въ Фелицѣ и другихъ одахъ, сообщивъ имъ нѣкоторыя черты восточнаго быта.

58 Сочинено на русскую пляску великихъ княженъ Александры и Елены Павловны, бывшую въ тронной залѣ Зимняго дворца въ первый день Святокъ, 25 декабря 1795 года.

59 Почерпнуто изъ 48 псалма.

60 Гремиславою названа здѣсь Екатерина II. Въ шуточныхъ стихахъ Державинъ, какъ самъ онъ говоритъ, не позволялъ себѣ употреблять настоящаго имени государыни, а называлъ ее Фелицею; но такъ какъ этимъ послѣднимъ именемъ безпрестанно пользовались въ своихъ сочиненіяхъ и другіе писатели, то онъ рѣшился придумать новое (Об.). День рожденія императрицы былъ 21 апрѣля.

a—Онъ женился въ 1759 году на Маринѣ Осиповнѣ Закревской, племянницѣ Разумовскихъ.

b—«Л. А., забавляя императрицу, нерѣдко передъ ней шучивалъ и нечаяннымъ образомъ спускалъ передъ ней кубари» Об. Д.).

c—«Онъ былъ весьма острый и смѣтливый человѣкъ, а ежели бы не напустилъ на себя шутовства и шалости, то бы могъ по своему уму быть хорошій министръ или генералъ» (Об. Д.).

d—Посѣщавшіе Екатерину II государи и принцы, къ числу которыхъ въ послѣдніе годы присоединился и графъ д'Артуа, братъ Людовика XVI, «а также азіятскіе ханы и султаны, пріѣзжавшіе въ столицу, всѣ у него бывали и нерѣдко обѣдывали» (Об. Д.). Названіе салма въ изданіи 1798 г. объяснено словами: «татарская похлебка».

e—Императрица часто посѣщала Нарышкина какъ въ городскомъ его домѣ, такъ и на дачѣ (Об. Д.).

f—Этотъ стихъ, какъ вскорѣ обнаружилось, заключалъ въ себѣ предсказаніе: императрица прожила только нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того, какъ онъ былъ написанъ (Об. Д.).

61 Ѳедора Григорьевича, род. 8 февраля 1741, ум. въ Москвѣ 17 мая 1796 года. Онъ возвысился, вмѣстѣ съ братьми своими въ началѣ царствованія Екатерины II, и хотя находился въ гражданской службѣ (оберъ-прокуроромъ въ сенатѣ), но при открытіи турецкой войны отправился съ графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ въ Архипелагъ, взялъ въ Морей нѣсколько крѣпостей и участвовалъ въ чесменской битвѣ, гдѣ едва не погибъ вмѣстѣ со взорваннымъ на воздухъ кораблемъ Евстафіемъ. Въ царскосельскомъ саду воздвигнутъ ему особый памятникъ, котораго не должно смѣшивать съ большою ростральною колонною середи пруда, поставленною въ честь его брата.

62 На двадцать шестомъ году отъ рожденія Валеріанъ Александровичъ Зубовъ получилъ начальство надъ тридцатипятитысячнымъ войскомъ, отправленнымъ въ Персію. Въ апрѣлѣ 1796 онъ выступилъ изъ Кизляра къ Дербенту, вскорѣ обложенному, по его распоряженію, со всѣхъ сторонъ. Подойдя къ крѣпости и устроивъ батареи, онъ приказалъ штурмовать большую каменную башню, которая и взята послѣ храброй полуторачасовой защиты; бывшіе въ ней 500 персіянъ легли на мѣстѣ. Черезъ нѣсколько дней, 10 мая, непріятель, устрашенный засверкавшими въ проломѣ городской стѣны штыками, палъ на колѣна и просилъ пощады. Должностныя лица вмѣстѣ съ дербентскимъ ханомъ, навѣсивъ себѣ на шею сабли, вышли на встрѣчу къ главнокомандующему, и знаменитая крѣпость въ тотъ же день занята Русскими. Зубовъ принялъ мѣры къ охраненію не только жизни, но и собственности гражданъ.

a—Ключи Дербента поднесены были молодому Зубову стодвадцатилѣтнимъ старцемъ, тѣмъ самымъ персіяниномъ, который въ 1772 году вручилъ ихъ и Петру Великому.

b—Зубовъ долженъ былъ осуществить мысль Екатерины объ установленіи торговли съ Индіею. Ему поручено было, занявъ важные торговые пункты отъ Персіи до Тибета, оставить тамъ гарнизоны, а потомъ обратиться съ своей арміей вправо къ Анатоліи и тамъ, взявъ Анапу, пресѣчь всѣ сношенія съ Константинополемъ. Тогда Суворовъ пошелъ бы чрезъ горы и Адріанополь къ турецкой столицѣ; а императрица, находясь лично на флотѣ, въ то же время осадила бы этотъ городъ съ моря. Къ исполненію этого плана предполагалось приступить въ 1797 году, и Суворовъ дѣлалъ уже приготовленія. Неожиданная смерть императрицы все остановила.

c—Подъ Беллоною здѣсь разумѣется императрица, а имя греческаго философа Платона, начертавшаго планъ учрежденія государства, заключаетъ въ себѣ намекъ на Платона Зубова, какъ виновника плана, упомянутаго въ предыдущемъ примѣчаніи (Об. Д.).

63 Великій князь Николай Павловичъ родился въ Царскомъ Селѣ 25 іюня 1796 г. въ три часа по полуночи. Крещеніе было совершено 6 іюля.

64 Случай, на который написаны эти стихи, такъ разсказанъ въ письмѣ Державина къ И. И. Дмитріеву отъ 5 августа 1796 г.: «Третьяго дня Ѳедоръ Михайловичъ Дубянскій, переѣзжая съ дачи своей чрезъ Неву, съ компаніей потонулъ; а именно, съ нимъ были: банковые докторъ Сипажъ съ женою, кассиръ Гемшъ, придворнаго закройщика Дьячкова жена. Но спаслися кое-какъ: тотъ Дьячковъ, мужъ утопшей, жена Гемшева, Захаржевскій, протоколистъ сенатскій, и нашъ Орфеевъ Иванъ Даниловичъ, который уже былъ на днѣ, но не оробѣлъ и кой-какъ вскарабкался къ лодкѣ, которая отъ трусости Гемша, вскочившаго отъ небольшой течи на бортъ, опрокинулась и сдѣлала столько покойниковъ».

Дубянскій, котораго смерть Державинъ оплакиваетъ, служилъ, въ чинѣ бригадира, совѣтникомъ правленія государственнаго заемнаго банка подъ начальствомъ графа Завадовскаго, бывшаго главнымъ директоромъ этого учрежденія. Дубянскій извѣстенъ намъ также по стихамъ Дмитріева и, какъ видно изъ нихъ, былъ любитель и знатокъ музыки. Онъ положилъ на ноты пѣсню Дмитріева: «Стонетъ сизый голубочекъ».

65 Написано на сговоръ короля шведскаго съ великою княжной Александрой Павловной. Послѣ окончанія войны съ Швеціею, Екатерина искала союза съ этимъ государствомъ, думая воспользоваться его помощью для обузданія революціонной Франціи. Преемнику убитаго Густава III было только 17 лѣтъ и, какъ несовершеннолѣтній, онъ оставался еще подъ опекою дяди своего, герцога Зедерманландскаго Карла, который уже успѣлъ сосватать за него мекленбургскую принцессу. Русскому послу при Стокгольмскомъ дворѣ, барону Будбергу, удалось разстроить планъ этого брака и склонить регента на путешествіе въ Петербургъ съ молодымъ королемъ Густавомъ IV Адольфомъ. Они прибыли къ намъ $^{14}/_{25}$ августа съ блестящею свитой и поселились въ домѣ, который занималъ шведскій чрезвычайный посолъ, баронъ Стедингъ. Король принялъ имя графа де-Гага. Весь Петербургъ пришелъ въ движеніе; сама императрица, жившая въ Таврическомъ дворцѣ, поспѣшила переѣхать въ Зимній для пріема дорогаго гостя. Прекрасная, умная и любезная Александра Павловна, съ дѣтства привыкшая считать шведскаго короля своимъ суженымъ, увидѣла въ пріятной личности его осуществленіе своихъ завѣтныхъ ожиданій и привязалась къ нему со всею горячностью невиннаго сердца. Вопросъ о бракѣ казался окончательно рѣшеннымъ: король сватался и получилъ согласіе.

Оставалось закончить дѣло торжественнымъ обрученіемъ. Извѣстно, какимъ неожиданнымъ разочарованіемъ ознаменовался вечеръ $^{10}/_{21}$ сентября, въ

который оно должно было совершиться въ тронной залѣ въ присутствіи всей императорской фамиліи, двора и дипломатическаго корпуса. Король отказался подписать привезенный ему Морковымъ за часъ до того актъ, въ которомъ, между прочимъ, выговаривалось для будущей королевы право сохранить свое вѣроисповѣданіе и имѣть въ Стокгольмѣ православную капеллу съ духовенствомъ. Вопреки совѣтамъ своего дяди и приближенныхъ, Густавъ Адольфъ не хотѣлъ слышать о такой уступкѣ и показалъ первый опытъ того упорства, которое послѣ такъ отличало его. Непреодолимая твердость его въ этомъ случаѣ была, какъ есть поводъ думать, слѣдствіемъ письма, полученнаго имъ наканунѣ изъ Швеціи отъ епископа Флодина. Вскорѣ послѣ того, 20 сентября (день рожденія великаго князя Павла Петровича), король и дядя его оставили Петербургъ. Современники, въ томъ числѣ и Державинъ, въ значительной мѣрѣ приписываютъ этой неудачѣ послѣдовавшую черезъ два мѣсяца скоропостижную кончину императрицы.

66 Григорій Ивановичъ Шелеховъ, рыльскій именитый гражданинъ, возведенный Екатериною въ дворянское достоинство (род. въ 1747 г., умеръ въ Иркутскѣ 20 іюня 1795 года), прославился своею промышленною предпріимчивостью и смѣлыми странствованіями около восточныхъ береговъ Сибири, гдѣ нѣкоторые острова имъ были не только открыты, но и покорены русской власти.

67 Сюжетомъ для этой пьесы послужило, по словамъ Державина (Об.), изваяніе Эрота, находившееся въ домѣ графа Безбородки.

68 Написана по случаю кончины государыни 6 ноября 1796 года.

Въ Конторѣ журнала „СѢВЕРЪ"

продаются слѣдующія изданія:

Книги:

Гигіена обыденной жизни. Д-ра Жуковскаго. Ц. 1 р. — к.
Мѣры для борьбы съ холерою. Д-ра Григорьева. » — » 15 »
Сочиненія Императрицы Екатерины II-й, въ 3-хъ томахъ . . . . . » 1 » 50 »
Сочиненія Дмитріева, въ 2 томахъ . . . . » 1 » 25 »
» Давыдова » 3 » . . . . . » 1 » 50 »
» Дельвига и Одоевскаго, въ 1 томѣ. » 1 » — »
» В. Пушкина въ 1 томѣ . . . . » — » 75 »
» Кольцова » 1 » . . . . » — » 75 »
» Рылѣева » 1 » . . . . » — » 75 »
» Ахшарумова, въ 4 томахъ. . . . » 1 » 50 »
» Чарльза Матюрена «Мельмотъ Скиталецъ», въ 3 томахъ . . . . . » 1 » 50 »
Сочиненія Баратынскаго, въ 2 томахъ . . . » — » 80 »
Басни и комедіи Крылова, въ 2 (иллюстр.) томахъ » 1 » — »
Сочиненіе Семенова «Комнатное цвѣтоводство». » 1 » — »
» Головнина «Записки флота капитана». » — » 50 »
» Шарапова «Сельскій Хозяинъ» . . » — » 75 »
» Каншина «Интересы Желудка» . . » — » 75 »
Альманахъ на 1890 г., въ 1 томѣ. . . . . » 1 » — »

Альбомы:

Акварели къ повѣстямъ Гоголя, — въ 12 картинахъ . . . . . Ц. 1 р. 50 к..
Иллюстраціи къ роману гр. Л. Н. Толстого «Война и Миръ» въ 12-ти олеографическихъ картинахъ съ олеографическимъ портретомъ Л. Н. Толстого, исполненнымъ худ. И. Рѣпинымъ . . . . . » 1 » 50 »
«Изъ Русской жизни», — художн. Каразина, — въ 6 карт. . . . . » 1 » 50 »
Акварели (12 карт.) къ стихотворен. Некрасова, художн. П. Соколова. . . . . » 1 » 50 »

Гг. подписчики журнала «Сѣверъ» пользуются уступкою 20%.

За пересылку всѣхъ вышеозначенныхъ изданій плата по разстоянію.

2055

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1896 г.

СѢВЕРЪ

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

VIII-й годъ изданія. VIII-й годъ изданія.

Подписчики „СѢВЕРА" въ 1895 году получатъ:

52	№№ прекрасно иллюстрированнаго журнала въ 56—64 столбцовъ каждый, сброшюрованныхъ въ цвѣтную обложку, въ которыхъ, между прочимъ, будутъ помѣщены иллюстраціи русскихъ художниковъ къ произведеніямъ: А. Н. Майкова «Двѣ судьбы», Д. В. Григоровича «Петербургскіе шарманщики» и «Лотерейный билетъ», такъ какъ этимъ произведеніямъ исполняется въ будущемъ году 50 лѣтъ со дня ихъ перваго появленія въ печати.
12	№№ отдѣльныхъ иллюстрированныхъ «ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ» и рукодѣлій, составленныхъ по лучшимъ моднымъ парижскимъ журналамъ.
12	отдѣльныхъ выкроекъ; изъ нихъ 6 вырѣзныхъ въ натуральную величину и 6 на отдѣльныхъ листахъ.
6	рисунковъ-чертежей для любителей выпиловки изъ дерева, кости и металла.
6	цвѣтныхъ узоровъ для вышиванія.
12	альбомныхъ страницъ автографовъ знаменитыхъ русскихъ историческихъ и общественныхъ дѣятелей, со времени изданія Іоанна Калиты по настоящій 1894 годъ: царей, царицъ, полководцевъ, патріарховъ, писателей, художниковъ и поэтовъ. Ежемѣсячныя приложенія.
1	РОСКОШНЫЙ АЛЬБОМЪ гравюръ-иллюстрацій къ русскимъ народнымъ сказкамъ (Книжка въ форматѣ «Сѣвера»).
12	ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ БЕЗПЛАТНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ КЪ ЖУРНАЛУ: „БИБЛІОТЕКА СѢВЕРА": СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ Г. Р. ДЕРЖАВИНА. Въ продажѣ сочиненія Державина имѣются только изданія Академіи Наукъ (Цѣна 27 руб.) Сочиненія Н. Д. АХШАРУМОВА. Двойникъ. Повѣсть. Во что бы то ни стало. Романъ. Мудреное дѣло. Романъ. Натурщица. Повѣсть. Игромъ. Повѣсть. Граждане лѣса. Повѣсть. Сочиненія Квитко Основьяненко: „ПАНЪ ХОЛЯВСКІЙ". Сочиненіе Сельвіо Паллико: „ОБЪ ОБЯЗАННОСТЯХЪ ЧЕЛОВѢКА".

БЕЗПЛАТНЫЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ЖУРНАЛУ:

ПОРТРЕТЪ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА

НИКОЛАЯ II.

Большой листъ in folio, исполненный красками.

Большая картина извѣстнаго художника В. И. Сурикова:

„ПОКОРЕНІЕ СИБИРИ ЕРМАКОМЪ".

Битва Ермака надъ Кучумомъ-Городищемъ съ сибирскими инородцами 26 октября 1583 г. Этотъ день считается началомъ присоединенія Сибирскаго Царства къ Россіи. Величина картины 105×70 сант.

ТАБЕЛЬ-КАЛЕНДАРЬ, въ краскахъ.

„БИБЛІОТЕКА ПРИКЛАДНЫХЪ ЗНАНІЙ".

Кому не приходилось задавать себѣ вопросъ: «чего бы поѣсть» и какая изъ заботливыхъ хозяекъ не задавала себѣ вопроса: чѣмъ-бы накормить свою семью? Удовлетворяя этому вопросу, редакція журнала «Сѣверъ» выдаетъ своимъ подписчикамъ книгу:

ИНТЕРЕСЫ ЖЕЛУДКА.

За годовое изданіе со всѣми приложеніями безъ доставки въ С.-Петербургѣ . . . . 6 р.	Безъ доставки въ Москвѣ—въ конторѣ Печковской 6 р. 50 к.	Съ доставкою и пересылкою во всѣ города Россійской Имперіи . . . . 7 р. Съ пересылкою за-границу. 11 р.

Въ виду большой цѣнности картины «Покореніе Сибири Ермакомъ» и портрета Государя Императора, требующихъ особо тщательной укупорки, гг. подписчики «Сѣвера» благоволятъ за пересылку таковыхъ прилагать 60 к. почт. марками.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ въ Главной конторѣ редакціи „СѢВЕРЪ": Екатерининская, № 4.

12 ТОМОВЪ „БИБЛІОТЕКИ СѢВЕРА" И 1 ТОМЪ „БИБЛІОТЕКИ ПРИКЛАДНЫХЪ ЗНАНІЙ".

2 ПАРИЖСКИХЪ ПРИЛОЖЕНІЯ 1) ПОРТРЕТЪ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, 2) ПОКОРЕНІЕ СИБИРИ ЕРМАКОМЪ.

За редактора Н. А. Александровъ. Издатель Н. Ѳ. Мертцъ.

Дозволено цензурою. Спб., 23 ноября 1895 г. Типографія Е. Евдокимова, Троицкая ул., № 1